

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Казанский (Приволжский) федеральный университет»
Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций
Кафедра политологии

О.И. Зазнаев, В.В. Сидоров

ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ И ЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ

Монография

К а з а н ь
Логос-Пресс
2 0 2 2

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20-011-00102
«Роль формы правления в предотвращении и урегулировании
этнических конфликтов: сравнительное исследование»*

Рецензенты:

Н.В. Борисова – доктор политических наук,
декан историко-политологического факультета Пермского
государственного национального исследовательского университета;
И.Н. Тарасов – доктор политических наук, профессор,
профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального
университета имени Иммануила Канта

Авторы:

О.И. Зазнаев (главы 1, 2, 4, 9);
О.И. Зазнаев, Т.З. Мансуров (глава 3);
О.И. Зазнаев, В.В. Сидоров (введение и заключение; главы 5, 6, 7, 10);
В.В. Сидоров (глава 8)

Зазнаев, О.И.

3-16 **Формы правления и этнические конфликты: монография /**
О.И. Зазнаев, В.В. Сидоров. – Казань: Логос-Пресс, 2022. – 232 с.
ISBN 978-5-6046880-9-0

В монографии решается слабоизученная исследовательская проблема роли разных форм правления в урегулировании этнических конфликтов. Дается характеристика независимых переменных (президентской, парламентской и полупрезидентской систем), зависимой переменной (этнического конфликта), а также вмешивающейся переменной (этнической партии). Проводится критическая оценка имеющихся в науке положений о взаимосвязи между формами правления и этническими переменными, теоретическая и эмпирическая проверка гипотез о влиянии форм правления на этнический конфликт. Рассматривается поиск лучшей формы правления в условиях моно- и полиэтничного общества, а также проектирование формы правления с целью предупреждения и урегулирования этнических конфликтов. Определяются нерешенные исследовательские проблемы в изучении взаимосвязи форм правления и этнических конфликтов.

Монография адресована этнополитологам, специалистам в области национальной политики, представителям общественных организаций, аспирантам и студентам.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о предотвращении этнических конфликтов является актуальной политической проблемой. Этнические конфликты представляют опасность для стабильности и целостности любого многонационального государства. Для их управления реализуется система мер, среди которых особо выделяются институциональные меры. Меняя форму политико-территориального устройства, избирательную систему и форму правления, государство стремится предупредить этнические конфликты и способствовать их смягчению и урегулированию.

Во многих государствах в настоящий момент этническая идентичность выступает одним из главных побудителей для политической мобилизации людей. Политизация этничности становится тенденцией, таящей в себе опасности для целостности и стабильности многих государств современного мира. Ослабление гражданской и наднациональной идентичностей ведет к росту вероятности этнических конфликтов. Противодействие этим тенденциям видится одним из важнейших направлений государственной политики. Изучение влияния формы правления на этнические конфликты позволит глубже понять механизмы взаимодействия государственных институтов и этнических конфликтов. Для России эта проблема также является актуальной, поскольку вопросы межэтнического согласия всегда стоят в центре внимания российской политики. Таким образом, актуальность исследования роли формы правления в предотвращении и урегулировании этнических конфликтов заключается в значимости решаемой проблемы как на теоретическом, так и на практическом уровне формулирования государственной политики.

В настоящее время в политической науке не решен вопрос о роли формы правления в предупреждении и урегулировании этнических конфликтов. Имеющиеся положения о взаимосвязи между формой правления и этническими конфликтами носят противоречивый характер, страдает аргументация сторонников и противников президентской, парламентской и полупрезидентской систем. Кроме того, гипотеза о влиянии формы правления на этнические конфликты и о характере такого влияния требует тщательной эмпирической проверки. Таким образом, в политологии существует явный пробел, на устранение которого направлена наша монография.

Исследовательская проблема, находящаяся в фокусе нашего внимания, состоит в противоречии между потребностью в осмыслении институциональных факторов этнических конфликтов и неverified и слабо доказанными знаниями о том, какую роль в предотвращении и урегулировании конфликтов играет президентская, парламентская и полупрезидентская системы организации власти. Прежде всего, в политической науке остается неясным вопрос о том, какова взаимосвязь между этническими конфликтами и формами правления. Не доказано эмпирически, влияет ли форма правления на усиление или затухание этнических конфликтов, и как та или иная форма правления воздействует на этнические конфликты – способствует их предупреждению и урегулированию или, напротив, ведет к обострению.

Поскольку в современной политологии не хватает теоретических аргументов в пользу той или иной формы правления, а имеющиеся мнения насчет уровня этнической конфликтности разных форм правления являются весьма спорными, то мы пытались ответить на эти фундаментальные вопросы в своей книге. Кроме того, мы провели статистический анализ для установления взаимосвязи между этническими конфликтами и формами правления.

Наше исследование выполнено в русле неинституционального подхода политической науки. Пристальное внимание мы обратили на влияние независимой переменной – формы правле-

ния на зависимую переменную – этнический конфликт. Основное «кредо» нашего исследования: «институты важны». Мы исходим из того, что форма правления (президентская, парламентская, полупрезидентская) – это переменная, которая оказывает влияние на другие переменные институционального и неинституционального порядка, к числу которых относятся и этнические конфликты.

Неинституциональный подход в концептуальном плане связан с теорией конфликта, понимание которой на современном этапе давно вышло за рамки социологического направления. Тенденции развития современных исследований конфликта и мира в политологии однозначно направлены в сторону универсализации. В рамках неинституционального подхода хорошо «работает» сравнительный метод исследования политических и этнических процессов. Кросснациональному сравнению подлежали различные конфликтные кейсы в условиях разных форм правления.

В нашей монографии определен характер влияния форм правления на этнические конфликты на эмпирическом материале большого числа стран мира. Нами сделаны теоретические выводы о взаимодействии между президентской, парламентской и полупрезидентской системами, с одной стороны, и этническими конфликтами, с другой стороны. Определены риски возникновения конфликтов на этнической почве в условиях разных форм правления, а также установлены те элементы форм правления, которые представляют угрозу для этнического мира и согласия. Это позволяет определить степень опасности и деструктивности отдельных форм правления, что может стать основой для обоснования государственной политики, направленной на снижение этнической конфликтности и ее устранение.

Монография подготовлена по результатам реализации научного проекта № 20-011-00102 РФФИ «Роль формы правления в предотвращении и урегулировании этнических конфликтов: сравнительное исследование».

В нашем исследовании независимыми переменными выступают формы правления. Поэтому представляется разумным начать

разговор с выяснения вопроса о том, что такое форма правления, и как можно классифицировать формы правления. Этому посвящена **глава 1** монографии. В ней дано устоявшееся понимание формы правления как порядка формирования высших органов власти и взаимоотношений между ними. В главе значительное место уделено классификации форм правления, подвергается критике устоявшееся деление на монархии и республики, которое малопригодно при изучении взаимосвязи между формами правления и этническими переменными. Мы придерживаемся следующей классификации форм правления: президентские, парламентские, полупрезидентские и полупарламентские (ассамблейно-независимые).

В **главе 2** нами дана характеристика трех наиболее распространенных систем – президентской, парламентской и полупрезидентской. Эти формы правления в нашем исследовании рассматриваются в качестве независимых переменных. Президентская и парламентская системы представляют «зеркальные» противоположности, поэтому мы раскрываем их признаки попарно. Значительное место в главе уделено полупрезидентской системе, ее признакам, пониманию природы этой формы правления. Мы полемизируем с рядом авторов, отстаивая «право» на самостоятельное существование полупрезидентской системы, которая, на наш взгляд, не является смешанным типом.

В **главе 3** нами выясняется сущность этнического конфликта – зависимой переменной в нашем исследовании. В главе рассматриваются характеристики этнического конфликта и условия его перерастания в этнополитический конфликт. Большое место уделено детальному анализу существующих в отечественной и зарубежной политологии подходов к пониманию этничности и этнического конфликта, а также типологий этнических конфликтов. При анализе этнических конфликтов нельзя обойти стороной изучение стадий их развития, а также определение стратегий их урегулирования. Безальтернативным условием предупреждения и прекращения таких конфликтов является сбалансированная государственная национальная политика. В числе государственных

мер, направленных на предотвращение и урегулирование этнических конфликтов, безусловно, можно выделить организацию государственной власти.

В **главе 4** дан обзор современной дискуссии о лучшей форме государственного правления. Поиск лучшей формы правления для моно- и полиэтнических стран шел на протяжении длительного периода истории. Особенно важен ответ на вопрос о том, какая организация власти лучше всего подходит для общества, разделенного по этническим линиям. Мы критикуем попытку найти лучшую универсальную модель власти, и отмечаем проблемы, с которыми сталкиваются государства при попытках переходе к так называемым «лучшим» формам. В главе уделено внимание диспуту о влиянии той или иной формы правления на демократию и ее судьбу. Мы ставим под сомнение суждения о необходимости сильной президентской власти для переходных стран, их неготовности к парламентской системе, а также о конституции как решающей основе создания формы правления.

В **главе 5** дан критический обзор современных дискуссий о взаимосвязи между этническими конфликтами и формами правления. Мы концентрируем внимание на двух узловых проблемах: влияние этнических аспектов общества на форму правления; влияние формы правления на этнический конфликт. В главе утверждается, что выбор формы правления в условиях разделенного общества определяется концептуальным подходом. Сторонники консоциативного подхода полагают, что парламентская система в силу ее коллегиального характера – желаемый дизайн власти в полиэтническом обществе. Сторонники центристского подхода ратуют за президентскую систему, указывая в качестве ее преимуществ стремление президента выступить в качестве института, обеспечивающее групповое согласие и примирение. Сторонники разделительного подхода также считают лучшей для полиэтнических обществ президентскую систему, поскольку она в большей степени отвечает критерию разделения властей и их взаимного сдерживания.

В *главе 6* с помощью теоретических аргументов мы проверяем гипотезы о роли президентской, парламентской и полупрезидентской систем в урегулировании этнических конфликтов. В главе доказываем, что влияние формы правления на проявления этнического фактора в политике неоднозначно. Мы приводим аргументы в пользу того, что президентская система снижает риск этнических конфликтов и благоприятствует этническому миру и согласию, но при этом сокращает возможности для представительства этнических групп. Напротив, на наш взгляд, парламентская система создает больше возможностей для политического представительства этнических групп, но при такой форме правления возрастают риски этнических конфликтов. При этом мы подчеркиваем, что форма правления сама по себе не является причиной этнических конфликтов, которые развиваются в конкретных исторических, социальных и культурных условиях. Кроме того, в главе показаны преимущества и недостатки разных форм правления в деле политического регулирования этнических противоречий.

Этнические конфликты являются актуальным предметом политологических исследований. Современные ученые ищут ответ на вопрос, как избежать и смягчить этнические конфликты. В рамках неинституционального подхода этот вопрос суживается до поиска оптимального институционального устройства, предотвращающего этнические конфликты. Поскольку целью нашего исследования было выяснение степени взаимосвязи формы правления и этнического конфликта, то для достижения этой цели мы провели статистический анализ, результаты которого представлены в *главе 7*. Нами были использованы базы данных по формам правления, этническим конфликтам и политическим режимам. Результаты анализа показали, что в недемократических странах форма правления не оказывает влияния на интенсивность этнических конфликтов. В то же самое время в группе демократических стран можно говорить о крайне слабой корреляции между этими двумя переменными. На наш взгляд, дальнейшие исследования влияния

политических институтов на этнические конфликты должны использовать более широкие временные горизонты анализа и сосредоточиться на большем числе исследуемых случаев.

В *главе 8* раскрывается роль этнической партии как вмешивающейся переменной при исследовании взаимосвязи между формами правления и этническими конфликтами. Во многих государствах мира этнические партии запрещены, а значит механизмы этнического представительства в парламентской и президентской системе различны. В главе раскрываются признаки этнических партий, а также логика взаимосвязи между этническими партиями и этническими конфликтами.

В *главе 9* предложен взгляд на форму правления как политический проект, отвечающий критериям социального проекта. Сознательное проектирование форм правления имеет важное значение, поскольку позволяет оптимизировать взаимоотношения между ветвями власти, создать эффективную систему власти, что в итоге способствует предупреждению этнических конфликтов, их регулированию и разрешению. Мы выделяем разные стратегии инноваций в формах правления. В главе утверждается, что конструкция формы правления основана на ценностях, идеалах и стереотипах, особенно политической культуре. Анализируются объекты и субъекты проектирования формы правления, а также жизненный цикл и судьбы проектов формы правления. Проектирование формы правления в условиях полиэтничного общества заключается, прежде всего, в создании атипичных форм правления и внедрении атипичных элементов типичных форм правления, которые анализируются в главе 9. Мы показываем, что эти конструкции направлены на расширения этнического представительства и сокращения рисков конфликтов на этнической почве.

В заключительной *главе 10* монографии раскрываются методологические проблемы, с которыми исследователи сталкиваются при изучении взаимосвязи между формами правления и этническими конфликтами. Этнические конфликты объясняются уникальным набором факторов, влияющих на их проявления

и динамику в реальной политической практике. Исследователи сталкиваются с трудностями при отборе случаев исследования, выявлении общих объясняющих переменных и интерпретации результатов сравнительного анализа. Решение методологических проблем сравнения этнических конфликтов и форм правления лежит в плоскости выбора оптимального соотношения между количеством отобранных случаев и выбранными исследователем переменными.

В монографии обобщены и систематизированы наши предыдущие опубликованные работы под углом зрения связи между формой правления и этничностью. Книга не претендует на полноту раскрытия поставленных вопросов в силу их новизны и слабой проработанности в политической науке. Мы выразили свое видение проблем и получили результаты, которые могут стать предметом научной полемики. Мы будем благодарны за любые комментарии и замечания. Надеемся, что монография вызовет интерес у читателей и будет способствовать интенсификации дискуссий вокруг сложных вопросов взаимосвязи политических институтов и этнических аспектов общества.

Глава 1

ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ ФОРМ ПРАВЛЕНИЯ

Под **формой правления** понимают порядок формирования высших органов власти и взаимоотношения между ними¹. Встречается *узкая и широкая трактовка* этого концепта. Первая позиция сводится к тому, что характер формы правления, существующей в данном государстве, зависит от организации верховной государственной власти, а точнее – от определения правового положения одного высшего органа государственной власти – главы государства². Сторонники широкого подхода в это понятие включают отношения между государством и населением, между высшими государственными органами, между этими органами и центрами экономической и политической власти, политическую среду, в которой реализуются эти отношения³. В.Е. Чиркин отвергает обе трактовки, поскольку, по его мнению, «узкое определение не раскрывает всех существенных сторон формы государства, широкое – выходит за пределы формы»⁴. Он предлагает такую дефи-

¹ См., напр.: Автономов А.С. Правовая онтология политики: к построению системы категорий. – М.: Инфограф, 1999. – С. 200.

² Государственное право буржуазных и развивающихся стран: Учебник. – М.: Юрид. лит., 1989. – С. 130.

³ Благож Й. Формы правления и права человека в буржуазных государствах. – М.: Юрид. лит., 1985. – С. 196.

⁴ Чиркин В.Е. Конституционные институты формы государства // Сравнительное конституционное право: Уч. пособие / Отв. ред. В.Е. Чиркин. – М.: Междунар. отношения, 2002. – С. 258.

нию: форма правления – «это способ управления государством, включающий структуру и взаимоотношения органов государства, а также формы их прямых и обратных связей с населением»⁵. Думается, что такое определение является оптимальным⁶.

В отечественной юридической и политологической литературе термин «форма правления (государства)» прочно прижился. Широко используются понятия «монархическая форма правления», «республиканская форма правления», «президентская форма правления», «парламентарная (или парламентская) форма правления», «смешанная (или полупрезидентская) форма правления». Как правило, государства делятся на монархии и республики. Принципиальный порок этой классификации заключается в том, что важное в ней подменено неважным, реальное – формальным. Причина кроется в не вполне верной трактовке понятия «форма правления».

Во-первых, в рамках подобной классификации во главу угла ставится то, является ли пост главы государства наследуемым или ненаследуемым (в данном контексте термин «ненаследуемый» точнее термина «выборный», ибо в республике президент далеко не всегда избирается: помимо всеобщих выборов, существует парламентский способ замещения этой должности, а также такой, как назначение президента специально создаваемым органом). Но главное в форме правления – не процесс передачи верховной власти, а *система* взаимоотношений между законодательной и исполнительной ветвями. Говоря о той или иной форме правления, мы отвечаем на целую серию вопросов: каково происхождение исполнительной власти; какова ее структура (однородная или дуальная); каковы полномочия исполнительной власти и ее органов

⁵ Чиркин В.Е. Конституционные институты формы государства // Сравнительное конституционное право: Уч. пособие/ Отв. ред. В.Е. Чиркин. – М.: Междунар. отношения, 2002. – С. 259.

⁶ Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. – Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2006. – С. 86.

(главы государства, главы правительства, правительства) в сравнении с полномочиями законодательного собрания; каковы взаимоотношения в рамках треугольника «глава государства – правительство – парламент». Правление – это комплекс отношений, которые невозможно свести к наследуемому или ненаследуемому способу замещения главы государства⁷.

Во-вторых, деление на монархии и республики отражает лишь внешний, формально-юридический аспект деятельности государства, оставляя за скобками фактическую сторону, реально существующую систему взаимоотношений между законодательной и исполнительной властью. Игнорировать конституцию, безусловно, нельзя, но для политологов важнее исследовать не специфику монархии по сравнению с республикой, а особенности президентской, парламентской и прочих систем. И дело здесь не в субъективных предпочтениях, а в том, что в современном мире утрачен политический смысл деления на монархии и республики⁸.

Некоторые авторы предлагают наряду с понятием «форма правления» использовать понятие «система правления». Эту идею высказывает, в частности, Н.А. Сахаров, который утверждает, что с точки зрения научной терминологии корректнее говорить о президентской, полупрезидентской и парламентской системах правления, отличая их тем самым от форм правления; при этом вполне приемлемо традиционное толкование понятия «форма правления», которая может быть республиканской или монархической⁹.

Сходной позиции придерживается С.Г. Паречина, которая пишет о том, что не следует смешивать понятия «форма правления» и «система правления», поскольку первое определяет выборные

⁷ Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. – Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2006. – С. 86–87.

⁸ Там же. – С. 87.

⁹ Сахаров Н.А. Институт президентства в современном мире. – М.: Юрид. лит., 1994. – С. 3.

или наследственные начала формирования высшей государственной власти, а второе – тип соотношения полномочий и взаимоотношений между высшими исполнительными или законодательными органами¹⁰. По ее мнению, форма правления – основа формирования высшей государственной власти в той или иной политической системе, которая бывает выборной или наследственной. Политическое содержание термина «система правления» обозначает, в первую очередь, тот или иной тип соотношения прерогатив между исполнительными и законодательными органами государственной власти¹¹, – отмечает С.Г. Паречина. Однако с подобным противопоставлением двух аспектов правления вряд ли можно согласиться, поскольку способ замещения главы государства – одна из характеристик правления. Понятие «форма правления» характеризует не только формально-юридическую (выборные или наследственные начала власти), но и фактическую сторону государства, которая существует в виде сложной системы взаимоотношений между законодательной и исполнительной властью¹².

Исходя из вышесказанного, можно выделить существенные стороны формы правления. Первая из них касается взаимоотношений между законодательной и исполнительной властью, а именно – *парламентской ответственности правительства* (ее наличия или отсутствия). Ведь именно вопрос о правительстве и исполнительной власти занимает центральное место в комплексе этих отношений (слова «правление» и «правительство» имеют одинаковой корень). Вторая сторона формы правления – это *способ назначения главы государства* – выборный (населением) или невыборный. Факт прямого избрания президента создает совершенно иную легитимность по сравнению с ситуацией, когда

¹⁰ Паречина С.Г. Институт президентства: история и современность // под общ. ред. Е.В. Матусевича. – Мн.: ИСПИ, 2003. – § 1.2.

¹¹ Там же.

¹² Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. – С. 88.

президент избирается парламентом или специальной коллегией. Именно эти два критерия – парламентская ответственность правительства и всеобщие выборы главы государства будут использоваться далее при построении типологии форм правления¹³.

В политико-правовой литературе едва ли встретишь такой разноречивой во взглядах, как по вопросу о **классификации форм правления**. Число выделяемых типов варьируется от двух¹⁴ до нескольких десятков. Имеются классификации, в которых представлено три¹⁵, пять¹⁶, семь¹⁷, восемь¹⁸, двадцать четыре типа¹⁹. Нет единства и относительно того, к какому типу относить ту или иную страну. Так, одни авторы причисляют французскую Пятую Республику к президентским системам, другие – к парламентским, третьи – к полупрезидентским, четвертые – к полупарламентским, пятые – к смешанным, шестые – к премьер-президентским, седьмые – к президентским и парламентским одновременно. Россия

¹³ Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. – С. 88.

¹⁴ Price D.K. The Parliamentary and Presidential Systems // Public Administration Review. – 1943. – Vol. 3. – № 4; Laski H. The Parliamentary and Presidential Systems // Public Administration Review. – 1944. – Vol. 4. – № 4. – P. 347–363.

¹⁵ Duverger M. A New Political System Model: Semi-Presidential Government // European Journal of Political Research. – 1980. – Vol. 8. – P. 165–187.

¹⁶ Shugart, M. S., Carey J.M. Presidents and Assemblies. Constitutional Design and Electoral Dynamics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – P. 26; Daly S. The Ladder of Abstraction: A Framework for the Systematic Classification of Democratic Regime Types // Politics. – 2003. – Vol. 23 (2). – P. 104.

¹⁷ Siaroff A. Comparative Presidencies: The Inadequacy of the Presidential, Semi-Presidential and Parliamentary Distinction // European Journal of Political Research. – 2003. – Vol. 42. – P. 294.

¹⁸ Lijphart A. Presidentialism and Majoritarian Democracy: Theoretical Observations // The Failure of Presidential Democracy. Comparative Perspectives / ed. by J. J. Linz, A. Valenzuela. – Baltimore; L.: The Johns Hopkins University Press, 1994. – P. 94.

¹⁹ Elgie R. The Classification of Democratic Regime Types: Conceptual Ambiguity and Contestable Assumptions // European Journal of Political Research. – 1998. – Vol. 33. – № 2. – P. 227.

обозначается как президентская, суперпрезидентская, смешанная, полупрезидентская и президентско-парламентская система.

Причины такой разноголосицы кроются не столько в самом классифицируемом объекте (форме правления), хотя его сложность и многосоставность не вызывает сомнений (в частности, в литературе выделяют 27 полномочий президента, каждое из которых может выступить основанием для классификации²⁰), сколько в тех «ловушках»²¹, в которые попадают исследователи, игнорирующие логические правила и процедуры. Именно неумение избежать подобных «ловушек» и лежит в основе ложных классификаций, искажающих представления о формах правления. Чтобы создать типологию, свободную от присущих нынешним изъянов, необходима тщательная и кропотливая «работа над ошибками»²². Далее будут рассмотрены часто встречающиеся классификационные ошибки («прыжок по лестнице абстракции», несоразмерность деления, «концептные натяжки», подмена логики классификации логикой градации, совпадение членов деления) и показаны способы их преодоления.

Самая распространенная ошибка в типологии форм правления – это «прыжок по лестнице абстракции». «Лестница абстракции» Дж. Сартори представляет собой метафору, отражающую процесс перехода от более низких уровней абстрагирования к более высоким²³. Выводя абстрактные умозаключения, мы «поднимаемся по лестнице», на различных ступенях которой располагаются так наз. «обсервативные концепты» (опирающиеся на наблюдаемые

явления). Проблема заключается в определении уровня абстрагирования, на котором должны размещаться соответствующие концепты, а также вытекающих отсюда правил преобразования. При этом главным «остается вопрос о том, как добиться приобретений в плане охвата (по мере восхождения по лестнице абстракции), не неся при этом ненужных потерь с точки зрения точности и возможности эмпирической проверки»²⁴.

Правила логики требуют, чтобы подразделения на подмножества были непрерывными, т.е. при классификации нельзя перескакивать через ближайшее подмножество. В случае таксономического деления необходимо переходить от родового понятия к видовым одного и того же уровня. К сожалению, многие из предлагаемых типологий форм правления строятся именно на «прыжках» с уровня на уровень. Весьма показательна в этом плане следующая типология, получившая широко распространение в отечественной литературе: формы правления делятся на монархии (абсолютная, дуалистическая и конституционная) и республики (президентская, парламентская и смешанная).

Если проанализировать реальные, а не «бумажные» властные полномочия государственных институтов, то обнаружится, что различие между конституционными (ограниченными) монархиями, где коронованные особы «царствуют, но не правят», и парламентскими республиками состоит лишь в том, что в одном случае пост главы государства наследуется, а в другом – нет. Так почему же в приведенной выше типологии они оказываются в разных родовых группах? В западной политической науке конституционная монархия, как правило, рассматривается как разновидность парламентской системы, а не монархии²⁵.

То, что действительно нельзя игнорировать при классификации форм правления, – это различия между демократическими и

²⁰ Frye T. A Politics of Institutional Choice: Post-Communist Presidencies // Comparative Political Studies. – 1997. – Vol. 30. – № 5. – P. 548.

²¹ Daly S. The Ladder of Abstraction: A Framework for the Systematic Classification of Democratic Regime Types. – P. 96.

²² См. подробнее об этом: Зазнаев О.И. Типология форм правления: работа над ошибками // Полис. Политические исследования. – 2006. – № 1. – С. 92–103.

²³ Сартори Дж. Искажение концептов в сравнительной политологии (II) // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 4. – С. 152.

²⁴ Сартори Дж. Искажение концептов в сравнительной политологии (II) // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 4. – С. 152–153.

²⁵ Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. – С. 96.

недемократическими режимами²⁶. Когда отношения между высшими государственными органами строятся на прямом подчинении и диктате (например, глава государства фактически берет на себя и законодательные, и исполнительные, и судебные функции), правление значительно упрощается, и его форма утрачивает существенное политическое значение. Именно так обстоит дело в абсолютных и дуалистических монархиях, где монарх занимает монопольное положение в структуре государственных органов, а также в президентско-монархических, президентско-милитарных, суперпрезидентских системах, системах с абсолютной монополией одной партии (как это было в СССР) и т.п. Если же в обществе сохраняется хотя бы минимальная политическая конкуренция, если исполнительная и законодательная власть выступают как относительно самостоятельные игроки, отношения между которыми могут складываться и регулироваться по-разному (вотум доверия, резолюция порицания, отлагательное вето, согласие на назначение, представление кандидатур, выборы, отзыв, отставка, роспуск и др.), понятие «форма правления» наполняется реальным содержанием²⁷.

Исправленная классификация предполагает введение критерия демократии: все формы правления следует разделить на формы демократического и недемократического правления. В свою очередь, формы демократического правления можно разделить так: президентская (республика), парламентская система (парламентская монархия и парламентская республика), полупре-

²⁶ Так, авторы недавно вышедшего фундаментального труда, посвященного исполнительной власти, анализируют отдельно исполнительную власть демократических государств и исполнительную власть государств за границами демократии – в автократиях, гибридных режимах, авторитарных монархиях, партийных диктатурах и военных режимах. См.: The Oxford Handbook of Political Executives / ed. by R.B. Andrew, R. Elgie, L. Helms, J. Kaarbo, and F. Müller-Rommel. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – P. 673–774.

²⁷ Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. – С. 97.

зидентская система (республика) и полупарламентская система (республика). Формы недемократического правления делятся на абсолютную монархию, дуалистическую монархию, авторитарную республику (например, СССР) и прочие режимы.

Другая классификационная ошибка, которую допускают исследователи, – *несоразмерность деления*. Согласно правилу соразмерности деления, суммарный объем подмножеств должен равняться общему объему классифицируемого множества. Неполнота типологического ряда, отсутствие одного или нескольких объектов, которые в силу классификации должны были быть включены в нее по этому основанию, свидетельствуют о нарушении данного правила. Наглядным примером такого нарушения может служить деление форм правления на президентские и парламентские. Недостатки подобной дихотомической типологии очевидны²⁸.

Прежде всего, эта классификация является заведомо неполной, поскольку не охватывает все имеющиеся в политической практике случаи. В частности, из нее «выпадает» французская Пятая Республика, которую, если исходить из традиционных представлений о существенных чертах президентской и парламентской систем, нельзя отнести ни к одной из них.

Кроме того, не следует забывать, что со времени принятия американской конституции конституционная инженерия продвинулась далеко вперед. Государства экспериментируют с разными комбинациями элементов форм правления, порой соединяя, казалось бы, противоречащие друг другу компоненты (президентский способ формирования правительства и политическую ответственность кабинета; парламентский способ формирования правительства и отсутствие вотума недоверия кабинету; парламентские процедуры формирования и ответственности правительства и всенародные выборы премьер-министра и т.д.). Придерживать-

²⁸ Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. – С. 98.

ся в третьем тысячелетии президентско-парламентской дихотомии не более оправданно, чем делить средства передвижения на гужевой транспорт и корабли²⁹.

С. Дэйли совершенно справедливо приходит к выводу о том, что «парламентско-президентская дихотомия провалилась»³⁰. С развитием сравнительного анализа в классификационные типы начинают включаться дополнительные режимы: полупрезидентский у М. Дюверже и Дж. Сартори³¹; премьер-президентский, президентско-парламентский и ассамблейный – у М.С. Шугарта и Дж. Кэри³². Это делает типологию форм правления эмпирически полной и снимает вопрос о несоразмерности деления.

Первым, кто отошел от дихотомического деления форм демократического правления, был М. Дюверже, который предложил ввести новую категорию, используя для ее обозначения термин «полупрезидентская система»³³. Отличительная черта подобной системы – дуализм исполнительной власти: «всемирно избранный на фиксированный срок президент существует наряду с премьер-министром и кабинетом, которые несут ответственность перед парламентом»³⁴. В западной литературе полупрезидентскую систему именуют также системой биполярной (двойственной) либо разделенной исполнительной власти, парламентско-прези-

²⁹ Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. – С. 99.

³⁰ Daly S. The Ladder of Abstraction: A Framework for the Systematic Classification of Democratic Regime Types. – P. 96.

³¹ Duverger M. A New Political System Model: Semi-Presidential Government. – P. 166; Sartori G. Comparative Constitutional Engineering: An Inquiry into Structures, Incentives and Outcomes. – 2nd edition. – L.: Macmillan Press, 1997. – P. 83–140.

³² Shugart M.S., Carey J.M. Presidents and Assemblies. Constitutional Design and Electoral Dynamics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – P. 26.

³³ Duverger M. A New Political System Model: Semi-Presidential Government. – P. 166.

³⁴ Semi-Presidentialism in Europe / ed. by R. Elgie. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – P. 13.

дентской республикой, квазипарламентской, премьер-президентской или смешанной формой правления, президенталистским режимом. В отечественной политологии и юриспруденции ее обычно характеризуют как смешанную.

Однако у дихотомической типологии еще остаются сторонники, прежде всего, среди юристов, многие из которых, говоря словами М. Дюверже, «продолжают чтить две священные коровы – парламентский и президентский режим»³⁵.

Стремление к расширению зоны исследования зачастую приводит, как показывает Дж. Сартори, к «концептным натяжкам», т.е. к растяжению понятий без сжатия их смыслового наполнения, когда объем понятия возрастает за счет размывания содержания. «Мы можем охватить большее пространство, – констатирует Дж. Сартори, – только если скажем меньше, причем скажем это гораздо туманнее»³⁶. Результатом таких «натяжек» становится утрата содержательной точности, появление расплывчатых и по большей части неопределенных понятий. «Концептные натяжки», – пишет Дж. Сартори, – неумолимо влекут нас в гегелевскую ночь, где все коровы кажутся черными (и даже молочника легко принять за корову)»³⁷.

«Концептные натяжки» нередко встречаются и при классификации форм правления. Пытаясь «подогнать» необычные эмпирические случаи под имеющиеся типологии, исследователи порой неоправданно расширяют содержание понятий. Концепт становится более общим, утрачивая при этом многие из своих свойств. Использование минимального количества характеристик режима (его определяющих качеств, по мнению авторов подобных классификаций) полностью дезориентирует исследователей: так, если

³⁵ Цит. по: Semi-Presidentialism in Europe / ed. by R. Elgie. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – P. 7.

³⁶ Сартори Дж. Искажение концептов в сравнительной политологии (I) // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 3. – С. 69.

³⁷ Сартори Дж. Искажение концептов в сравнительной политологии (II). – С. 152.

парламентская система квалифицируется как форма правления с ответственностью правительства перед законодательным собранием, то в числе парламентских систем оказывается и Франция³⁸.

Один из наглядных примеров такой ошибки – отнесение Израиля периода всенародных выборов премьер-министра (1996–2001 гг.) к президентским системам, как это делает А. Лейпхарт³⁹. Однако при «чистом» президентализме правительство не несет ответственности перед парламентом и тот не влияет на его формирование, а также отсутствует институт досрочного роспуска законодательного собрания. Не выдерживает критики и утверждение, что избранный на всеобщих выборах премьер-министр – это «президент по нашему определению»⁴⁰, поскольку вне зависимости от процедуры избрания премьер-министр является главой правительства, но не государства и не обладает целым рядом полномочий, которыми наделены президенты. Как справедливо подмечено в литературе, Израиль отошел от «чистого» парламентаризма, но при этом не стал ни «чисто» президентским, ни «чисто» полупрезидентским⁴¹. Многие исследователи полагают, что израильскую систему 1996–2001 гг. следует определять как гибридную. Попытки «подтянуть» ее под категорию президентской не имеют под собой оснований⁴².

«Концептной натяжкой» является и включение в группу президентских республик России. Сложившуюся в нашей стране форму правления нередко описывают как суперпрезидентскую республи-

ку. Между тем российская система представляет собой не «чистый» президентализм, а полупрезидентскую систему. Для подобных систем характерны всенародные выборы президента, формирующего кабинет с полного или частичного согласия легислатуры и имеющего право распустить парламент при выражении им недоверия кабинету. Специфика России заключается в том, согласно Конституции РФ, президент назначает Председателя Правительства с согласия Государственной Думы, а членов кабинета – по предложению Председателя Правительства. Отличительная черта российской формы правления – двойная ответственность правительства перед президентом и перед нижней палатой парламента. Кроме того, в определенных случаях президент распускает Думу. Все это не позволяет считать форму правления России президентской, ибо при президентализме парламент не принимает участия в формировании кабинета, правительство не несет ответственности перед парламентом и отсутствует институт роспуска парламента.

Менее распространенная ошибка, которую допускают исследователи при типологизации форм правления, – это *подмена логики классификации логикой градации*. Дж. Сартори, безусловно, прав, когда пишет: «Две сопоставляемые позиции должны прежде всего принадлежать к одному классу и обладать либо не обладать неким отличительным свойством; и только если они им обладают, их можно сравнивать с точки зрения того, у какой из них данного свойства больше, а у какой – меньше. Поэтому логика градации является одной из составляющих логики классификации. Точнее говоря, переход от классификации к градации заключается в замене знакового ряда «такой же – иной» членением «такой же – больший – меньший», т.е. во введении количественной дифференциации в рамках качественного подобия (свойств)»⁴³. Логика «или – или» нельзя заменить логикой «больше – меньше»⁴⁴.

⁴³ Сартори Дж. Искажение концептов в сравнительной политологии (I). – С. 74.

⁴⁴ Там же. – С. 76.

³⁸ Daly S. The Ladder of Abstraction: A Framework for the Systematic Classification of Democratic Regime Types. – P. 99.

³⁹ Lijphart A. Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries. – New Haven; L.: Yale University Press, 1999. – P. 119.

⁴⁰ Shugart M.S., Carey J.M. Presidents and Assemblies. Constitutional Design and Electoral Dynamics. – P. 164.

⁴¹ Hazan R. Presidential Parliamentarism: Direct Popular Election of the Prime Minister, Israel's New Electoral and Political system // Electoral Studies. – 1996. – Vol. 15. – № 1. – P. 33.

⁴² Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. – С. 101.

К сожалению, при рассмотрении форм правления такая подмена логик отнюдь не редкость. В непривычных и нестандартных случаях (в частности, сталкиваясь с гибридными режимами) многие исследователи оперируют не понятием качества (нового типа), а понятием приближения к уже известным типам. Приведем несколько примеров⁴⁵.

В некоторых странах Латинской Америки второй тур выборов президента не проводится, и, если в первом туре не выявляется абсолютный лидер, главу государства избирает конгресс. Означает ли это, что подобные страны нельзя считать президентскими (то есть они потеряли существенное свойство), или же они лишь «чуть-чуть» отошли от «чистого» президентизма, оставаясь по сути президентскими? Рассмотрим два противоположных случая.

С 1853 по 1994 год в Аргентине и с 1925 по 1980 год в Чили при избрании главы исполнительной власти действовало следующее правило. Если на всеобщих выборах ни один из кандидатов не получал абсолютного большинства, конгресс на совместном заседании палат избирал президента из двух фаворитов общенациональной кампании. При этом в соответствии со сложившейся в обеих странах традицией, президентский пост доставался тому претенденту, который на всеобщих выборах показывал наилучший результат⁴⁶ т.е. парламент, по сути, лишь «ратифицировал» волеизъявление народа. Таким образом, аргентинская и чилийская системы на практике незначительно отличались от «чистого» президентизма, и выборы президента парламентом в этих странах были не более чем проявлением *псевдопарламентаризма*. Иначе говоря, признак всеобщих выборов главы государства там присутствовал (качество), но в некоторых случаях был не совсем полным (что позволяет говорить о степени приближения рассматриваемых стран к идеальной президентской модели).

⁴⁵ Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. – С. 102–103.

⁴⁶ Mainwaring S. Presidentialism in Latin America // Latin American Research Review. – 1990. – Vol. 25. – № 1. – P. 158.

Из двух (до 1994 года – из трех) лидеров общенациональной кампании избирает президента во втором туре конгресс современной Боливии, однако ситуация в этой стране принципиально отличается от описанной выше. Дело в том, что решение конгресса по вопросу о будущем президенте зависит от поствыборных межпартийных соглашений, гарантирующих главе государства поддержку большинства парламента и обеспечивающих согласие между законодательной и исполнительной властью. В результате на посту президента могут оказаться (и нередко оказываются) политики, занявшие в первом туре всеобщих выборов вторую и даже третью позицию. В литературе боливийскую форму правления называют парламентаризированной президентской системой⁴⁷. С таким определением вполне можно согласиться, ибо в Боливии признак всеобщих президентских выборов практически сведен на нет, и парламентские механизмы составляют ядро этой системы. Определять боливийскую систему в качестве «ограниченной президентской», как это делают некоторые авторы⁴⁸, – значит, подменить логику классификации логикой градации⁴⁹.

Наконец, следует указать на такую классификационную ошибку, как *совпадение членов деления*. По справедливому замечанию Дж. Сартори, «логика «или – или» есть подлинная логика построения классификации. Требуется, чтобы категории (классы) были взаимоисключающими, т.е. категориальные концепты отражают те характеристики, которыми рассматриваемый объект может обладать или не обладать»⁵⁰. Данное требование проигнорировано

⁴⁷ Linz J. Presidential or Parliamentary Democracy: Does It Make a Difference? // The Failure of Presidential Democracy. Comparative Perspectives / ed. by J. J. Linz, A. Valenzuela. – Baltimore; L.: The Johns Hopkins University Press, 1994. – P. 86.

⁴⁸ Дербишайр Дж.Д., Дербишайр Я. Политические системы мира. В 2 т. – Том 2. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004. – С. 359.

⁴⁹ Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. – С. 103.

⁵⁰ Сартори Дж. Искажение концептов в сравнительной политологии (I). – С. 74.

в типологии, предлагаемой А. Лейпхартом: 1) чистый парламентаризм (большинство западноевропейских демократий; Австралия; Израиль; Индия; Канада; Малайзия; Нигерия (1960-66 гг.); Новая Зеландия; Турция; Франция (1986-88 гг.); Ямайка; Япония); 2) чистый президентализм (большинство латиноамериканских демократий; Кипр; Нигерия (1979-83 гг.); Соединенные Штаты; Филиппины; Франция (Пятая Республика кроме 1986-88 гг.); Южная Корея); 3) Швейцария; 4) Ливан; 5) Кипр (1960-63 гг.) и Уругвай (1952-67 гг.)⁵¹ (эти две страны образуют один тип)⁵².

В основе лейпхартовской типологии лежат три критерия, что приводит к выделению восьми форм, из которых две (президентская и парламентская) являются чистыми, а остальные шесть – смешанными, сочетающими в себе элементы президентализма и парламентаризма, причем из них три реализованы в политической практике (Швейцария; Ливан; Кипр (1960–63 гг.) и Уругвай (1952–67 гг.), а три остаются гипотетическими.

Первым критерием А. Лейпхарта выступает парламентское доверие правительству. При парламентской форме глава правительства (он может называться премьер-министром, премьером, канцлером, министром-президентом и др.) и его кабинет связаны доверием со стороны законодательной ассамблеи и могут быть смещены со своих постов путем парламентского вотума недоверия или резолюции порицания. В президентской системе глава правительства (президент) избирается на фиксированный, конституционно предписанный срок и в обычных условиях не может быть смещен легислатурой (хотя президента можно сместить путем импичмента)⁵³.

Второй критерий – способ замещения должности главы исполнительной власти. При президентской системе президент

⁵¹ Lijphart A. *Presidentialism and Majoritarian Democracy: Theoretical Observations*. – P. 94.

⁵² См. более подробно: Зазнаев О.И. *Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты*. – С.104–106.

⁵³ Lijphart A. *Presidentialism and Majoritarian Democracy: Theoretical Observations*. – P. 92.

избирается либо населением (прямые выборы), либо особой избирательной коллегией, в то время как в парламентской системе премьер-министры отбираются парламентом (А. Лейпхарт умышленно использует термин «отбор», поскольку при назначении премьер-министра могут использоваться разные процедуры – от формальных выборов до межпартийных сделок)⁵⁴.

Наконец, третий критерий – единоличный или коллегиальный характер исполнительной власти. Согласно А. Лейпхарту, в президентской системе исполнительная власть всегда единолична, и члены кабинета являются не более чем советниками президента. При парламентской системе премьер-министр и кабинет образуют коллегиальный орган исполнительной власти⁵⁵.

Правила логики требуют, чтобы классификационные типы не пересекались между собой. Посмотрим, так ли это в анализируемом случае. Типы, полученные в результате классификации по первому из описанных выше критериев, – форма правления с вотумом доверия и форма правления при отсутствии такового – действительно исключают друг друга. Однако применительно к типам, образуемым по второму и третьему критериям, дело обстоит иначе. А. Лейпхарт не учел того обстоятельства, что исполнительная власть нередко бывает поделена на две части (президент и правительство) и способы формирования этих двух частей, как правило, не совпадают: например, президент избирается населением, а правительство назначается парламентом. Очевидно, что в подобной ситуации не работает и критерий «единоличности/коллегиальности»: один исполнительный орган действует как единоличный (президент), а другой – как коллегиальный (правительство). Так, в условиях французской Пятой Республики сочетаются формирование исполнительной власти (кабинета) парламентом и избрание исполнительной власти (главы) населением, с одной

⁵⁴ Lijphart A. *Presidentialism and Majoritarian Democracy: Theoretical Observations*. – P. 92.

⁵⁵ Ibid. – P. 93.

стороны, а, с другой стороны, коллегиальность правительства и единоличность президента.

На еще один важный изъян типологии А. Лейпхарта обращают внимание М.С. Шугарт и Дж. Кэри. По их заключению режимы, в которых коллегиальные носители верховной исполнительной власти избираются всенародно (как это было в Уругвае в 1952–1967 гг. и на Кипре в 1960–1963 гг.), следует относить к президентским. Выделение третьего критерия, подчеркивают они, противоречит «духу двух других критериев, выдвинутых Лейпхартом», ибо при президентской системе принципиально важна относительная взаимозависимость законодательной и исполнительной властей и поддержание системы взаимных сдержек, а это – явно не мажоритарная черта. Отсюда следует вывод о теоретической несостоятельности данного критерия⁵⁶.

А. Лейпхарт утверждает, что подавляющее большинство демократий подпадают под категории «чистого парламентского» или «чистого президентского» типов⁵⁷. Пятая Республика во Франции, «кочует» из зоны «чистого» парламентаризма в зону «чистого» президентализма в зависимости от того, складывается ли ситуация сосуществования или имеет место неразделенная исполнительная власть. Полупрезидентские системы, по мнению А. Лейпхарта, могут быть отнесены преимущественно к президентской или преимущественно к парламентской форме, что означает, что такого вида, как полупрезидентализм просто не существует⁵⁸. По его мнению, Пятая Республика является «президентской и лишь изредка парламентской»⁵⁹.

⁵⁶ Шугарт М.С. и Кэри Д.М. Президентские системы // Современная сравнительная политология. Хрестоматия. – М., 1997. – С. 202.

⁵⁷ Lijphart A. Presidentialism and Majoritarian Democracy: Theoretical Observations. – P. 93.

⁵⁸ Lijphart A. Nomination: Trichotomy or Dichotomy? // European Journal of Political Research. – 1997. – Vol. 31. – P.127.

⁵⁹ Lijphart A. Presidentialism and Majoritarian Democracy: Theoretical Observations. – P. 95.

Если откорректировать типологию А. Лейпхарта с учетом высказанных выше замечаний, то ее основаниями окажутся два существенных критерия: 1) парламентская ответственность правительства; 2) всенародное избрание главы государства. Классификация по этим двум критериям дает четыре типа: президентский, парламентский, полупрезидентский и полупарламентский⁶⁰.

Для «чистой» **президентской системы** (Бразилия, Мексика, США и др.) характерны всеобщие выборы главы государства, являющегося одновременно главой исполнительной власти, при отсутствии ответственности правительства перед парламентом. «Чистая» **парламентская система** (Великобритания, ФРГ, Япония и др.) зеркально противоположна президентской. Здесь правительство несет политическую ответственность перед парламентом, но института всенародных выборов высших должностных лиц нет. «Чистая» **полупрезидентская система** (Польша, Португалия, Франция и др.) предполагает сочетание всеобщих выборов президента и политической ответственности кабинета перед легислатурой. Отличительная особенность «чистой» **полупарламентской системы** (единственный случай – Швейцария) – отсутствие как всеобщих выборов главы государства, так и парламентской ответственности кабинета.

Президентская и парламентская системы представляют собой противоположные типы. Противоположными типами являются также полупрезидентская и полупарламентская системы. Вместе с тем, в данной типологии подчеркивается сходство между двумя парами типов:

– между президентской и полупрезидентской системами, которым свойственно всенародное избрание президентов и наделение их относительно сильными полномочиями;

– между президентской и полупарламентской системами, в которых отсутствует парламентская ответственность правитель-

⁶⁰ Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. – С. 107.

ства, а функции главы государства и правительства четко не разделены;

– между парламентской и полупрезидентской системами, в которых существует парламентская ответственность правительства и роспуск парламента президентом;

– между парламентской и полупарламентской системами, в которых отсутствуют всенародные выборы главы государства.

Итак, проведенная классификация приводит к образованию четырех «чистых» типов – президентского, парламентского, полупрезидентского и полупарламентского⁶¹.

Поскольку полупарламентский тип правления представлен сегодня в мире лишь одной страной – Швейцарией, то в следующей главе будут описаны в качестве независимых переменных президентская, парламентская и полупрезидентская системы. Связь между этими формами правления и этническими конфликтами мы пытались выяснить в нашем исследовании.

⁶¹ Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. – С. 108.

Глава 2

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ, ПАРЛАМЕНТСКАЯ И ПОЛУПРЕЗИДЕНТСКАЯ СИСТЕМЫ КАК НЕЗАВИСИМЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ

Президентская и парламентская системы представляют собой логические противоположности, поэтому имеет смысл рассмотреть их признаки в сравнении.

1. Для президентской формы правления характерно *четкое разделение юрисдикции парламента и правительства*, а для парламентской – *частичное слияние законодательных и исполнительных функций*⁶². Парламентская система базируется на «совместном использовании» властных полномочий законодательным собранием и правительством⁶³. Любопытную интерпретацию этого признака предлагает Д. Верни. Он говорит о том, что в парламентской системе «ассамблея становится парламентом»⁶⁴, а в президентской системе «ассамблея остается лишь ассамблеей»⁶⁵, при этом под «ассамблеей» Д. Верни понимает представительный орган, в состав которого не входит правительство (оно несет ответственность перед монархом или президентом), а под «парламентом» – законодательный орган,

⁶² Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. – С. 109.

⁶³ Sartori G. Comparative Constitutional Engineering: An Inquiry into Structures, Incentives and Outcomes. – P. 101.

⁶⁴ Verney D.V. The Analysis of Political Systems. – London: Routledge & Kegan Paul Ltd., 1959. – P. 18.

⁶⁵ Ibid. – P. 42.

включающий в себя ассамблею и правительство, причем здесь правительство несет ответственность перед другими членами легислатуры⁶⁶.

2. В президентской системе глава государства избирается *непосредственно гражданами путем прямых или косвенных выборов*. Но поскольку здесь всенародно избирается и парламент (конгресс), то признаком президенциализма становится по Х. Линцу «двойная демократическая легитимность»⁶⁷. В парламентской республике *выборы главы государства непрямы*: парламент или специально создаваемая коллегия избирают президента.

В президентской системе исполнительная власть несет ответственность перед электоратом, поскольку президент избирается непосредственно народом. Даже в период между выборами президент общается с гражданами напрямую, минуя конгресс, особенно в век развития телевидения⁶⁸. В парламентской системе правительство несет ответственность перед избирателями косвенно. Оно не избирается непосредственно населением, а назначается из числа тех, кто был избран в состав парламента. Члены правительства, как и другие члены парламента, должны отчитываться перед своими избирателями для того, чтобы быть избранными повторно. Однако члены правительства делают это не как министры, а как депутаты.

Д. Верни показывает, что ответственность правительства возрастает при двухпартийной системе и формировании правительства большинства⁶⁹. Действительно, в условиях двухпартийной системы избиратель, отдавая свой голос за одну из двух партий, предвидит потенциального премьер-министра (это лидер партии) и рассчитывает на формирование кабинета, состоящего из представителей этой партии. В будущем, считает Д. Верни, он не от-

даст свой голос партии, которая, по его мнению, не справилась со своими задачами. Правда, в таком случае корректно говорить не об ответственности правительства, а об ответственности партий перед избирателями⁷⁰.

Всеобщие выборы президента придают этому должностному лицу дополнительный «вес». М.С. Шугарт и Дж. Кэри пишут о том, что в президентской системе президент обладает определенными предоставляемыми конституцией полномочиями в законодательной сфере⁷¹. Они отмечают: если бы у президентов не было бы законодательных полномочий (таких как право вето), то они были бы лишь исполнительной властью в буквальном смысле слова: они просто исполняли бы законы, на создание которых они никак не могут повлиять; предоставление президенту законодательных полномочий – гарантия того, что программа, с которой президент выступал на выборах, будет переведена в практическую политику⁷². Хотя с последними доводами М.С. Шугарта и Дж. Кэри можно согласиться, тем не менее, не вполне ясно, почему ими выделена лишь одна сфера деятельности главы исполнительной власти – законодательная. Не менее значимы полномочия президента и в других сферах – назначении кадров, внешней политике и пр. Поэтому следует подкорректировать признак двух авторов таким образом: президент обладает обширными полномочиями в разных сферах⁷³.

В литературе высказывалось мнение, что для надлежащего функционирования президентской системы необходимо *совмещение выборов президента с выборами в конгресс*, что позволит ветвям власти сотрудничать друг с другом, будет способствовать

⁶⁶ Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. – С. 110–111.

⁷¹ Shugart M.S., Carey J.M. Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics. – P. 19.

⁷² Ibid. – P. 19–20.

⁷³ Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. – С. 111.

⁶⁶ Verney D.V. The Analysis of Political Systems. – P. 21–23.

⁶⁷ Linz J.J. Presidential or Parliamentary Democracy: Does It Make a Difference? – P. 6.

⁶⁸ Verney D.V. The Analysis of Political Systems. – P. 52–53.

⁶⁹ Ibid. – P. 34–36.

партийному единству и снимет разногласия⁷⁴. Однако следует заметить, что в США одновременное проведение выборов президента и конгресса (президентские выборы здесь всегда совмещены с выборами палаты представителей и выборами трети сената) не позволяет избежать так наз. разделенного правления, когда законодательная и исполнительная ветви власти контролируются разными партиями.

3. При президентском правлении *исполнительная власть принадлежит президенту*, который возглавляет правительство, при этом функции президента как главы государства и главы правительства четко не разграничиваются. Поскольку две роли неразличимы, то снимается вопрос о назначении премьер-министра: им становится избранный народом президент. По словам Д. Верни, президентская система требует от избирателей некоторой «изоэтрности»: в парламентских государствах, как заметил У. Черчилль, победители в войне прославляются криками «ура главе государства», а пораженцы отмечаются перестановками в правительстве; в президентской системе избиратель, который выступает против президента как главы правительства, вынужден быть лояльным к президенту как главе государства⁷⁵.

При парламентском правлении *исполнительная власть разделена на две части*: премьер-министр является главой правительства, а монарх или президент – главой государства. Глава государства назначает главу правительства. Когда одна партия или коалиция партий получает абсолютное большинство мест в парламенте, то назначение главы правительства превращается в простую формальность. Если же никому не удастся получить абсолютного большинства, и предполагается создание правительства меньшинства, то у главы государства есть некое поле выбора – большое или малое – в отборе премьер-министра⁷⁶.

⁷⁴ Verney D.V. The Analysis of Political Systems. – P. 44.

⁷⁵ Ibid. – P. 45.

⁷⁶ Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. – С. 112.

Принято считать, что в условиях парламентской монархии монарх *«царствует, но не правит»*. Однако это далеко не всегда так. В Великобритании в XX веке было несколько случаев, когда монарх сыграл стабилизирующую роль при смене премьер-министров в кризисных ситуациях. Не будучи избранными лидерами своих партий, Л. Джордж в 1916 году, Р. Макдональд в 1931 году и У. Черчилль в 1940 году были назначены монархом премьер-министрами в условиях напряженной международной обстановки. После ухода в отставку премьер-министра А. Идена в 1957 году королеве были предложены две кандидатуры – умеренного во взглядах министра финансов Г. Макмиллана и более радикального лорда-хранителя печати и лидера палаты общин Р. Батлера. Елизавета II свой выбор остановила на Г. Макмиллане. Однако в середине 1960-х гг. консерваторы и лейбористы разработали правила, в соответствии с которыми никто не мог занять пост премьер-министра, если он до этого не был избран лидером партии. С этого момента корона лишилась возможности влиять на назначение премьер-министра, поскольку королеве предлагалась уже одна кандидатура. «Монархия потеряла последний рычаг своего непосредственного воздействия на политику»⁷⁷, – пишет один из российских авторов.

Вместе с тем британский монарх может сыграть ключевую роль в двух случаях. Первый – назначение премьер-министра тогда, когда ни одна из партий по результатам выборов не получает абсолютного большинства в палате общин (*парламент в подвешенном состоянии*). Так, в феврале 1974 года выборы не дали результата: лейбористам не хватило 17 мест, а консерваторам – 21 места для формирования правительства большинства. В этих условиях королева сама приняла решение о назначении премьер-министром лидера лейбористской партии.

⁷⁷ Остапенко Г.С. Монархия в общественно-политической жизни Великобритании в XX в. // Политика и власть в Западной Европе XX века. – М.: ИВИ РАН, 2000. – С. 89.

Второй возможный случай – роспуск парламента в ситуации существования правительства меньшинства. Монарх распускает палату общин по просьбе премьер-министра. Но что будет, если премьер-министр, партия которого не имеет абсолютного большинства в палате, просит роспуска, в то время как большинство в палате выступает против? Должен ли монарх удовлетворить требование премьер-министра или прислушаться к мнению большинства? Здесь нет однозначного ответа, все зависит от воли суверена. Эти две ситуации вовлекают монарха в политику (хотя и редко), сглаживая категоричное утверждение о том, что «монарх царствует, но не правит»⁷⁸.

4. В президентской системе *президент формирует правительство* самостоятельно. Он назначает глав департаментов исполнительной власти («секретарей» или министров), которые ему подчиняются. Даже там, где для таких назначений требуется формальное согласие парламента или его палат (например, сената США), у президента на практике существует довольно широкий выбор. В отличие от парламентской системы в президентской системе для кандидатов в министры не требуется опыта работы в законодательном органе⁷⁹. В парламентской системе глава правительства назначает министров, хотя требуется формальное решение главы государства⁸⁰.

5. При президентализме *сроки полномочий главы исполнительной власти и парламента фиксированы*. Нахождение президента в должности не зависит от законодательного собрания (т.е. он не может быть смещен со своего поста, за исключением редко используемой процедуры импичмента; отсутствует институт вотума недоверия правительству), а «выживание» (поддержание функционирования) легислатуры не зависит от президента (т.е. отсутствует роспуск парламента). Это придает президентализму

⁷⁸ Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. – С. 113.

⁷⁹ Verney D.V. The Analysis of Political Systems. – P. 45–46.

⁸⁰ Ibid.

«жесткость»⁸¹. Для парламентской системы, напротив, характерны *взаимозависимые источники выживания законодательной ассамблеи и исполнительной власти*. Здесь «нет президента» или, по крайней мере, президента с реальными полномочиями, а, значит, ассамблее не от кого отделяться, за исключением кабинета, которому в большинстве парламентских систем разрешено распускать парламент. Однако кабинет не более чем агент парламента⁸².

В парламентской системе *правительство несет политическую ответственность* перед законодательной ассамблеей. Путем формального вотума недоверия или просто несогласия с важным правительственным предложением парламент может заставить правительство уйти в отставку, а главу государства – назначить новое правительство. В президентской системе президент несет ответственность перед конституцией, поскольку его ответственность перед легислатурой не предусмотрена⁸³. В частности, акты главы государства могут быть предметом рассмотрения в суде с точки зрения их конституционности, а против него самого может быть возбуждена процедура импичмента.

Такие механизмы обстоятельно прописаны в президентских режимах. Хотя президент и его администрация не зависят от доверия ассамблеи, справедливо пишет Д. Верни, глава государства «очень зависим от ее доброй воли», которая необходима для продвижения политического курса президента: бюджет, программы внешней политики, назначения высших чиновников требуют уступчивости легислатуры⁸⁴. Таким образом, принципиальное различие между президентской и парламентской системами проходит по линии *парламентской ответственности правительства* (премьер-министра и кабинета). Президентская и парламентская

⁸¹ Linz J.J. Presidential or Parliamentary Democracy: Does It Make a Difference? – P. 6.

⁸² Shugart M.S., Carey J.M. Presidents and Assemblies. Constitutional Design and Electoral Dynamics. – P. 26.

⁸³ Verney D.V. The Analysis of Political Systems. – P. 48.

⁸⁴ Ibid. – P. 48–49.

системы называются так потому, что ответственность за исполнительную власть и ее состав возлагается в президентской системе – на президента, а в парламентской системе – на парламент⁸⁵.

6. В президентской системе *президент не может распустить конгресс* или принудить его к роспуску. Он может лишь в определенных случаях созвать специальную сессию парламента или отсрочить его заседания. При парламентском правлении глава государства по совету главы правительства *распускает парламента*. Потеря доверия правительства со стороны парламента вынуждает премьер-министра уйти в отставку или распустить парламента, тем самым конфликт разрешается. Те страны, где президент обладает конституционным правом роспуска ассамблеи, не могут быть причислены к категории президентских⁸⁶: «чистота» президентской формы проявляется в отсутствии института роспуска парламента⁸⁷.

7. При парламентском правлении министрам не запрещено (а во многих странах даже требуется) *совмещать свою должность с депутатским мандатом*. Положение о том, что член правительства играет двойную роль – роль министра и роль депутата – закреплено законодательно или является конвенциональной нормой (как в Великобритании). В президентской системе члены парламента не могут занимать должности в администрации президента и наоборот: ни президент, ни министры не вправе быть членами конгресса⁸⁸.

Кроме вышеперечисленных признаков президентской и парламентской систем в научной литературе выделяют и другие черты. Так, А. Лейпхарт утверждает: «парламентские системы имеют коллективную или коллегиальную исполнительную власть, в то

время как президентские системы – неколлегиальную исполнительную власть одного лица»⁸⁹. Однако такой взгляд вызывает серьезные возражения.

Критерий коллегиальности/единоличности не может быть положен в основу классификации форм правления, так его использование не приводит к образованию взаимоисключающих типов: в частности, полупрезидентские системы характеризуются одновременно единоличным руководством (в лице президента) и коллегиальностью исполнительной власти (в лице правительства). Практика функционирования парламентских систем демонстрирует отступления от коллегиального руководства. Хотя принято считать, что при парламентаризме правительство является коллегиальным органом, и премьер-министр лишь первый среди равных (*primus inter pares*), в условиях существования правительства большинства коллегиальность кабинета нередко подменяется единоличным господством премьер-министра в кабинете и правящей партии. На это обращают внимание многие исследователи парламентских форм правления. Формула «первый среди равных» применима лишь к одному виду парламентского режима и не является универсальной⁹⁰.

Одна из характеристик, приписываемая рядом авторов парламентскому режиму, – *верховенство парламента*. По утверждению Д. Верни, парламента как целое обладает верховенством над своими составными частями (правительством и ассамблеей), ни одна из которых не может доминировать над другой⁹¹. Этот тезис является весьма спорным сегодня, поскольку парламентаризм рационализируется, и исполнительная власть играет весомую роль в деятельности парламента. Что касается президентской формы правления, то Д. Верни пишет о том, что здесь «ассамблея обла-

⁸⁵ Shugart M.S., Carey J.M. Presidents and Assemblies. Constitutional Design and Electoral Dynamics. – P. 22.

⁸⁶ Verney D.V. The Analysis of Political Systems. – P. 49–50.

⁸⁷ Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. – С. 115.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Parliamentary versus Presidential Government / ed. by A. Lijphart. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – P. 3.

⁹⁰ Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. – С. 115–116.

⁹¹ Verney D.V. The Analysis of Political Systems. – P. 32–33.

дает в итоге верховенством над другими ветвями власти; нет слияния исполнительной и законодательной ветвей так, как это существует в парламентской системе»⁹².

Первая часть тезиса Д. Верни выглядит несколько странно, поскольку система сдержек и противовесов не позволяет одной власти доминировать над другими. Говоря о верховенстве ассамблеи, Д. Верни подчеркивает, что на деле законодательная власть обладает таким верховенством «президент может распорядиться своими полномочиями только тогда, когда ассамблея выделит ему деньги; если он действует неконституционно, ассамблея может отрешить его от должности; у ассамблеи есть право вносить поправки в конституцию (или инициировать их), не считаясь с мнением президента»⁹³. Трудно согласиться с вышеизложенным. Картина, нарисованная Д. Верни, слишком далека от реальной жизни президентских республик, где на практике (особенно в странах Латинской Америке) именно президент чаще всего выступал и выступает в качестве «верховой» власти, а конгресс оказывается не в состоянии преодолеть его волю. Поэтому применительно ко многим случаям президентского авторитаризма в Латинской Америке говорят о «суперпрезидентском» правлении⁹⁴.

Еще один признак, выделяемый Д. Верни, можно оспорить. При парламентском правлении, полагает автор, парламент является *центром власти* в политической системе, «сценой, на которой разыгрывается драма политики, форумом национальных идей и школой, где обучаются будущие политические лидеры»⁹⁵. В президентской системе, считает Д. Верни, отсутствует центр политической системы, и разделение властей проявляется в том, что фокус политической жизни размывается⁹⁶. С последним поло-

жением трудно согласиться, поскольку в президентской системе сосредоточением всей политики является исполнительная власть во главе с президентом: именно здесь, используя терминологию Д. Верни, «разыгрывается драма политики» (вспомним многие судьбоносные решения американских президентов) и проходит «форум национальных идей» (Президент США еженедельно обращается по радио к населению, а ежегодно он шлет Конгрессу США послания). Что касается «школы политических лидеров», то эта функция осуществляется уже парламентом⁹⁷.

Дж. Сартори предлагает остановиться на трех признаках президентской системы: 1) глава государства (президент) занимает свою должность по результатам всенародных выборов; 2) он не может быть смещен путем парламентского голосования в течение установленного срока его (или ее) полномочий; 3) он формирует правительство и его возглавляет⁹⁸. Представляется, что этот набор черт является минимально необходимым, и о «чистой» президентской системе можно говорить лишь тогда, когда наличествуют все три признака. В Австрии, Ирландии и Исландии президенты избираются всенародно, однако по этой единственной президентской черте нельзя, как справедливо считает Дж. Сартори, отнести эти страны к разряду президентских систем. Тут имеет место «*фасадный*» президентализм: президенты этих стран – практически номинальные фигуры, а формы правления во всех отношениях функционируют как парламентские системы⁹⁹.

Что касается отклонений от критерия невозможности смещения президента, то Дж. Сартори говорит о том, что даже в том случае, когда парламенту предоставлено право объявления вотума недоверия одному министру (после чего в некоторых странах он должен оставить свой пост), все равно система остается пре-

⁹² Verney D.V. The Analysis of Political Systems. – P. 50.

⁹³ Ibid. – P. 51.

⁹⁴ Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. – С. 116.

⁹⁵ Verney D.V. The Analysis of Political Systems. – P. 36.

⁹⁶ Ibid. – P. 53.

⁹⁷ Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. – С. 116.

⁹⁸ Sartori G. Comparative Constitutional Engineering: An Inquiry into Structures, Incentives and Outcomes. – P. 84.

⁹⁹ Ibid. – P. 83.

зидентской: именно президент, и только он, сохраняет полномочия по назначению правительства и делает это по собственному разумению¹⁰⁰. С этим утверждением нельзя согласиться. Вотум недоверия министрам и правительству в целом со стороны законодательного собрания – сугубо парламентская черта. Ее внедрение означает серьезное изменение характера взаимоотношений между законодательной и исполнительной властью. Именно признак парламентской ответственности правительства в сочетании с прямыми выборами президента образует новую «чистую» форму правления – полупрезидентскую¹⁰¹.

Следует обратить внимание также и на возможные отклонения от третьего критерия президентской системы (президент формирует правительство и его возглавляет), о чем Дж. Сартори умалчивает. В целом ряде стран Латинской Америки, которые обычно относят к категории президентских, существует должность премьер-министра. Означает ли это, что такие государства нельзя считать президентскими? Нет, поскольку функции премьер-министра исключительно административные или технические. Всей полнотой власти в правительстве обладает президент, который и является фактически полноправным руководителем кабинета. Следовательно, отступления от третьего критерия в президентских странах с должностью премьер-министра нет¹⁰².

Ж. Блондель в качестве ключевых признаков президентализма выделяет «две противоположные друг другу опоры» – отношения между президентом и народом (которые проистекают из факта всенародного избрания президента) и сильные президентские полномочия¹⁰³. По мнению ученого, президентская республика – это такая форма правления, при которой президент «хорошо свя-

зан» с населением и имеет значение как политическая фигура¹⁰⁴. Следовательно, необходимо найти формулу, которая учитывает обе эти характеристики.

Предметом научной дискуссии является *признак разделения властей*, который приписывается президентской системе большинством авторов¹⁰⁵. При этом утверждается, что парламентаризму свойственно *слияние властей* (некоторые авторы говорят о «частичном» слиянии). Так, У. Бейджхот подчеркивал, что слияние законодательных и исполнительных функций – это «скрытая сущность и действенный секрет английской конституции»¹⁰⁶. Взгляд на президентализм как систему жесткого разделения властей восходит к отцам-основателям США, которые были не только сторонниками этой идеи, но и на практике создавали систему, построенную по этому принципу.

Однако трактовка президентской системы как режима разделения властей вызывает возражения. Во-первых, лишь в теории можно говорить о полном (или жестком) разделении властей, однако на деле абсолютное разделение невозможно¹⁰⁷. Дж. Мэдисон писал о том, что разделение властей «отнюдь не требует, чтобы законодательная, исполнительная и судебная власть были наглухо отгорожены друг от друга»¹⁰⁸. Он полемизировал с теми, кто ссылался на нарушение этого политического догмата в штатах

¹⁰⁴ Blondel J. The Presidential Republic. – L.: Palgrave Macmillan, 2015. – P. 12.

¹⁰⁵ Например, см.: Риггс Ф. Сравнительная оценка президентской формы правления // Сравнительная социология. Избранные переводы. – М.: Academia, 1995. – С. 102; Шабо Ж.-Л. Государственная власть: конституционные пределы и порядок осуществления. – С. 161; Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма). – М.: Юрист, 1999. – С. 174.

¹⁰⁶ Bagehot W. The English Constitution: The Cabinet // Parliamentary versus Presidential Government / ed. by A. Lijphart. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – P. 66.

¹⁰⁷ Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. – С. 118.

¹⁰⁸ Мэдисон Дж. Федералист № 48 // Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. – М.: Издательство «Весь Мир», 2000. – С. 331.

¹⁰⁰ Sartori G. Comparative Constitutional Engineering: An Inquiry into Structures, Incentives and Outcomes. – P. 84.

¹⁰¹ Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. – С. 117.

¹⁰² Там же. – С. 118.

¹⁰³ Blondel J. The Presidential Republic. – L.: Palgrave Macmillan, 2015. – P. 10.

конца XVIII века и подчеркивал, что Ш. Монтескье «вовсе не имел в виду, будто эти три ветви власти не должны иметь *частичного действия или контроля* над деятельностью друг друга»¹⁰⁹ (выделено автором). Например, вето президента США представляет собой явное вмешательство исполнительной власти в законодательный процесс, ратификация сенатом США международных договоров есть интервенция в сферу внешней политики, закрепленной за президентом, а толкование Верховным судом США американской конституции есть своеобразное «посягательство» на законотворческую деятельность. Но такое совпадение полномочий разных институтов необходимо для их взаимного контроля, то есть для создания системы сдержек и противовесов, без которой президентская система не может нормально функционировать¹¹⁰.

Во-вторых, разделение властей – это принцип, присущий и президентским, и парламентским системам. Эта доктрина родилась в противовес абсолютизму, и ее смысл заключается в том, чтобы предотвратить или свести к минимуму злоупотребление властью путем сосредоточения ее в одних руках. Разделение властей – это принцип государственности всех демократий независимо от формы правления¹¹¹. Л.М. Энтин полемизирует с теми, кто считает, что парламентской системе не свойственно разделение властей. Он отмечает, что совмещение премьер-министром и министрами своих должностей с депутатским мандатом «ни в коем случае нельзя рассматривать как нарушение принципа разделения властей»¹¹². Следует согласиться с высказанным в литературе мнением о том, что парламентская система имеет свою собствен-

¹⁰⁹ Мэдисон Дж. Федералист № 47 // Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. – М.: Издательство «Весь Мир», 2000. – С. 325.

¹¹⁰ Shugart M.S., Carey J.M. Presidents and Assemblies. Constitutional Design and Electoral Dynamics. – P. 18–19.

¹¹¹ Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. – С. 119.

¹¹² Энтин Л.М. Разделение властей: опыт современных государств. – М.: Юрид. лит., 1995. – С. 95.

ную, особую разновидность разделения властей, или, по крайней мере, особые сдержки и противовесы¹¹³.

Д. Верни предлагает следующим образом модифицировать признак разделения властей применительно к президентским системам: необходимо говорить о разделении *институтов и должностных лиц*, или о разделении *функций* государственных органов¹¹⁴. Близкой позиции придерживается Р. Нойштадт, который подчеркивает, что отцы-основатели США создали не систему «разделенных властей», а «правление разделенных институтов, совместно применяющих (*sharing*) власть»¹¹⁵. Дж.О. Джонс уточняет: сегодня мы «имеем правление разделенных институтов, соревнующихся между собой за общую (*shared*) власть»¹¹⁶. Оригинальную трактовку дает Дж. Сартори: разделение состоит в «отделении» (*separating*) органов исполнительной власти от парламентской поддержки, тогда как совместное распределение власти (*power sharing*) означает, что органы исполнительной власти зависят от парламентской поддержки¹¹⁷. Термин «разделение властей», пишет А. Лейпхарт, означает лишь их независимость и отсутствие подчиненности друг другу¹¹⁸.

Таким образом, президентская система характеризуется не «жестким разделением властей», а строгой институциональной и функциональной *дифференциацией*, а парламентская система, в свою очередь, – институциональной и функциональной *интеграцией*¹¹⁹.

¹¹³ Siaroff A. Varieties of Parliamentarism in the Advanced Industrial Democracies. – P. 454.

¹¹⁴ Verney D. The Analysis of Political Systems. – P. 40–41.

¹¹⁵ Цит по: The Failure of Presidential Democracy. Comparative Perspectives / ed. by J. J. Linz, A. Valenzuela. – Baltimore; L.: The Johns Hopkins University Press, 1994. – P. 116.

¹¹⁶ Jones J.O. The Separated Presidency // The New American Political System [Текст] / ed. by A. King. – 2nd ed. – Washington, DC: AEI Press, 1990. – P. 3.

¹¹⁷ Sartori G. Neither Presidentialism nor Parliamentarism // The Failure of Presidential Democracy. Comparative Perspectives. – P. 116.

¹¹⁸ Parliamentary versus Presidential Government. – P. 3.

¹¹⁹ Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. – С. 120.

Дж. Сартори делает очень важное замечание: президентские и парламентские системы являются таковыми вследствие существования у каждой из них своей *системной логики*¹²⁰. Поэтому, продолжает автор, перед тем, как отнести ту или иную страну, которая считается президентской, к другой форме правления в силу наличия неких необычных черт ее правления, мы должны выяснить, нарушается ли при этом логика президенциализма или нет. Скажем, что произойдет, если у президента появится право роспуска парламента, или парламент получит возможность отправлять в отставку кабинет министров, или президент может быть отправлен в отставку по результатам всенародного голосования? Означает ли это, что подобные «аномалии» президентской формы создают другие механизмы власти, функционирующие по другой (непрезидентской) логике? Дж. Сартори пишет: если «да», то тогда нужно ответить на вопрос, какого рода новый механизм мы имеем, а затем отнести страну с «аномалиями» к иной, непрезидентской системе. Но не надо торопиться делать опрометчивые открытия или изобретать «новые системы» каждый раз, когда та или иная страна заимствует какие-нибудь элементы других систем¹²¹.

Если оттолкнуться от идеи Дж. Сартори, то для президентской системы характерна *логика раздельного существования* законодательной и исполнительной власти, *раздельного их выживания*, логика концентрации всей полноты исполнительной власти в руках президента как следствие его всенародного избрания. Напротив, парламентской системе свойственна *логика совместного существования правительства и парламента*, их *совместного выживания*, парламентского или правительственного доминирования (в зависимости от модели парламентской системы)¹²². Вот

¹²⁰ Sartori G. Comparative Constitutional Engineering: An Inquiry into Structures, Incentives and Outcomes. – P. 85.

¹²¹ Ibid.

¹²² Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. – С. 121.

как описывает логику парламентаризма Ж.-Л. Шабо: «механизм чередования у власти заменяет собой принцип специального уравнивания властей, свойственный президентской системе, а синхронная «проба сил» в пользу какой-либо из них замещается возможностью унаследовать властные полномочия через промежуток времени»¹²³.

Так, например, Израиль традиционно считался парламентской системой, однако введение прямых выборов премьер-министра многих аналитиков заставило усомниться в этом, поскольку в этой новации проглядывается президентская черта. Однако логика парламентаризма не была нарушена: функционирование этой системы отвечало всем правилам парламентской формы. Напротив, введение парламентской ответственности отдельных министров в некоторых странах Латинской Америки можно рассматривать как отход от президенциализма. Однако это серьезно не подрывает логику президентской системы: президент остается могущественным, а парламент слабым и не способным противостоять нерадивым или коррумпированным министрам.

В последние годы политологи активно занимаются изучением **полупрезидентской системы**, которая является формой правления, чье время, по справедливому замечанию М.С. Шугарта, «пришло»¹²⁴. Интерес исследователей к этой системе связан с ее относительно широким распространением в мире и популярностью среди тех, кто ставит задачу выбора форм правления и поиска оптимальных систем.

Первая работа, в которой полупрезидентская система рассматривается как особая и отдельная форма правления, принадлежит перу М. Дюверже¹²⁵. В 1990-х гг. Дж. Сартори, М.С. Шугарт и

¹²³ Шабо Ж.-Л. Государственная власть: конституционные пределы и порядок осуществления. – С. 163.

¹²⁴ Shugart M.S. Semi-Presidential Systems: Dual Executive and Mixed Authority Patterns // French politics. – 2005. – № 3. – P. 344.

¹²⁵ Duverger M. A New Political System Model: Semi-Presidential Government. – P. 165–187.

Дж. Кэри анализировали эту систему, считая ее самостоятельной формой правления¹²⁶. В 2000-е гг. интерес к полупрезидентализму усилился, появились новые книги и статьи, защищались диссертации¹²⁷. Плодотворно на этом поприще работал Р. Элджи¹²⁸, а также С. Скэч, которая издала книгу, посвященную сравнительному анализу Веймарской Германии и Франции как двух значимых кейсов¹²⁹.

Понятие «полупрезидентская система» является объектом критики со стороны ряда авторов, которые не соглашались с выделением этого режима или отвергают термин «полупрезидентализм». Среди тех, кто его использует, нет единства по поводу содержания понятия и по поводу того, какие страны следует отнести к этому типу¹³⁰.

М. Дюверже настаивает на том, что наиболее подходящим термином для описания исследуемой формы правления является «полупрезидентализм» и приводит такой аргумент: «Отношения между президентом и премьер-министром являются отражением двойного выражения воли народа на двух разных выбо-

¹²⁶ Sartori G. Comparative Constitutional Engineering: An Inquiry into Structures, Incentives and Outcomes. – 217 p.; Shugart M. S., Carey J.M. Presidents and Assemblies. Constitutional Design and Electoral Dynamics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – 316 p.

¹²⁷ См., например: Sedelius T. The Tug-of-War between Presidents and Prime Ministers: Semi-Presidentialism in Central and Eastern Europe. – Örebro University, 2006. – 318 p.

¹²⁸ Semi-Presidentialism in Europe. – 320 p.; Elgie R., Moestrup S. Semi-presidentialism Outside Europe: A Comparative Study. – London: Routledge, 2007. – 266 p.; Elgie R., Moestrup S. Semi-presidentialism in Central and Eastern Europe. – Manchester: Manchester University Press, 2008. – 282 p.; Elgie R. Semi-presidentialism: Sub-types and Democratic Performance. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 206 p.

¹²⁹ Skach C. Borrowing Constitutional Designs: Constitutional Law in Weimar Germany and the French Fifth Republic. – Princeton: Princeton University Press, 2006. – 192 p.

¹³⁰ См. подробнее об этом: Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. – С. 207–213.

рах»¹³¹. Действительно, в президентском режиме *два источника легитимности* – выборы президента и выборы парламента; в парламентском режиме *источник легитимности один* – парламентские выборы. В полупрезидентском режиме также два источника легитимности (выборы президента и выборы парламента)¹³².

Словообразовательный элемент «полу-» в анализируемом понятии используется потому, что, как считает М. Кессельман, существование правительства зависит от парламента, перед которым оно несет ответственность, и законодательная и исполнительная власть полностью не разделены, как это имеет место в чистой президентской системе. Система называется полупрезидентской, а не полупарламентской, поскольку исполнительная власть (в лице президента) доминирует над законодательной властью. Президент контролирует деятельность парламента, может его распустить и объявить новые выборы. Таким образом, имеет место *частичное слияние* исполнительной и законодательной власти, которая является характеристикой парламентских режимов. С другой стороны, есть и *разделение властей*, поскольку парламента не может вынести резолюцию порицания президенту и заставить его уйти в отставку¹³³.

В своей статье под названием «Новая модель политической системы: полупрезидентское правление»¹³⁴ М. Дюверже излагает концептуальные основы этой формы правления. Заслуга французского ученого заключается в том, что он отошел от дихото-

¹³¹ Цит. по: Martinez R. M. Semi-Presidentialism: A Comparative Study: Paper prepared for the ECPR Joint Sessions of Workshops, Mannheim, 26–31 March 1999. – Mannheim, 1999. – P. 10.

¹³² Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. – С. 206.

¹³³ Kesselman M., Krieger J. and Joseph W.A. Introduction to Comparative Politics: Political Challenges and Changing Agendas. – 2nd. ed. – Boston, New York: Houghton Mifflin Company, 2000. – P. 105.

¹³⁴ Duverger M. A New Political System Model: Semi-Presidential Government. – P. 165–187.

мического деления форм демократического правления на президентские и парламентские и предложил ввести новую категорию, назвав ее полупрезидентской формой¹³⁵.

М. Дюверже дает следующее определение: «Политический режим считается полупрезидентским, если конституция, которая его устанавливает, содержит три элемента: 1) президент республики избирается на всеобщих выборах; 2) он обладает довольно значительными полномочиями; 3) несмотря на это, ему противостоят премьер-министр и министры, которые обладают исполнительной и правительственной властью и могут занимать свои должности до тех пор, пока парламент не выступит против них»¹³⁶.

В научной литературе нет единства по поводу признаков полупрезидентской системы. «Первопроходец» в исследовании полупрезидентализма М. Дюверже выделил три признака¹³⁷, из которых, по крайней мере, два стали объектом критики – прямые выборы президента и наделение его значительными полномочиями. У оппонентов возражение вызвало то, что среди стран, которые могут быть отнесены к полупрезидентским системам, есть страны, где президент является символической политической фигурой – Австрия, Ирландия и Исландия. Критики относят последние к категории парламентских, а не полупрезидентских систем. М. Дюверже так отвечает на эту критику: полупрезидентские режимы демонстрируют разнообразие практик, в то время как их конституционная формула остается прежней; парламентские режимы также сильно различаются между собой при одинаковой конституционной модели¹³⁸. Р. Элджи замечает по этому поводу: «Согласно Дюверже, тот факт, что политическая практика в шести западноевропейских полупрезидентских

режимах сильно различается, не означает, что понятие полупрезидентализма размывается. Напротив, это является просто отражением того факта, что страны с одними и теми же базовыми конституционными структурами могут функционировать разным образом»¹³⁹.

Критики критерия «сильного» президента предлагают пересмотреть список полупрезидентских стран, исключив из него страны со «слабыми» президентами. Так, С. Мэйнуоринг приходит к выводу о том, что есть только две стабильные полупрезидентские демократии – Финляндия и Франция¹⁴⁰. А. Степан и С. Скэч, следуя той же логике, называют две полупрезидентские системы – Францию и Португалию¹⁴¹.

Незначительный, но успешный пересмотр концепции М. Дюверже предпринял Р. Элджи, сохранив основные методологические посылы французского политолога: «Полупрезидентский режим может быть определен как ситуация, при которой всенародно избранный на фиксированный срок президент существует наряду с премьер-министром и кабинетом, ответственными перед парламентом»¹⁴². Р. Элджи подчеркивает, что эта дефиниция является конституционной. Таким образом, два минимально необходимых признака полупрезидентализма – избрание президента путем прямых или косвенных выборов населением и парламентская ответственность правительства – вполне достаточны для того, чтобы полупрезидентская система «вписалась» в типологию форм правления¹⁴³.

¹³⁹ Semi-Presidentialism in Europe. – P. 11.

¹⁴⁰ Mainwaring S. Presidentialism, Multipartyism, and Democracy. The Difficult Combination // Comparative Political Studies. – 1993. – Vol. 26. – № 2. – P. 205.

¹⁴¹ Stepan A. and Skach C. Constitutional Frameworks and Democratic Consolidation: Parliamentarism versus Presidentialism // World Politics. – 1993. – Vol. 46. – № 1. – P. 9.

¹⁴² Semi-Presidentialism in Europe. – P. 13.

¹⁴³ Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. – С. 221.

¹³⁵ Duverger M. A New Political System Model: Semi-Presidential Government. – P. 165–187.

¹³⁶ Ibid. – P. 166.

¹³⁷ Ibid.

¹³⁸ Semi-Presidentialism in Europe. – P. 10–11.

Не все политологи соглашаются с выделением полупрезидентской системы как самостоятельной формы правления. В числе критиков полупрезиденциализма – А. Лейпхарт, который подчеркивает, что полупрезидентские системы могут быть отнесены преимущественно к президентской или преимущественно к парламентской форме (вслед за Дюверже он говорит о чередовании двух фаз), и, следовательно, «категория «полупрезиденциализма» становится почти пустышкой»¹⁴⁴. Ему вторит А. Сиарофф: «на самом деле такой вещи, как полупрезидентская система, не существует, если смотреть на нее через призму президентских полномочий»¹⁴⁵.

Дж. Сартори возражает: представление о том, что полупрезиденциализм есть чередование между двумя видами, «взрывает на части» цельную природу системы полупрезиденциализма и в действительности доказывает, что нет «подлинной системы» президентциализма. Чередование двух систем Дж. Сартори предлагает обозначить термином «колебания»: если чередование касается перехода от президентского к парламентскому режиму и наоборот, то колебательные движения происходят «в рамках системы» полупрезиденциализма: «при колебаниях кое-что остается само по себе»¹⁴⁶ (курсив Сартори). Р. Элджи отмечает, что полупрезидентские страны демонстрируют разные формы политической практики в рамках одной и той же базовой конституционной структуры, и, если следовать этим рассуждениям, полупрезидентские режимы являются точно такими же «чистыми», как президентские или парламентские режимы, которые также демонстрируют разнообразие политической практики в разные времена¹⁴⁷.

¹⁴⁴ Lijphart A. Nomination: Trichotomy or Dichotomy? – P. 127; Lijphart A. Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries. – P. 121–123.

¹⁴⁵ Siaroff A. Comparative Presidencies: The Inadequacy of the Presidential, Semi-Presidential and Parliamentary Distinction. – P. 307.

¹⁴⁶ Sartori G. Comparative Constitutional Engineering: An Inquiry into Structures, Incentives and Outcomes. – P. 124.

¹⁴⁷ Semi-Presidentialism in Europe. – P. 8.

Полупрезидентская система имеет свои собственные специфические признаки. К ним можно отнести, прежде всего, всеобщие выборы президента и парламентскую ответственность правительства. Такого уникального сочетания элементов нет ни у президентской, ни у парламентской форм. Для президентской системы характерна выборность президента и отсутствие ответственности кабинета перед легислатурой, а для парламентской – отсутствие признака выборности главы государства и политическая ответственность правительства перед законодательным собранием.

Полупрезиденциализм – это *особая и отдельная форма правления*, которая имеет свою собственную природу, содержит ряд черт президентского и ряд черт парламентского режимов, и в этом смысле он является смешанным. Это «чистая» форма правления, существенно отличающаяся от президентской и парламентской систем и функционирующая иначе, чем две традиционные. Рассмотрение полупрезиденциализма в качестве смешанной формы лишает ее типологического своеобразия. Хотя в этой системе присутствуют черты, которые мы наблюдаем у двух классических систем, тем не менее, комбинация черт такова, что приводит к появлению нового качества. Эта система занимает самостоятельное место среди «чистых» форм правления, не являясь ни промежуточной, ни «челночной» формой, ни отклонением от привычных режимов (как утверждали некоторые применительно к Пятой Республике во Франции), ни каким-то исключением. Полупрезиденциализм имеет постоянную «прописку» среди форм правления и является «чистым» типом.

В научной литературе различаются оценки полупрезидентской системы, а также то, какие страны можно отнести к этой категории. Большинство исследователей убеждены в том, что судить о том, президентская, парламентская или полупрезидентская система имеет место в стране, можно по конституции с необходимыми признаками (прямые выборы президента и парламентская ответственность правительства), поскольку лишь

Основной закон позволяет сделать точные, надежные и объективные выводы¹⁴⁸.

Ряд исследователей предлагает оценивать реальный объем власти президента и премьер-министра на практике, опираясь не на конституцию, а на поведенческие характеристики режима. «Если президент могущественен, а премьер-министр слаб (несмотря на то, что правительство ответственно перед легислатурой), то страна относится к президентской системе (например, Россия). Напротив, в ситуации церемониального президента (хотя и избираемого населением на прямых выборах) и «сильного» премьер-министра следует говорить о парламентской системе (например, в Австрии)»¹⁴⁹.

В связи с этим, Дж. Сартори верно отмечает, что практика имеет приоритет перед формальными конституционными положениями, поскольку по «мертвой букве» конституции нельзя определять природу формы правления и то, к какому типу она относится¹⁵⁰. Такой подход представляется правильным при исследовании форм правления тех государств, где значима роль неформальных практик.

Х.А. Чейбуб справедливо пишет о том, что конституционные положения не достаточны для проведения разграничений между системой, в которой президент действительно что-то значит, и системой, в которой президент не играет существенной роли в политике, а потому интересно выяснить, почему конституции со схожим дизайном влекут столь различающиеся практики – такие,

¹⁴⁸ Semi-presidentialism and Democracy / ed. by R. Elgie, S. Moestrup and Yu-Shan Wu. – London: Palgrave Macmillan, 2011. – P. 2–3.

¹⁴⁹ Зазнаев О.И. Осмысление форм правления в зарубежной политической науке: новейшие дискуссии // Политическая наука: Науч. журн. / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Росс. ассоц. полит. науки; Ред. кол.: Е.Ю. Мелешкина (гл. ред.) и др. – М., 2014. – № 1: Формы правления в современном мире / Ред.-сост. номера Зазнаев О.И. – С. 17.

¹⁵⁰ Sartori G. Comparative Constitutional Engineering: An Inquiry into Structures, Incentives and Outcomes. – P. 126.

которые мы видим в Исландии, Австрии, Кабо-Верде, Центрально-Африканской Республике, Франции, Исландии, Мадагаскаре, России и Украине¹⁵¹.

Как замечает Р. Элджи, «полупрезиденциализм дает прекрасную возможность ответить на интересующий всех вопрос о том, почему политические системы функционируют так, как они функционируют, и исследовать связь между отдельными конституционными положениями и разными формами политической практики»¹⁵².

Выясняя проблему соотношения между конституционным закреплением формы правления и фактическим ее воплощением в жизнь, М. Дюверже «строит мостик» между правовыми и политическими аспектами полупрезидентской системы, предлагая использовать в анализе этой формы правления две группы переменных: 1) *экзогенные переменные*, куда он относит конституционные правила, а также традиции и обстоятельства; 2) *эндогенные переменные* – состав парламентского большинства и отношение президента к этому большинству.

Все конституции полупрезидентских государств очерчивают некие единые правила: президент избирается всенародно, наделяется принадлежащими только ему прерогативами и вместе с премьер-министром и министрами обладает полномочиями исполнительной власти, которые могут осуществляться до тех пор, пока парламент не выразит вотума недоверия правительству. Различия между конституциями заключаются в разном объеме фиксируемых полномочий президентов. Именно конституционные полномочия президентов М. Дюверже берет за основу «взвешивания» полупрезидентских систем и выстраивает «лесенку» стран в убывающем порядке.

Среди этих стран французский профессор выделяет три группы: 1) страны, где на практике не происходит значительного уси-

¹⁵¹ Cheibub J.A. Reforming Presidential and Semi-presidential Democracies: Paper // Making Presidentialism Work. II, UNAM. México, 2009. – P. 20.

¹⁵² Semi-Presidentialism in Europe. – P. V.

ления или ослабления президентских полномочий (Финляндия, Веймарская республика, Португалия); 2) страны, где на практике происходит значительное усиление полномочий главы государства (Франция); 3) страны, где на практике происходит существенное ослабление полномочий главы государства (Исландия, Австрия, Ирландия). М. Дюверже полемизирует с юристами, которые не хотят признать того факта, что режим может радикально меняться в рамках одного и того же правового каркаса¹⁵³. Складывающиеся на практике фактические традиции, которым следуют акторы, могут существенно менять облик режима.

По мнению М. Дюверже, не менее значимы эндогенные переменные. В парламенте расклад политических сил может быть следующим: 1) абсолютное большинство у одной партии, либо коалиция с одной доминирующей партией, либо сбалансированная коалиция; 2) относительное большинство, при котором одна партия имеет больше мест, чем другие, но при этом «не дотягивает» до 50%; 3) ситуация, когда ни одна партия не имеет большинства, и парламент разделен на мелкие группы и нестабильные коалиции. При этом президент может быть лидером большинства или входить в его состав, либо представлять оппозицию, либо быть независимым. Разные взаимоотношения между парламентским большинством и президентом ведут к изменению конфигурации полупрезидентской системы в направлении усиления или ослабления президентской власти: по словам М. Дюверже, президент может быть либо «абсолютным монархом», либо «ограниченным монархом», либо «контролёром», либо символической фигурой и т.д.¹⁵⁴

Таким образом, согласно М. Дюверже, мы должны, прежде всего, принимать во внимание не конституцию, а практику ее функционирования. Вместе с тем, М. Дюверже пишет, что политолог не может игнорировать конституцию при конструирова-

нии аналитических моделей так же, как наблюдающий за игрой в футбол или бридж не может не принимать во внимание правила игры. Эти правила образуют фундаментальный аспект стратегии и тактики игроков. Юристы же затушевывают глубинную природу конституций, полагая, что они представляют собой священные тексты. Интерпретация конституции не может проводиться отдельно от исследования взаимоотношений политических сил, к которым она применяется¹⁵⁵.

Сегодня в политологии появляется взгляд на форму правления (и полупрезидентская система здесь не исключение) не только (а иногда и не столько) как на конституционно-правовую характеристику власти, но и как на некий набор неформальных практик, характеризующих взаимоотношения в рамках треугольника «глава государства – парламент – правительство»¹⁵⁶.

Во-первых, форма правления – это конструкция не только юридическая, но и фактическая. Взаимоотношения между ветвями власти зависят не только от правовых предписаний, но и от неформальных политических практик. Пример России периода «тандема» показателен: изменения конституции не было, а сложилась ситуация, при которой власть «перетекла» от президента к премьер-министру. Во-вторых, могут возникнуть серьезные расхождения между конституцией и практикой: полупрезидентская система в постсоветских странах фактически переросла в суперпрезидентскую. В-третьих, необходимо говорить о процессе политической институционализации той или иной формы правления в стране – относительно длительном процессе, посредством которого форма правления приобретает ценность и устойчивость. В-четвертых, следует отметить, что конструкция формы правления *de jure* требует создания механизма ее функционирования на

¹⁵⁵ Duverger M. A New Political System Model: Semi-Presidential Government. – P. 166–167.

¹⁵⁶ Зазнаев О.И. Осмысление форм правления в зарубежной политической науке: новейшие дискуссии. – С. 18.

¹⁵³ Duverger M. A New Political System Model: Semi-Presidential Government. – P. 181.

¹⁵⁴ Ibid. – P. 186.

практике, и без такого механизма форма правления работать не будет¹⁵⁷.

В связи с вышеизложенным представляется разумным проводить различия между юридическими и политическими аспектами правления, то есть между формой организации власти, предусмотренной конституцией (конструкция *de jure*), и фактическими отношениями между ветвями власти (конструкция *de facto*). При оценке существующей в той или иной стране формы правления следует принимать во внимание и конституционную форму, и политическую практику ее воплощения в жизнь. Такой комплексный подход позволит получить адекватную картину правления¹⁵⁸.

В политической практике наблюдается разнообразие *видов полупрезидентализма*¹⁵⁹. Вопрос о разновидностях (типах) полупрезидентской системы и последствиях внедрения тех или иных форм стал активно обсуждаться в науке в последнее время. В основном авторы опираются на классификацию М.С. Шугарта и Дж. Кэри, которые выделили *премьер-президентский* и *президентско-парламентский режимы*¹⁶⁰. Первый характеризуется ответственностью премьер-министра только перед парламентом, второй – двойной ответственностью премьер-министра перед парламентом и перед президентом. Кроме того, президентско-парламентская система отличается большим объемом законодательных полномочий президента, а также президентскими полномочиями по формированию и смещению правительства¹⁶¹.

¹⁵⁷ Зазнаев О.И. Осмысление форм правления в зарубежной политической науке: новейшие дискуссии. С. 18; Зазнаев О.И. Современная дискуссия о лучшей форме правления // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – Казань, 2013. – Том 155, книга 1. – С. 204.

¹⁵⁸ Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. – С. 218.

¹⁵⁹ Semi-presidentialism and Democracy. – P. 265.

¹⁶⁰ Shugart M. S., Carey J.M. Presidents and Assemblies. Constitutional Design and Electoral Dynamics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

¹⁶¹ Зазнаев О.И. Осмысление форм правления в зарубежной политической науке: новейшие дискуссии. – С. 18–19.

Многие исследователи убеждены в том, что президентско-парламентские системы оказывают негативное воздействие на судьбу демократии¹⁶², а именно такого рода режимы резко повышают риск коллапса демократии, как утверждает С. Меструп, в три раза¹⁶³. Причина заключается в том, что президенту нет нужды делить власть с парламентом и идти на компромисс с ним, поскольку по своей воле он может отправить правительство в отставку в любой момент. А легислатура может руководствоваться той же логикой, что и президент, и выразить недоверие правительству, пользующемуся поддержкой президента. Тем самым возникает угроза дестабилизации ситуации, и демократия может стать «жертвой» такой нестабильности¹⁶⁴.

Однако при этом не учитывается, что государства с президентско-парламентской формой правления имеют традиции концентрации власти в руках лидера, авторитарную историю и незрелые институты демократии¹⁶⁵.

«Ахиллесовой пятой» полупрезидентской системы политологами всегда считалось *сосуществование*, то есть ситуация, когда президент и премьер-министр, поддерживаемый большинством парламента, принадлежат к разным политическим партиям¹⁶⁶. В какой-то степени, как справедливо заметил Ж. Ведель, полупрезидентское правление могло быть чередованием парламентской и президентской систем¹⁶⁷. Эту идею подхватил М. Дюверже, сказав, что понятие «полупрезидентское правление» позволяет нам

¹⁶² Elgie R. Semi-presidentialism: Sub-types and Democratic Performance. – P. 189.

¹⁶³ Semi-presidentialism and Democracy. – P. 266.

¹⁶⁴ Elgie R. Semi-presidentialism: Sub-types and Democratic Performance. – P. 2.

¹⁶⁵ Зазнаев О.И. Осмысление форм правления в зарубежной политической науке: новейшие дискуссии. – С. 19.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Цит. по: Duverger M. A New Political System Model: Semi-Presidential Government. – P. 186.

осмыслить возможные «чередования» и предсказать их¹⁶⁸. Президентская фаза существует тогда, когда и президент, и парламентское большинство принадлежат к одной партии или блоку партий. В такой ситуации премьер-министр превращается в первого помощника президента и перестает играть активную роль в политике. Парламентская фаза возникает тогда, когда политические ориентации президента и парламентского большинства не совпадают. По верному замечанию А. Лейпхарта, «...Пятая Республика вместо того, чтобы быть полупрезидентской, является обычно президентской и лишь изредка парламентской»¹⁶⁹, доминирующей тенденцией с 1958 года здесь был президентализм¹⁷⁰.

Сосуществование, по мнению большинства авторов, ведет к нарастанию напряженности между президентом и премьер-министром возникновению тупиковой ситуации и даже параличу власти. М.С. Шугарт и Дж. Кэри писали об «опасностях сосуществования»: когда президент или кабинет с ассамблеей отказываются признавать притязания на исполнительную власть со стороны другого актора, сосуществование может создать кризис режима¹⁷¹. Однако с устоявшимся выводом о негативном характере сосуществования в условиях полупрезидентской системы не согласен Р. Элджи, который, проанализировав эмпирическим путем некоторое число случаев сосуществования, доказывает, что страхи не обоснованы¹⁷².

¹⁶⁸ Цит. по: Duverger M. A New Political System Model: Semi-Presidential Government. – P. 186.

¹⁶⁹ Lijphart A. Presidentialism and Majoritarian Democracy: Theoretical Observations. – P. 95.

¹⁷⁰ Lijphart A. Nomination: Trichotomy or Dichotomy? – P. 128.

¹⁷¹ Shugart M. S., Carey J.M. Presidents and Assemblies. Constitutional Design and Electoral Dynamics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – P. 56–57.

¹⁷² Elgie R., McMenamin I. Semi-presidentialism and Democratic Performance // Japanese Journal of Political Science. – Cambridge, 2009. – Vol. 9. – № 3. – P. 323–340.

Другой проблемой полупрезидентской системы является ситуация, при которой парламент сильно *фрагментирован*, и в нем отсутствует стабильное и единое большинство. Тем самым осложняется формирование правительства и его функционирование для любого актора – президента, премьер-министра, парламента. Возникает вакуум власти, для преодоления которого президент или военные переходят к директивному правлению. Закон отступает, и демократия рушится¹⁷³. Такую ситуацию С. Скэч назвала «разделенным правлением меньшинства»: «ни президент, ни премьер-министр, ни какая-либо партия или коалиция не обладают уверенным большинством в легислатуре»¹⁷⁴. Разделенное правление меньшинства, по мнению С. Скэч, характеризуется бездействием легислатуры, с одной стороны, и продолжающимся президентским доминированием, с другой, которое принимает форму декретов исполнительной властью как «заменителя» парламентского большинства. Это сопровождается сужением сферы принятия решений до малой группы неизбранных и беспартийных министров. Подобное сужение «нарушает демократические принципы участия и соревнования и делегитимизирует демократически избранную легислатуру»¹⁷⁵. Поэтому С. Скэч выступает против введения полупрезидентской системы в молодых демократиях, особенно тех из них, которые не имеют стабильной партийной системы.

Однако с ней соглашаются не все, и прежде всего те, кто обосновывает введение президентско-парламентской системы с сильным президентом. Вообще следует отметить, что в политическом дискурсе большинства постсоветских стран, включая Россию, получил широкое распространение тезис о сильной президентской власти. Многие политики и ученые настаивают на том, что

¹⁷³ Зазнаев О.И. Осмысление форм правления в зарубежной политической науке: новейшие дискуссии. – С. 20.

¹⁷⁴ Skach C. Borrowing Constitutional Designs: Constitutional Law in Weimar Germany and the French Fifth Republic. – P.17.

¹⁷⁵ Ibid.

в переходный период стране необходим сильный президент, и наиболее подходящей формой правления является президентская или смешанная (полупрезидентская) модель с сильным президентом¹⁷⁶. Однако решение проблемы эффективности исполнительной власти не сводится к учреждению сильного президентства¹⁷⁷.

Итак, сегодня в мире наиболее распространенными формами правления являются президентская, парламентская и полупрезидентская системы, каждая из которых может рассматриваться как независимая переменная, оказывающая воздействия на зависимые переменные, среди которых можно выделить этнические конфликты, о которых речь пойдет в следующей главе.

¹⁷⁶ Зазнаев О.И. Осмысление форм правления в зарубежной политической науке: новейшие дискуссии. – С. 20.

¹⁷⁷ О сильной президентской власти подробнее см.: Zaznaev O. Strong President Model // The SAGE Encyclopedia of Political Behavior / ed. by F.M. Moghaddam. – Thousand Oaks: SAGE Publications, 2017. – P. 810-811.

Глава 3*

ЭТНИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ КАК ЗАВИСИМАЯ ПЕРЕМЕННАЯ

Этнические конфликты в наибольшей степени характерны для полиэтнических государств. По данным Стокгольмского института исследования проблем мира, в 2017 году в мире происходило не менее 22 вооруженных конфликтов, в которых достаточно четко проявлялся фактор идентичности, то есть они велись между различными социальными группами – племенными, клановыми, этническими, локальными¹⁷⁸. Согласно данным о конфликтах Университета Уппсалы, в 2014–2016 гг. произошло в среднем 47 вооруженных конфликтов в год, что больше средней цифры 37 конфликтов в год в течение 2007–2013 гг.¹⁷⁹ Судя по данным о конкретных конфликтах и характере их развития, можно утверждать, что подавляющее большинство из них имеет ярко выраженный этнический аспект¹⁸⁰.

* Глава подготовлена О.И. Зазнаевым в соавторстве с кандидатом политических наук Тимуром Зуфаровичем Мансуровым.

¹⁷⁸ Дэвис И. Вооруженные конфликты и мирные процессы. Краткий обзор // Ежегодник СИПРИ 2018: вооружения, разоружение и международная безопасность: Пер. с англ. – ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН. – М.: ИМЭМО РАН, 1998–2018. – 2019. – С. 29.

¹⁷⁹ Солленберг М., Меландер Э. Вооруженные конфликты и мирные процессы. Динамика организованного насилия, 2007–2016 гг. // Ежегодник СИПРИ 2017: вооружения, разоружение и международная безопасность: Ч. I. Вооруженные конфликты и их урегулирование, 2016. Пер. с англ. ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН. – М.: ИМЭМО РАН, 1998 – 2017. – 2018. – С. 25–49.

¹⁸⁰ Мансуров Т.З. Этнополитические конфликты // Этнические аспекты политических институтов и процессов: монография/ под ред. О.И. Зазнаева, М.Х. Фарукшина. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. – С. 225.

Чтобы ответить на вопрос, что представляет собой этнический конфликт, необходимо обратиться к понятию *этничности*, которое является в науке объектом многочисленных дискуссий. Различаются не только подходы к пониманию этого феномена (о них речь пойдет ниже), но и содержательная интерпретация понятия этничности. На наш взгляд, представляется плодотворным понимание этничности через идентичность, осознание своей принадлежности к определенной этнической группе. «В современной науке, – пишет В.А. Тишков, – чаще используется понятие этничность как категория, обозначающая существование отличительных идентичностей и складывающихся на их основе этнических групп»¹⁸¹.

В основе идентификации этнической группы лежат следующие признаки: собственное наименование группы; миф об общем происхождении и общих предках; разделяемая членами группы историческая память (герои, исторические события, памятные даты); один или несколько элементов общей культуры (религия, обычаи, язык); связь с родиной или символическая принадлежность к земле происхождения группы; чувство солидарности группы¹⁸². Этнический конфликт рассматривается «как «противостояние, в котором ресурсом политической мобилизации выступает этническая идентичность и ее значимые для консолидации участников конфликта проекции (этноконфессиональная, этнолингвистическая, этнотерриториальная, этнокультурная), маркирующие границы этнической общности»¹⁸³.

В науке существуют разные взгляды на то, в какой степени этничность создает и порождает конфликты. Сторонники школы

инструментализма смотрят на этническую идентичность лишь как на орудие элит в соревновании за материальные блага. Поэтому с этой точки зрения такого явления как «этнический конфликт» просто-напросто не существует, и этничность не создает конфликты, а лишь представляет собой ярлык или рамки, в которых развивается состязание другого рода нежели этническое¹⁸⁴. Напротив, сторонники психолого-культурного подхода¹⁸⁵ утверждают, что этнический конфликт вполне реален и вырастает прямо из того, как люди определяют свою этническую идентичность. Действительно, этничность является «генератором конфликтов»¹⁸⁶.

Х. Кауфман определяет этнические конфликты как «конфликты между сообществами, рассматривающими себя собственниками определённых наследий»¹⁸⁷. По мнению Р. Ставенхагена, «этнические конфликты обычно включают столкновение интересов или борьбу за права: право на землю, право на образование, использование языка, право на политическое самоопределение, право на свободу вероисповедания, сохранение этнической идентичности, автономии»¹⁸⁸.

Сам по себе этнический конфликт представляет собой разновидность группового конфликта, в котором хотя бы одна из его сторон привлекает этнические признаки для описания конфликта, его причин и способов его «излечения». *Этнический конфликт* – конфликт, в котором этнические группы противостоят другим этническим группам или государству, на территории которого они проживают; при этом цели хотя бы одной из конфликтующих

¹⁸⁴ Kaufman S.J. Ethnicity as a Generator of Conflict // The Routledge Handbook of Ethnic Conflict / ed. by K.Cordell and S. Wolff. – 2nd ed. – N.Y., London: Routledge, 2016. – P. 91.

¹⁸⁵ Ross M.H. Cultural Contestation in Ethnic Conflict. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 388 p.

¹⁸⁶ Kaufman S.J. Ethnicity as a Generator of Conflict. – P. 91–101.

¹⁸⁷ Kaufmann C. Possible and Impossible Solutions to Ethnic Civil Wars // International Security. – 1996. – Vol. 20. – № 4. – P. 138.

¹⁸⁸ Stavenhagen R. The Ethnic Question: Conflicts, Development, and Human Rights. – Tokyo: United Nations University Press, 1990. – P. 77.

¹⁸¹ Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – С. 59.

¹⁸² Hutchinson J., Smith A.D. Introduction // Ethnicity / ed. by J. Hutchinson J. and A.D. Smith. – Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 1996. – P. 6-7; Smith A.D. The Ethnic Origins of Nations. – NY: Wiley-Blackwell, 1986. – Ch. 2.

¹⁸³ Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы «большой теории» // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 6. – С. 71.

сторон формулируются в этнических понятиях, и основная линия разлома и конфронтации проходит по этническим различиям, а не каким-либо другим – экономическим или социальным.

В литературе отмечается, что термин «этнический конфликт» употребляется по ошибке, поскольку возможна ситуация, при которой лишь одна из сторон конфликта отличается этнической идентичностью своих членов¹⁸⁹, при этом другая сторона конфликта не обязательно этнически «окрашена»: это может быть государство или иные неэтнические группы, например, все население страны. Однако наличие в конфликте этнически значимых вопросов (даже только для одной стороны) делает конфликт, на наш взгляд, этническим.

В научной литературе наряду с понятием «этнический конфликт» используются понятия «этнонациональный конфликт», «межнациональный конфликт», а также «этнополитический конфликт».

Использование разных понятий зависит от того, какой смысл тот или иной автор вкладывает в понятия «нация» и «этнос». «Нацию можно трактовать как совокупность граждан одного государства, проживающих в рамках политического сообщества, в то время как этнос – это большая группа людей, объединенных общим самосознанием, культурой, традициями и обычаями, менталитетом, языком, психологическим складом, исторической памятью, верованиями и т.п.»¹⁹⁰ Такой подход способствует более объективному анализу феномена конфликта. Поэтому более правомерно говорить не об этнонациональном или межнациональном конфликте, а об этническом или межэтническом конфликте.

Этнический конфликт невозможно обнаружить в чистом виде. Различные типы конфликтов (культурные, социальные, экономические, политические, информационные и др.) могут при соответствующих условиях перерасти в этнические или, наоборот,

сочетать в себе сразу несколько видов конфликтов, например, быть *этнополитическими*¹⁹¹.

Формы проявления этнического конфликта разнообразны и охватывают разные уровни человеческих взаимоотношений и взаимодействий – межличностный, межгрупповой, институциональный¹⁹². Между тем, именно два последних вида взаимоотношений в основном способствуют перерастанию этнического конфликта в этнополитический. На межгрупповом уровне государство может являться как активным, так и пассивным участником отношений в зависимости от степени конфликтности противоборствующих групп. Изначально противостояние может не затрагивать политический уровень, а развиваться в социальной (отсутствие по разным причинам возможностей социальной реализации и продвижения), экономической (конкуренция различных групп на рынке труда), культурной (недостаточная поддержка государством малых народов и этнокультурных групп, препятствия для общения на родном языке) сферах. При этом государство может быть одной из сторон конфликта или подключиться к его решению в том случае, если он затрагивает основы социально-политического порядка¹⁹³.

Этнополитический конфликт как разновидность социального противоборства имеет свои особенности: бескомпромиссность, жестокость сторон, применение оружия, сложность урегулирования. Объясняются эти особенности единством этнических и политических факторов, которые объектом конфликта делают различные ценности, а их взаимоприемлемая реализация, как показывает практика, становится крайне сложной¹⁹⁴. Как отмечает А.Г. Большаков, «понятие «этнополитический конфликт» демонстрирует взаимосвязь этнических и политических интересов людей. С одной стороны, политика и политические интересы

¹⁹¹ Мансуров Т.З. Этнополитические конфликты. – С. 230.

¹⁹² Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент: Учеб. пособие. – М.: Дело, 2005. – С. 18–19.

¹⁹³ Мансуров Т.З. Этнополитические конфликты. – С. 227.

¹⁹⁴ Там же. – С. 225.

¹⁸⁹ Cordell K., Wolff S. The Study of Ethnic Conflict. An Introduction // The Routledge Handbook of Ethnic Conflict / ed. by K. Cordell and S. Wolff. – 2nd ed. – N.Y., London: Routledge, 2016. – P. 4.

¹⁹⁰ Мансуров Т.З. Этнополитические конфликты. – С. 226.

провоцируют этнические конфликты, а с другой стороны, сами этнические конфликты детерминируют политический процесс»¹⁹⁵. Как правило, этнополитические конфликты происходят между меньшинством и доминирующей этнической группой, распоряжающейся властью и ресурсами в государстве, однако бывают ситуации, когда противостояние осуществляется между примерно равными по составу этническими группами.

Разные авторы по-разному определяют содержание этнополитического конфликта. Так, Л.М. Дробижина в качестве таковых выделяет «организованные политические действия, массовые беспорядки, сепаратистские выступления и гражданские войны, в которых противостояние осуществляется на этнической почве»¹⁹⁶. Э.Н. Ожиганов рассматривает этнополитический конфликт как «спор, в котором, хотя бы, одна из сторон, опираясь на этнический принцип, рассматривает возможность или демонстрирует желание и готовность применить вооруженную силу для воплощения своих интересов»¹⁹⁷. Р.Г. Абдулатипов под этим типом конфликта предлагает считать «агрессивное столкновение интересов, различий, взглядов и противоречий, прежде всего, в восприятии, интерпретации и участии в социально-политических и экономических процессах; их отражение в области этнических отношений, использование противоречий и различий в данной сфере для решения политических задач»¹⁹⁸.

В научной литературе можно встретить разные подходы к рассмотрению этничности и этнического конфликта.

¹⁹⁵ Большаков А.Г. Политический конфликт: возможности управления и исследовательские традиции: Курс лекций. – Казань: Центр инновационных технологий, 2004. – С. 46.

¹⁹⁶ Конфликты в современной России: Проблемы анализа и регулирования / [Е. И. Степанов, Е. И. Васильева, Л. М. Романенко и др.]; Рос. акад. наук. Центр конфликтологии. Ин-т социологии. – 2-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 242.

¹⁹⁷ Ожиганов Э.Н. Баланс власти и этнополитические конфликты // Этничность и власть в полиэтничных государствах: материалы межд. конф.; ответ. Ред. В.А. Тишков. – М., 1994. – С. 277.

¹⁹⁸ Абдулатипов Р.Г. Этнополитология. – СПб.: Питер, 2004. – С. 236.

Примордиалистский подход¹⁹⁹ исходит из того, что этничность является врожденной характеристикой, связью человека со своей этнической группой, имеющей объективную основу в природе или в обществе²⁰⁰. Свойственные ей черты передаются от одного поколения к другому и не могут быть изменены. Отсюда этническая общность – это общность по крови, языку, обычаям, традициям, а также психическому складу людей²⁰¹.

В примордиалистской концепции выделяются два направления: *социобиологическое* и *социокультурное* (культурно-историческое). В рамках биосоциальной теории утверждается, что в основе этнических отношений людей находятся родственные связи, а этничность определяют биологические особенности поведения, передающиеся по наследству. По мнению голландского антрополога Пьера ван ден Берге, «родственный отбор является мощной консолидирующей силой в социуме как у людей, так и у животных»²⁰². Между тем, в основу человеческих отношений, кроме родственного отбора, голландский исследователь включает еще два принципа социальности: сотрудничество и принуждение. При этом этнические общности не конфликтогенны сами по себе, а становятся таковыми только в определенных условиях социально-культурных отношений индивидов, которые соперничают друг с другом за скудные ресурсы²⁰³.

¹⁹⁹ См. об этом подробнее: Мансуров Т.З. Этнополитические конфликты. – С. 230–234.

²⁰⁰ Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология. – С. 18–19.

²⁰¹ См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: Эксмо, 2007. – С. 32–42; Широкогоров С.М. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. – Шанхай, 1923. – С. 13; Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. – М.: Изд-во Рос. гуманит. ун-та, 2000. – С. 62; Тишков В.А. Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / отв. ред.: М.Б. Олкотт, В. Тишков, А. Малашенко. – М.: Московский центр Карнеги, 1997. – С. 18–19.

²⁰² Пьер ван ден Берге. Раса и этничность: социобиологическая перспектива // Вопросы национализма. – 2014. – № 4. – С. 91.

²⁰³ Там же.

Согласно теории этногенеза Л.Н. Гумилева, этнос носит природно-биологический характер и возникает в свойственных ему географических и климатических условиях, являясь частью биосферы, этносы подчиняются ее законам и участвуют в ее процессах. Они связаны с энергией космического излучения, способствующего появлению у части людей повышенной тяги к действию – пассионарности²⁰⁴.

На сегодняшний день в науке биосоциальный подход в чистом виде не представлен, а доминируют взгляды представителей культурно-исторического направления примордиализма. По их мнению, этнос представляет прежде всего социальную и культурную общность с объективными характеристиками принадлежности к ней – территория, язык, экономика, расовый тип, религия, мировоззрение и пр. Яркий представитель данного направления Ю.В. Бромлей полагал, что «в этносе по-разному сочетаются, с одной стороны, так называемые этнические свойства и характеристики (этнический язык, народно-бытовая культура, обрядовая жизнь, этническое самосознание, закрепленное в этнониме – самоназвание этноса), а, с другой стороны, такие, которые рассматриваются преимущественно в качестве условий формирования и бытия этнических элементов (природно-, географо-, территориальные, экономико-социальные, государственно-правовые и т.п.)»²⁰⁵.

Таким образом, анализ этничности в рамках примордиализма показывает, что эта характеристика человека не подвержена изменениям, и во взаимоотношениях с другими группами он воспринимает себя в этнических категориях. Идентичность данных групп является жестко фиксированной характеристикой, получа-

емой индивидом при рождении. На нее не действуют какие-либо классовые или политические факторы. Возражая против фиксированного характера этнической идентичности, можно сказать, что в истории человечества известны случаи возникновения как новых идентичностей, так и трансформации старых²⁰⁶.

По мнению примордиалистов, этничность может на протяжении долгого времени сохранять латентный характер, а может проявиться достаточно открыто в любой момент, если появятся факторы, которые будут нагнетать этнические чувства. Это способствует запуску механизма формирования конфликтов, которые могут протекать как в институциональных рамках, так и вне них (например, этнические вооруженные конфликты). Вообще примордиалисты считают этничность конфликтогенной чертой, так как она не подвержена изменениям, а сам конфликт рассматривают как следствие этнических различий²⁰⁷. Однако практики различных стран показывают случаи мирного существования этносов, а этничность не является главным фактором их политической мобилизации.

Представители *инструментализма*²⁰⁸ (П. Брасс, М. Бэнтон, А. Коэн, М. Хэтчер, М. Губогло, С. Рыбаков и др.) особое внимание уделяют роли этнической идентичности в политической сфере общества. Суть данного подхода заключается в том, что этнос и этничность – это своеобразный инструмент или ресурс, используемый отдельными индивидами, социальными группами, различными элитами в борьбе за свое благосостояние, статус и власть. Конституирование этнической группы, формирование ее коллективного сознания происходит не потому, что ее члены испытывают по отношению друг к другу врожденную неприязнь, а

²⁰⁴ Буянова Н.В. Специфика и причины этнополитического конфликта // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2007. – Т. 149, кн. 3. – С. 21.

²⁰⁵ Чавкин Н.А. Роль духовно-нравственных традиций в процессе формирования этнического самосознания // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». – 2012. - № 5. – С. 128.

²⁰⁶ Паин Э.А. Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. – М.: Новое изд-во, 2004. – С. 80.

²⁰⁷ Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология. – С. 61–62.

²⁰⁸ См. подробнее об этом подходе: Мансуров Т.З. Этнополитические конфликты. – С. 234–236.

потому, что это политически выгодно. По мнению С.А. Сергеева, «создатели этого подхода исходили из того, что различия между группами людей в обществе могут служить основой для формирования этнической идентичности каждой группы, определяющей в свою очередь характер межгрупповых отношений и мобилизующей этнические группы на целенаправленную политическую деятельность»²⁰⁹.

Для реализации политических целей этнические группы могут использовать различные средства: идентификационные маркеры, в том числе социально-культурного характера, манипуляции с этническими символами и мифами и т.д. Этническая идентичность в этом контексте рассматривается не как неизменная в примордиализме данность, а как подвижная и обусловленная различными обстоятельствами характеристика. Она может быть скрытой, игнорироваться до поры до времени, но когда становится необходимо, она начинает выступать значимым ресурсом консолидации этнической группы и решения коллективных задач²¹⁰.

Поэтому этнический конфликт рассматривается инструменталистами как форма соперничества конфликтующих групп за обладание природными, экономическими ресурсами, когда сами группы различаются по социальному статусу, богатству, доступу к власти. Группы пытаются использовать любые возможности для выравнивания межгрупповых различий.

Изъяны инструментализма²¹¹ сводятся к тезису о подвижном характере этнической идентичности и ее ситуативности. При этом игнорируются социобиологические особенности, а именно они делают этническую принадлежность социальных групп устойчивой характеристикой. Дело в том, что индивид не может произвольно выбрать принадлежность к той или иной этнической

группе, а использование этничности в качестве механизма мобилизации и борьбы за власть определяется не только интересами, но и эмоциональным восприятием идентичности и другими факторами.

Сторонники *конструктивистского подхода*²¹² (Б. Андерсон, Ф. Барт, Р. Брубейкер, Дж. Ротшильд, Р. Ставенхаген, М. Эсман и др.) не отрицают первоначальной этничности и свойственных ей черт (обычаи, традиции, культура, язык, менталитет и др.), которые отличают одни группы от других. С другой стороны, развитие этничности рассматривается ими через призму социальной структуры общества²¹³.

По мнению Ф. Барта, этничность – это форма организации культурных различий в обществе²¹⁴. Этническая группа рассматривается как замкнутое сообщество, принципами формирования которого являются изоляция, неприятие *Другого*; идентичность рассматривается только как результат различения «своих» и «чужих». Условиями поддержания такой целостности является игнорирование *Другого* и избегание контактов с другими идентичностями²¹⁵. Исследователь предлагает в качестве глав-

²¹² См. подробнее об этом подходе: Мансуров Т.З. Этнополитические конфликты. – С. 236–243.

²¹³ См.: Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. – С. 25–26; Тишков В.А. Реквием по этносу. – С. 105–112; Эйджейм Х. Когда этническая идентичность становится социальным стигматом // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сборник статей / под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильщикова. – М.: Новое издательство, 2006. – С. 49–71.

²¹⁴ Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сборник статей / под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильщикова. – М.: Новое издательство, 2006. – С. 9–11.

²¹⁵ Денисова И.А. Этническая идентичность и исследование границ социального целого. Рецензия на книгу «Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2007. – № 3 (21). – С. 124–125.

²⁰⁹ Сергеев С.А. Этнополитология. Конспект лекций / Каз. федер. ун-т. – Казань, 2014. – С. 12.

²¹⁰ Young C. The Politics of Cultural Pluralism. – Madison: University of Wisconsin Press, 1976. – P. 65.

²¹¹ Тишков В.А. Реквием по этносу. – С. 104–105.

ного критерия этничности рассматривать границы группы. При этом важен не сам «культурный инвентарь», который эта группа в себя включает, а процессы, которые способствуют возникновению этнических групп и сохраняют их устойчивость. Значимым в приведенной работе Ф. Барта является положение о том, как этнические общности воспроизводятся с помощью поддержания своих границ, отделяющих их от возможных других групп²¹⁶.

Существенный вклад в изучение конструктивизма в отечественной науке внес В.А. Тишков. По его мнению, этничность формируется в рамках социальных отношений и накопленного социального опыта, принадлежность к которому этнических групп определяется другими общностями. Во-первых, он полагает, что «существующие на основе историко-культурных различий общности представляют собой социальные конструкции, возникающие и существующие в результате целенаправленных усилий со стороны людей и создаваемых ими институтов, особенно со стороны государства»²¹⁷. Во-вторых, границы этнических общностей и их идентичность представляются изменяющимися характеристиками в ситуативном и историко-временном контекстах. В-третьих, как полагает ученый, «природа социально-культурных коалиций определяется их целями и стратегиями, среди которых важнейшую роль играют организация ответов на внешние вызовы через солидарность одинаковости, общий контроль над ресурсами и политическим институтами и обеспечение социального комфорта в рамках культурно-гомогенных сообществ»²¹⁸.

Таким образом, в представлениях В.А. Тишкова этничность включает в себя не только присущие ей объективные признаки, но и позволяет индивиду отождествлять себя с другими общностями (социальными институтами, движениями, политическими партиями, государством), находясь в широком контексте различных культурных и политических взаимодействий. Важным явля-

ется не только поддержание жизнедеятельности этнической группы или нации, но и реализация интересов их представителей для преуспеяния в какой-либо сфере путем отождествления с другими сообществами и участия в их деятельности²¹⁹.

Критика конструктивистского подхода сводится к тому, что предлагаемые его сторонниками объяснения причин и специфики развития этнических конфликтов применимы лишь к тем типам противоборств, которые строятся на социально-конструируемых разделах общества и групп (национальные, региональные, политические, религиозные, племенные и т.д.). Кроме того, минусом является недооценка социобиологических черт этничности, которые могут в различных условиях социального взаимодействия достаточно сильно ограничивать действия этнических групп по конструированию каких-либо идентичностей.

Таким образом, рассмотренные подходы к пониманию этничности и этнического конфликта показывают различные стороны анализируемых явлений. В связи с этим на сегодняшний день в научной литературе идут дискуссии о необходимости создания *интегративного подхода*, который смог бы создать какое-либо синтезированное знание. Несмотря на пока безуспешные попытки продвижения в данном направлении, представляется важным изучение путей и способов разрешения этнических конфликтов и их предотвращения²²⁰.

В политической науке помимо классических парадигм существуют и другие политологические теории в объяснении причин возникновения и природы этнополитического конфликта. Среди них, например, выделяются политико-психологические теории депривации (Т. Гарр, Д. Дэвис, Б. Несволд, И. Фейерабенд) и теории ресурсной мобилизации (П. Брасс, Дж. Ротшильд, Ч. Тилли, М. Эзман)²²¹. Однако объем и задачи данной главы настоящей монографии не позволяют рассмотреть их более подробно.

²¹⁶ Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. – С. 18.

²¹⁷ Тишков В.А. Реквием по этносу. – С. 105–112.

²¹⁸ Там же. – С. 115.

²¹⁹ Тишков В.А. Реквием по этносу. – С. 113.

²²⁰ Мансуров Т.З. Этнополитические конфликты. – С. 243.

²²¹ Там же.

Для понимания природы этнических конфликтов важно провести их **типологию**²²². Однако любая классификация условна, так как один конфликт может содержать в себе признаки другого или пересекаться с другими. Наиболее распространенной в науке типологией на сегодняшний день является деление конфликтов в соответствии с целями доминирования сторон: противоборства статусного характера, территориальные конфликты и межгрупповые конфликты²²³.

В *конфликтах статусного типа* выделяется несколько разновидностей. Первая – это институциональные конфликты, которые по мере их развития перерастают в борьбу за независимость этнических общностей и создание собственного государства. По такому сценарию развивались конфликты между союзными республиками и союзным центром в СССР в конце 1980-х годов. Конфликты сопровождались мобилизацией по этническому принципу и быстро политизировались. Власти вносили поправки в региональные конституции, которые устанавливали приоритет республиканских законов и права на использование местных ресурсов. Особенно ярко в этом контексте деятельность национальных движений проявилась в таких республиках как Грузия, Молдова, Латвия, Литва и Эстония.

Второй вид конфликтов статусного типа – это противоборства, в которых административно-территориальные образования пытаются повысить свой статус или обрести его. Данные противоборства были характерны для некоторых союзных и автономных республик, а также автономных областей в бывшем СССР. Так, например, руководство Казахской ССР пыталось выстраивать с РСФСР конфедеративные отношения, а некоторые автономные образования (например, Татарстан) хотели повысить свой статус

²²² См. подробнее об типологии: Мансуров Т.З. Этнополитические конфликты. – С. 243–250.

²²³ Арутюнян Ю.В., Дробижина Л.М., Сукоколов А.А. Этносоциология: Учеб. пособие для вузов / Ин-т «Открытое о-во». – М.: Аспект-Пресс, 1999. – С. 222–225.

до уровня союзной республики. После распада единого государства в начале 1990-х годов в Татарстане открыто стоял вопрос о формировании ассоциированных отношений с Россией и выстраивания отношений с федеральным центром на договорной основе.

Вопросы статусного характера волновали и другие этнические общности в составе союзных республик. Так, например, Абхазия еще в составе Грузинской ССР пыталась обрести статус союзной республики, а Южная Осетия боролась за создание автономной республики в составе грузинского государства. Однако поднять свой статус они смогли только после провозглашения в одностороннем порядке государственной независимости.

К конфликтам статусного характера можно отнести также противоборства, вызванные многолетним пребыванием репрессированных народов на территории бывших республик союзного государства, и пытающихся восстановить свой статус (например, чеченцы в Казахстане, турки-месхетинцы в Краснодарском крае).

Вторым типом конфликта в рамках рассматриваемой классификации является *территориальный конфликт*. Это конфликт между этническими общностями за право проживания на оспариваемой территории. Примером этнотерриториального противоборства в Российской Федерации является осетино-ингушский конфликт – борьба за Пригородный район Северной Осетии, которая осенью 1992 года переросла в военные действия.

Третьим типом конфликта являются *межгрупповой конфликт*. К нему относится конфликт, который возникает между этническими группами и общностями. Он затрагивает различные сферы общественной жизни²²⁴. Примеров межгруппового конфликта, включающего в себя и этническую, и политическую составляющую, достаточно много. Так, в марте 1986 года в г. Якутске в течение трех дней происходили столкновения русской молодежи и студентов-якутов

²²⁴ Дробижина Л. Межэтнические отношения в Российской Федерации: пример республик с «особыми правами» // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 2001. – № 2 (35). – С. 81–91.

из Якутского государственного университета с применением насилия, предотвратить которые удалось благодаря вмешательству партийных работников и представителей правоохранительных органов. Другим случаем конфликтов на этнической почве являются погромы русских домов в сельских районах Тувы со стороны тувинцев, а также периодические столкновения русской и тувинской молодежи на протяжении 1990 года в республике.

В зависимости от форм и методов противодействия этнические конфликты принято подразделять на насильственные (например, индо-пакистанский конфликт) и ненасильственные (например, конфликты между различными кланами и этническими группами в ряде республик Северного Кавказа, связанные с продвижением своих членов в органы власти и управления).

Интересной типологией этнических конфликтов является классификация, предложенная в советское время Э.А. Паиным и А.А. Поповым: «конфликты стереотипов», «конфликты идей» и «конфликты действий»²²⁵.

Под «конфликтами стереотипов» понимаются конфликты, в которых «этнические группы могут еще четко не осознавать причины противоречий, но в отношении оппонента создают негативный образ «недружественного соседа», «нежелательной группы»²²⁶. К таким стереотипам относятся этническая замкнутость конфликтующих общностей и этническая подозрительность, которая быстро переходит в этническую враждебность. Если конфронтация сохраняется достаточно долгое время, то могут появляться этнофобии и даже коллективные мании преследования²²⁷. «Конфликты стереотипов» отличаются стихийностью,

²²⁵ Паин Э.А., Попов А.А. Межнациональные конфликты в СССР (некоторые подходы к изучению и практическому решению) // Советская этнография. – 1990. – № 1, Январь – Февраль. – С. 3–15.

²²⁶ Васильчев И.Н. К вопросу о типологии межнациональных конфликтов // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2010. – Т. 10. – № 1. – С. 42–43.

²²⁷ Паин Э.А., Попов А.А. Межнациональные конфликты в СССР. – С. 5.

сильным воздействием эмоциональных факторов и деструктивными действиями, например, погромами.

Для «конфликта идей», считают Э.А. Паин и А.А. Попов, характерно выдвижение притязаний друг против друга конфликтующими сторонами. Каждая из этнических групп пытается обосновать «историческое право» на принадлежность им той или иной территории (например, Ингушетия и Северная Осетия) и на собственную государственность (например, Латвия, Литва, Эстония в составе СССР). Как правило, идеологические доктрины, оправдывающие позиции сторон, взаимно исключают друг друга, становясь объектами притяжения или отторжения, экстерриториальны и могут втягивать в свою орбиту весь этнос. Отличие двух типов противоборств определяет также временной фактор. Так, если различные стереотипы и предрассудки могут сохраняться относительно недолгое время, то идеи способны удерживаться в общественном сознании длительное время²²⁸.

Третьим типом этнических противоборств являются «конфликты действий». По Э.А. Паину и А.А. Попову, им свойственны такие явления как пикеты, демонстрации, митинги, вызванные различными этническими и социальными факторами, принятие политических решений вплоть до появления открытого этнополитического конфликта²²⁹. В качестве примеров, свидетельствующих о развитии событий по такому сценарию, можно назвать приднестровский конфликт в Молдавии, а также ряд других противоборств постсоветского пространства, переросших в вооруженные конфликты и гражданские войны.

Выделение типов этнических конфликтов позволяет проанализировать их динамические характеристики²³⁰. По мнению В.А. Михайлова, этнополитический (этнический) конфликт проходит несколько **стадий** и развивается по принципу «воронки»:

²²⁸ Паин Э.А., Попов А.А. Межнациональные конфликты в СССР. – С. 7.

²²⁹ Там же. – С. 12–15.

²³⁰ См. подробнее об этом: Мансуров Т.З. Этнополитические конфликты. – С. 250–252.

«развертывание событий в период обострения межнациональных отношений подобно водовороту, когда поверхностная воронка первоначального разделения населения по этническому признаку начинает постоянно увеличивать поле своего притяжения, а вовлекаемые в распространяющийся конфликт массы уносятся подводным течением обвальных социальных изменений к месту никому неизвестного выброса»²³¹.

На *первой стадии* происходит формирование «воронки» противостояния. Стороны предъявляют друг к другу претензии, появляется недоверие, накапливаются обиды, создается образ «врага», начинается раскол общественно-политических структур. На *второй стадии* субъекты конфликта «плодят» своих антидвойников, «одномерных человек», развитие которых возможно по закону «заразного» причинения: «нет ничего у одной стороны, что рано или поздно не появилось бы и у другой»²³². Самокритика сторон становится все меньшей, способствуя появлению сильного информационного противостояния с применением различных способов воздействия. На *третьей стадии* конфликт перерастает в антагонизм, отношения членов этнических групп и связанные с ними события развиваются по принципу «зеркального» отражения, а их дела и поступки, согласно методу бумеранга возвращаются к ним же. Исчезают последние возможности диалога, любые действия сторон вызывают противодействие. По мнению В.А. Михайлова, на этой стадии «окончательно пропадают правые и виноватые, остаются лишь бедствующие»²³³. Противостояние сторон может продолжаться долгое время, в том числе с применением военной силы.

Высказанная В.А. Михайловым точка зрения на развитие конфликта любопытна и раскрывает внутренний механизм его

²³¹ Михайлов В.А. Принцип «воронки», или Механизм развертывания межэтнических конфликтов // Социологические исследования. – 1993. – № 3. – С. 57.

²³² Там же. – С. 57–58.

²³³ Там же. – С. 58.

развертывания. Сам исследователь использует данную спираль развития конфликта для анализа взаимоотношений различных этнонациональных групп в Молдове в конце 1980-х – начале 1990-х годов.

Кроме того, в литературе принято выделять следующих *стадии этнического и этнополитического конфликта*: стадия потенциального конфликта, стадия реального конфликта и стадия конфликтных действий²³⁴. На первом этапе, как правило, конфликтное поведение сторон не выявлено, интересы не четко осознаны, не высказаны внятно и не затрагивают массовое сознание людей. На втором этапе претензии и требования сторон друг к другу уже отчетливо осознаются, из большой массы людей появляются политические лидеры, которые начинают обосновывать и показывать, какие обстоятельства и почему привели к тому, что интересы членов одной этнической общности в сложившейся ситуации противоречат интересам другой, и популярно объяснять, в чем заключаются эти интересы. Наконец, на стадии конфликтных действий стороны предпринимают активные действия друг против друга, а конфликт приобретает все более политизированный характер, втягивая других акторов политического процесса. При этом данные действия могут носить разновекторный характер.

На сегодняшний день в политической науке все большую популярность при исследовании способов, методов, технологий урегулирования конфликтов²³⁵ приобретают идеи **конфликтологического менеджмента**. «Управление конфликтом» в трудах многих ученых представляется как отдельное направление в изучении столкновений и противоборств, а урегулирование рассматривается как один из способов *управления этническими конфликтами*. Так, Й. Галтунг под управлением конфликтами понимает умение поддерживать отношения ниже уровня, на котором воз-

²³⁴ Большаков А.Г. Политический конфликт: возможности управления и исследовательские традиции. – С. 50.

²³⁵ См. подробнее об этом: Мансуров Т.З. Этнополитические конфликты. – С. 253–269.

можно угроза для системы в целом²³⁶. При этом как в этнической, так и в политической сферах жизни общества управление конфликтами традиционно рассматривается узко и фактически равнозначно термину «урегулирование конфликта». Содержательно оно не предполагает прекращение конфликта или полное устранение предмета конфликта, а введение его в институциональные рамки, легитимизацию, снижение интенсивности действий сторон, минимизацию их издержек и последствий протекания конфликта. Основная задача урегулирования конфликта состоит не в том, что предотвратить или устранить его, а в том, чтобы сделать его протекание конструктивным.

Управление этнополитическим конфликтом в общем виде представляет собой сознательную деятельность по отношению к нему, его субъектам (этническим группам, общностям, государствам), которая осуществляется на всех стадиях протекания противоборства. Грамотное управление различиями предполагает выделение нескольких методов или стратегий. Первая стратегия опирается на принудительный метод или *метод контроля*. Он является одним из самых простых способов поддержания политической стабильности в государстве. Его содержание направлено на принудительное доминирование этнической группы, представляющей большинство населения в той или иной стране, опираясь при этом на всю силу разветвленного государственного аппарата и предоставление возможностей отдельным членам этнических меньшинств быть представленными во властных структурах. В основном данный метод не способствует разрешению конфликтов, а загоняет их внутрь. Конечно, он приводит к снижению уровня политизации этнических различий, мобилизации этнических групп, их политической организации. Вместе с тем создание институциональных рамок, политико-правовых условий, в которых этническое большинство пытается решить конфликт, еще не означает достижение компромиссов между сторонами.

²³⁶ Galtung J. Peace by Peaceful Means: Peace and Conflict, Development and Civilization. – L.: Sage, 1996. – P. 89–103.

Разновидностью метода контроля в устранении этнических различий является гегемонистский контроль²³⁷. Впервые он был предложен Я. Лустиком, который рассмотрел этот метод управления этническими различиями на примере палестино-израильского конфликта, противоборства в Северной Ирландии, а также противостояния этнических групп в Алжире в период колониального господства Франции. При таком контроле система правления устроена таким образом, что она не дает возможности политизации этничности, а этническое соперничество групп за политическую власть становится невозможным. Этничность, конечно, может затрагивать отдельные сферы, но конфликты в них, как правило, носят локальный характер и решаются другими способами. Участие меньшинств в борьбе за власть не основывается на этническом статусе, а сам он не может использоваться инструментом мобилизации для отстаивания властных привилегий.

С целью реализации принудительного метода в государстве может формироваться целенаправленная публичная политика сдерживания, которая способствует поддержанию неравноправия этнических групп. Она может объясняться расовыми, религиозными, материальными убеждениями этнического большинства и складываться под действием различных угроз безопасности. Однако вне зависимости от причин, послуживших складыванию той или иной политики в государстве, последняя способствует систематической депривации этносов, занимающих подчиненный статус в различных сферах.

По мнению Т. Гарра, величина и степень политического контроля зависит от ряда переменных: «...доля популяции, прямо подвластная аппарату безопасности или правосудия; размеры вооруженных сил и сил безопасности и ресурсы, которыми они располагают; лояльность этих сил режиму; а также жестокость и

²³⁷ Lustick I.S. Unsettled States, Disputed Lands: Britain and Ireland, France and Algeria, Israel and the West Bank-Gaza. – Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1993. – P. 7–26.

последовательность санкций»²³⁸. Т. Гарр полагает, что контроль населения со стороны политической элиты, измеряемый в абсолютных и относительных величинах, зависит от коерсивных способностей режима. Чем они больше, тем стабильнее политическая система и больше возможностей для удержания власти.

Однако если это соответствие начинает меняться в пользу других групп, то поддержка этнического большинства начинает ослабевать, снижается депривация ущемленных групп населения. Т. Гарр это объясняет несколькими причинами: «в некоторых регионах менее развитых обществ и в некоторых уголках, более развитых, надзор и сдерживание могут оказаться минимальными или несущественными иногда в силу нехватки у режима ресурсов, иногда вследствие труднодоступности, иногда нерадивости исполнителей. Некоторые режимы могут усматривать небольшое преимущество для себя в осуществлении контроля, скажем, над кочевниками или племенными группами в удаленных регионах, который не обещает устранение угрозы безопасности, не обещает дополнительное поступление налогов»²³⁹. В связи с этим, ущемление групп этнических меньшинств не является абсолютной величиной и может меняться в зависимости от соотношения сил между доминирующим большинством и другими группами. Происходить это может в различных формах, начиная от заговоров и беспорядков и заканчивая внутренними войнами и революциями.

Стоит отметить, что метод контроля применяется как в авторитарных, так и в демократических странах. В последних, как правило, действие этого метода достаточно затруднено, так как в таких странах допускается как организация, так и мобилизация этнических групп. Применение данного метода, в частности, использовалось в отношении тамилы в Шри-Ланке, белого населения в ЮАР, католиков в Северной Ирландии, а на сегодняшний день осуществляется в отношении русскоязычного населения в

Латвии, Литве и Эстонии. Можно сказать, что принудительный метод или метод контроля не является эффективным инструментом управления этническим конфликтом, так как способствует его эскалации, углубляет этнические различия и не приводит к устранению предмета противоборства.

Другим способом управления этническими различиями является *консенсусный метод*. На наш взгляд, он обеспечивает больший порядок и, соответственно, большую политическую стабильность и управляемость общественными процессами. Одной из разновидностей данного метода выступает консоциация. Она признает разнообразие взглядов, интересов и ценностей этнических групп, как их самих, так и идентичности и организации, которые являются базовыми столпами плюралистического общества. Консоциацию иногда называют системой участия во власти²⁴⁰. Консоциация в политических системах предполагает этнический плюрализм, обеспечивает права, свободы, создание общественно-политических институтов и их действие с целью реализации политических интересов и пользования другими благами общества. В таких странах обеспечивается максимальное представительство этнических групп во власти, которое в этнических демократиях может быть затруднено. Принцип работы данного метода состоит в том, что «государственная власть совместно осуществляется составляющими общество этническими группами, каждая из которых имеет пропорциональное представительство в правительстве и право вето»²⁴¹. Поэтому политические системы, в которых реализуется метод консоциации, называют общественными демократиями.

Преимуществами метода консоциации в регулировании конфликтов между этносами являются возможности самоуправления этнических общин, а также существования и поддержания

²³⁸ Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005. – С. 310.

²³⁹ Там же.

²⁴⁰ Лейпхарт А. Многосоставные общества и демократические режимы // Полис. Политические исследования. – 1992. – № 1. – С. 217–225.

²⁴¹ Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология. – С. 346.

демократии в разделенных обществах. Критика метода сводится в основном к двум моментам: 1) в таких странах у этнического большинства существует соблазн установить доминирование над другими группами, которые различаются по своему политическому весу; 2) существуют риски дестабилизации в государстве, если элиты этнических или политических сообществ не смогут достичь согласия относительно участия членов их групп во власти и ее распределении.

Важной разновидностью консенсусных методов выступает *арбитражное*, которое является распространенным способом управления конфликтами, затрагивающим этнополитическую сферу. Оно предполагает участие в конфликте третьей нейтральной стороны, которая имеет полномочия выносить решения по спору этнических акторов, которые они принимают как взаимоприемлемое и справедливое. При этом арбитр должен пользоваться авторитетом и уважением у сторон конфликта. В научной литературе, как правило, различаются два вида арбитражного – внутреннее и внешнее. Внутреннее арбитражное по своему содержанию предполагает разрешение этнополитического конфликта внутри страны, а в качестве арбитра может выступать человек, который пользуется высоким моральным авторитетом и добившийся огромных заслуг в какой-либо сфере. Посредником при этом не может быть лицо, принадлежащее к той или иной этнической группе, хотя в истории известны случаи, когда это условие нарушалось, а арбитражное носило вполне нейтральный характер (Ш. Стивенс в Сьерре-Леоне, М. Ганди в Индии и др.).

Безусловно, арбитражное может осуществляться не только людьми, но и политическими институтами – правительствами, политическими партиями, судами. Примерами успешного арбитражного можно назвать деятельность федеральных властей России по урегулированию осетино-ингушского конфликта, Канады в отношении англофонов и франкофонов в провинции

Квебек. Важную роль в управлении этническими различиями играют писанные и неписанные нормы и традиции монархических государств (например, в Бурунди между хуту и тутси в середине XX века).

Внешнее арбитражное в разрешении конфликтов предполагает роль институтов межгосударственного уровня. Ими могут выступать отдельная страна или региональная (СНГ, ЕС) и международная организация (ООН). Эти институты призваны разрешать этнические конфликты не только внутри государств, но и между ними. Эффективность посредничества в этом случае будет определяться не только применяемыми механизмами и средствами, имеющимися в руках посредника, но и политическим весом государства на международной арене. Внешнее арбитражное может приобретать двусторонний и многосторонний характер. Участие двух арбитров в процессе урегулирования конфликта предполагает разделение между ними функций. Между двумя арбитрами могут заключаться соглашения о содержании деятельности в качестве посредников, распределении обязанностей и т.д. При этом одно государство может контролировать вопросы безопасности и управления территорией в зоне конфликта, а другое выступать гарантом соблюдения прав этнических меньшинств (например, соглашения между Австрией и Италией по Южному Тиролю, договоры Венгрии с Румынией и Словакией в отношении прав венгероязычного меньшинства и др.)²⁴².

Многостороннее арбитражное предполагает одновременное участие ряда государств в управлении этническими различиями и возникающими на этой почве этнополитическими конфликтами. К данному методу обращаются в том случае, если существуют серьезные факторы конфликтности и угрозы безопасности не одного, а ряда государств (конфликты в Ливии, Сирии, Йемене, конфликт вокруг ядерной программы КНДР и Ирана и др.). Посредничество государств может использоваться

²⁴² Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология. – С. 353.

и в практике миротворческих миссий ООН и других организаций²⁴³.

Как и управление, урегулирование и разрешение этнополитических конфликтов осуществляется с помощью ряда **методов**. Если урегулирование предполагает полное или частичное устранение предмета противоборства, избегание его негативных последствий, то разрешение конфликта предполагает более широкие действия по ненасильственному решению противоречий сторон конфликта, конечной целью которого служит «ликвидация» коренных причин противоборства.

К принудительным (насильственным) способам и методам урегулирования и разрешения конфликтов рассматриваемого типа относятся такие их крайние проявления, как геноцид и этнические депортации. *Геноцид* означает «систематическое массовое убийство этнической общности (независимо от ее определения) или косвенное уничтожение такой общины путем преднамеренного прекращения условий, которые позволяют ее биологическому и социальному размножению»²⁴⁴. Геноцид как стратегия по устранению этнических различий использовался при создании империй или их укреплении (например, колонизация западноевропейскими странами Нового Света); тогда, когда у этнической общности, которая подвергается притязаниям, отсутствуют необходимые ресурсы для противоборства (государство или мощная диаспора, например, цыгане и евреи в период Второй мировой

войны); ситуации, когда подчиненное этническое сообщество является уязвимым в рамках распадающейся системы контроля, созданной империей или партийной диктатурой (например, армяне в Османской империи); случаи, когда этническая община-жертва имеет экономическое превосходство и культурную самобытность, но не обладает военной и политической властью (например, курды в Ираке, буби в Экваториальной Гвинее, ибо в Нигерии)²⁴⁵.

Конфликтотенным методом устранения этнических различий выступают *этнические депортации* (этнические чистки) – вынужденные массовые перемещения людей с родной земли на другую территорию, осуществляемые насильственным путем со стороны превосходящего по силе этноса. Как правило, этот метод применялся в затяжных этнонациональных конфликтах (Ливия, Сирия, Кипр, Нагорный Карабах, Босния и Герцеговина и др.). Этнические депортации возможны в период формирования империй и отдельных национальных государств. Подтверждением тому является политика Российской и Османской империй на Кавказе, а также отношение к малочисленным народам кавказского региона и немцам Поволжья во время правления И.В. Сталина²⁴⁶. Обращение к этническим депортациям иногда является реакцией на процесс этнического поглощения одной этнической группы другой или ответом на ситуацию экономического кризиса.

Среди консенсусных методов и технологий регулирования этнических конфликтов выделяются интеграция и *политика мультикультурализма*, целью которой является не устранение этнических различий, а их деполитизация. В основе метода интеграции – «стремление интегрировать все существующие в государстве этнические группы в единое политическое поле на основе общей (гражданской, национальной или патриотической) иден-

²⁴³ См.: Семкина Ю.Н. Международное посредничество в урегулировании конфликта в Косово // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2008. – № 4. – С. 71–81; Никитин А.И. Миротворчество ООН: обновление принципов, реформирование практики // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60. – № 3. – С. 16–26; Большаков А.Г., Зазнаев О.И. Эффективность миротворческой деятельности России на постсоветском пространстве: опыт и перспективы ОДКБ // Вестник экономики, права и социологии. – 2011. – № 3. – С. 107–111.

²⁴⁴ The Politics of Ethnic Conflict Regulation: Case Studies of Protracted Ethnic Conflicts / ed. by J.McGarry, B. O'Leary B. – L: Routledge, 1993. – P. 7.

²⁴⁵ См.: *ibid.* – P. 7-8.; Johanssohn K. What is Genocide? // Genocide Watch / ed. by H. Fein. – New Haven: Yale University Press, 1992. – P. 17–26; Hermann E.S., Peterson D. The Politics of Genocide. – N.Y.: Monthly Review Press, 2010. – P. 13–38.

²⁴⁶ The Politics of Ethnic Conflict Regulation. – P. 9.

тичности, более широкой, чем этническая идентичность. Этнические различия сохраняются как одна из красок жизни, но не как факт политики»²⁴⁷.

При такой политике государство предпринимает различные меры по недопущению политизации этничности, выстраивая диалог с индивидами не как с представителями этнокультурных групп, а как с членами гражданского сообщества, всей нации. Страны, которые придерживаются интеграции как метода нивелирования этнических разногласий и конфликтов, предоставляют равные права и возможности в политической, экономической и других сферах. Актуальным данный вопрос является для ряда стран ЕС – Австрии, Франции, Италия, прибалтийских государств.

Интеграция как стратегия регулирования межэтнических разногласий реализуется в двух вариантах – либеральном и мультикультуралистском. Если первый отдает предпочтение индивидуальным правам и свободам, то второй – коллективным правам этнических меньшинств в государстве. В мультикультурализме особое внимание уделяется вопросу сосуществования разных идентичностей, права на их сохранение и развитие с целью формирования оптимальной политической интеграции. Тем самым общество признает разность истории, культуры, языка, психического склада ума, религии, свойственные этническим группам, и способствует их сохранению. Причины этнополитических конфликтов могут быть разными, но все они, так или иначе, сводятся к требованиям предоставления равных возможностей и статуса (в области экономики, политики, социальной жизни, образования и т.д.).

По мнению Д. Горовица, воплощение в жизнь принципов интеграции и мультикультурализма в демократических обществах предполагает следующие механизмы недопущения или ослабления этнических конфликтов: территориальное распределение власти, чтобы ее сосредоточение в одном месте не стало источ-

ником конфликтов; создание дополнительных постов для формирования внутриэтнической конкуренции; выработка политических стимулов для сотрудничества между этническими группами (например, избирательные законы, эффективно способствующие формированию межэтнических предвыборных коалиций посредством системы сложения голосов); поддержка не только этнических групп и их идентичностей, но и других (экономических, территориальных, классовых и т.д.), направленных на «социальное расщепление»; управляемое государством распределение ресурсов²⁴⁸.

Таким образом, эти механизмы, по мнению Д. Горовица, помогут избежать или предупредить возникновение этнических конфликтов, значительно снизить уровень их политизации и устранить различия, ведущие к серьезным противоборствам.

Среди территориальных методов урегулирования конфликтов в литературе выделяется метод *сецессии* – выделение части территории из состава государства, в результате которого этнический состав населения как «материнского» государства, так и «отколовшегося» региона становится более гомогенными, прекращаются конфликты, снижается уровень политизации этнических притязаний различных групп. Отделение недовольного этноса в результате сецессии может носить внутренний (например, выход кантона Юра из состава другой административной единицы – кантона Берн в Швейцарии) и внешний характер (например, отделение Норвегии от Швеции).

Нормативной основой оправдания выделения какой-либо территории из состава государства служит зафиксированное в международном праве право наций на самоопределение. Нельзя не отметить, что сецессия может явиться порой эффективным методом разрешения этнических конфликтов (например, противоборство различных этнических групп в Эфиопии в период с

²⁴⁷ Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология. – С. 332.

²⁴⁸ Horowitz D. L. *Ethnic Groups in Conflict*. – Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1985. – P. 601–652.

1961 по 1991 годы, закончившееся выходом из ее состава Эритреи в 1993 году). Сецессия как метод территориального разделения государства может носить как консенсусный (разделение Чехословакии в 1990-е годы), так и насильственный (отделение Хорватии от Югославии) характер. В последнем случае ценой таких действий могут стать большие человеческие жертвы, разрушение экономики, кризис политической системы.

Таким образом, на сегодняшний день существует разнообразие методов, технологий урегулирования и разрешения этнических конфликтов. Управление этими конфликтами зависит от специфики сложившейся ситуации, используемых средств и ресурсов акторами этнополитического процесса, который по ходу развития может интенсифицироваться, а может способствовать стабилизации политической системы. Значительное влияние на процесс урегулирования межэтнических конфликтов также оказывает политическая воля и желание сторон их преодолеть и привести в конструктивное русло.

Задача политической науки должна состоять в выработке оптимальных стратегий и методов урегулирования и разрешения этнических конфликтов исходя из специфики их развития. Реализация этой задачи будет способствовать устойчивому развитию политической системы, сохранению целостности многонационального государства, в котором различные консенсусные модели разрешения этнических противоречий будут в полной мере отвечать интересам сторон конфликта²⁴⁹.

²⁴⁹ Мансуров Т.З. Этнополитические конфликты. – С. 270.

Глава 4

ПОИСК ЛУЧШЕЙ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ МОНО- И ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Спор о лучшей форме правления идет на протяжении веков²⁵⁰. Политические мыслители прошлого «пели дифирамбы» то царской власти, то аристократии, то демократии, то ограниченной монархии, то республике, то парламентской системе, то президентской республике. В последние десятилетия интерес ученых и политиков к этой проблеме усилился в связи с тем, что переход от авторитарных режимов в странах третьей и четвертой «волн» демократизации неизбежно сопровождался выбором той или иной формы правления. Практически повсеместно этому выбору предшествовала широкая дискуссия о лучших институтах и лучшей системе власти.

Сегодня в качестве лучшей модели редко выступает монархия. В основном образцами, достойными для подражания, являются президентская, парламентская, полупрезидентская, смешанные системы²⁵¹. Странники президентской системы обычно «восхищены» сильной исполнительной властью, получением президентского мандата из рук народа, системой сдержек и противовесов, стабильностью. Парламентской системе приписываются такие достоинства, как дееспособное и ответственное правительство,

²⁵⁰ Зазнаев О.И. Современная дискуссия о лучшей форме правления.

²⁵¹ О классификации форм правления см. гл. 1 этой монографии.

широкие возможности для оппозиции в парламенте, чередование власти. В последние десятилетия в качестве лучшей альтернативы президентской и парламентской системам рассматриваются смешанная модель власти.

Спор о лучшей форме правления либо носит абстрактный характер (поиск лучшей формы для всех стран и народов), либо привязан к конкретной стране (поиск лучшей формы по сравнению с имеющейся). Стремление найти некую универсальную систему организации власти утопично. В условиях многообразия современного мира становится очевидным, что нет и не может быть единой и пригодной для всех формы правления. Попытки найти лучшую для всех стран и народов универсальную форму правления не увенчались успехом, что неудивительно²⁵². Как отмечал русский философ И.А. Ильин, каждому народу причитается «своя, особая, индивидуальная государственная форма и конституция, соответствующая ему и только ему. Нет одинаковых народов и не должно быть одинаковых форм и конституций. Слепое заимствование и подражание нелепо, опасно и может стать гибельным»²⁵³.

На выбор и функционирование любой формы правления сильное влияние оказывает контекст – история страны («тропа истории»), культура, традиции, религия, менталитет, внешнее окружение, воздействие примера других государств, в том числе соседних, экономическая обстановка, конфликты в обществе и другие факторы²⁵⁴. А потому то, что пригодно для одних стран, совершенно не годится для других: «Латиноамериканцам советуют выбрать парламентскую систему, но такую систему бурно отвергли французы. Многие жители Британии разочарованы своей двухпартийной «смирительной рубашкой», в то время

как большинство итальянцев полагают, что британская система восхитительна»²⁵⁵.

Практический аспект спора о лучшей форме правления заключается в стремлении «внедрить» в конкретной стране такую форму или изменить имеющуюся на «лучшую». Этот процесс идет *двумя путями*:

- заимствование образцов, которые кажутся «лучшими», «конституционный плагиат»²⁵⁶ (например, заимствование странами Латинской Америки модели президентской республики США);
- конституционная инженерия, «экспериментирование» с новыми формами или элементами тех или иных форм, прежде нигде не существовавших (например, избрание прямыми выборами премьер-министра Израиля в 1996–2001 гг. в условиях парламентской республики)²⁵⁷.

Однако при попытках перехода к лучшей форме правления в странах мира возникают трудноразрешимые проблемы. Во-первых, в устойчивых государствах с длительной историей стабильных институтов изменить существующую форму правления на лучшую чрезвычайно сложно. Сила инерции велика несмотря на то, что действующая форма правления остро критикуется интеллектуальным сообществом, средствами массовой информации и политиками. Так, в ряде европейских стран под огнем критики находится парламентская система за правительственную нестабильность. В Италии было немало предложений перейти к полупрезидентской и другим смешанным системам, но «воз и ныне там». Недовольство президентской республикой в Латинской Америке не привело к реформам: лишь Бразилия пыталась создать у себя парламентскую республику вместо президентской, но безуспешно.

²⁵⁵ Sartori G. Comparative Constitutional Engineering: An Inquiry into Structures, Incentives and Outcomes. – P. 135.

²⁵⁶ Lane J.-E. Constitutions and Political Theory. – Manchester and N.Y.: Manchester University Press, 1996. – P. 196.

²⁵⁷ Зазнаев О.И. Современная дискуссия о лучшей форме правления. – С. 200.

²⁵² Зазнаев О.И. Современная дискуссия о лучшей форме правления. – С. 200.

²⁵³ Ильин И.А. О грядущей России: Избранные статьи. – М., 1991. – С. 27.

²⁵⁴ Зазнаев О.И. Современная дискуссия о лучшей форме правления. – С. 200.

Дж. Сартори замечает, что, как правило, мы справедливо подвергаем критике ту систему, при которой живем, но часто ошибаемся в определении альтернатив этой системы и приписываем этим альтернативам мнимые достоинства. Если отвергается президентская форма, то это автоматически не означает, что ее полная противоположность – парламентская система – представляет собой благо²⁵⁸. Резкие переходы (от президентской к парламентской системе, от парламентской к президентской) в мировой практике единичны: страны являются «заложниками» своего начального выбора²⁵⁹.

Во-вторых, в переходных государствах выбор формы правления, как правило, делается не в пользу лучшей системы. Казалось бы, в основе нового институционального каркаса должны лежать рациональные соображения (обеспечение общего блага), однако главный мотив выбора формы правления – это интересы политических акторов, рассматривающих институты как орудия в борьбе за политическое выживание. Как справедливо отмечает Б. Геддес, творцы конституции (участники «круглых столов», учредительное собрания, парламенты) преследуют собственные интересы, которые довлеют над всем, и именно эти интересы предрасполагают их к выбору одних институциональных каркасов и отрицанию других²⁶⁰. Акторы могут руководствоваться либо институциональным интересом (Л. Валенса, В. Гавел), либо личным интересом (И.А. Каримов, А.Г. Лукашенко, Н.А. Назарбаев, С.А. Ниязов и др.), либо тем и другим одновременно: стремление

Б.Н. Ельцина укрепить президентскую власть в начале 1990-х гг. было связано не только с «жаждой» власти, но и с желанием создать эффективно действующий институт, способный обеспечить стабильность, бесконфликтность, эффективность власти в условиях противостояния с М.С. Горбачевым и Съездом народных депутатов России²⁶¹.

В-третьих, многие страны, нашедшие для себя «лучшую» форму правления, с течением времени понимают, что их выбор не идеален. В литературе замечено, что процесс поиска проходит три стадии: сначала обнаруживается крайне привлекательная форма правления – некий «сюрприз», затем возникает надежда, но завершается всё разочарованием²⁶². У каждой формы правления есть свои плюсы и минусы, а потому возвеличивание одной формы и жесткая критика всех других – это крайняя позиция. Взвешенная позиция предполагает выявление достоинств и недостатков систем в контексте институциональных, политических, экономических, социальных, культурных и прочих условий их возникновения и функционирования; к тому же, одни и те же черты могут по-разному проявиться в разных ситуациях, а, значит, могут быть причислены к категории плюсов или минусов²⁶³. Как отмечает С. Фаббрини, каждая из трех форм (президентская, парламентская, полупрезидентская) лишь частично приближается к «хорошему» правлению²⁶⁴.

Спор о лучшей форме правления получил новое «дыхание» после того, как более тридцати лет назад Х. Линц «вбросил» тезис о том, что *парламентская система склонна к демократии, а*

²⁵⁸ Sartori G. Neither Presidentialism nor Parliamentarism // The Failure of Presidential Democracy. Comparative Perspectives / ed. by J. J. Linz, A. Valenzuela. – Baltimore; L.: The Johns Hopkins University Press, 1994. – P. 115.

²⁵⁹ Зазнаев О.И. Современная дискуссия о лучшей форме правления. – С. 201.

²⁶⁰ Geddes B. Initiations of New Democratic Institutions in Eastern Europe and Latin America // Institutional Design in New Democracies: Eastern Europe and Latin America / ed. by A. Lijphart and C.H. Waisman. – Colorado and Oxford: Westview Press, 1996. – P. 18.

²⁶¹ Зазнаев О.И. Современная дискуссия о лучшей форме правления. – С. 201.

²⁶² Colton T.J., Skach C. The Russian Predicament // Journal of Democracy. – 2005. – Vol. 16. – № 3. – P. 113.

²⁶³ Зазнаев О.И. Современная дискуссия о лучшей форме правления. – С. 201–202.

²⁶⁴ Fabbri S. Presidents, Parliaments, and Good Government // Journal of Democracy. – 1995. – Vol. 6. – № 3. – P. 128–129.

президентская – нет. В 1990 году он опубликовал статью под характерным названием «Опасности президентской системы»²⁶⁵. В ней автор обосновывал два основных постулата: во-первых, парламентская система чаще приводит к установлению стабильной демократии, особенно в тех странах, где глубоко политические расхождения и существует множество политических партий; во-вторых, парламентская система выступает гарантом сохранения демократии²⁶⁶. Началась бурная дискуссия, в ходе которой выявилось несколько групп «спорщиков».

Первая группа (защитники парламентской системы и противники президентской системы) продолжала отстаивать гипотезу Линца, используя, в том числе, и эмпирические доказательства. К ним примыкают исследователи, которые утверждают, что президентская система опасна не сама по себе, а в сочетании с другими неблагоприятными переменными – фрагментированной партийной системой и др. Группе «парламентаристов» противостоят защитники президентской системы. Третью группу составляют те, кто утверждает, что смешанная форма (полупрезидентская) «живет в ладах» с демократией. Им, кстати, противостоят последователи Линца, настаивающие на том, что «пороки» президентской системы полностью распространяются на полупрезидентскую систему²⁶⁷.

Со всеми вышеназванными группами не согласны ученые, полагающие, что тип политического режима определяется не институциональными, а экономическими, культурными, социальными факторами²⁶⁸. Крах молодых демократий объясняется не выбором

ими президентской системы, а наличием в этих странах препятствий для «движения» к демократии (крайняя бедность, гражданская война, острые конфликты на этнической и религиозной почве и пр.).

Итак, длящийся более двух десятилетий спор о лучшей с точки зрения демократии форме правления пока не завершен. Единого мнения до сих пор не выработано²⁶⁹. Очевидно, причина заключается в том, что «наличие тесной связи между конституционными вариациями типов исполнительной власти и демократическим либо авторитарным результатом – не очевидно»²⁷⁰. Политической наукой не доказан тезис о том, одни формы правления ведут к демократии, а другие к авторитаризму.

Сегодня можно с полной уверенностью сказать, что упрощенная и мифологизированная посылка о жесткой зависимости между формой правления и политическим режимом ущербна. Это признают «гранды» политической науки. Так, Ф. Шмиттер пишет, что четверть века назад в классической политологической книге «Переход от авторитарного правления» он и его коллеги ошиблись, сделав упор на парламентскую систему: «нет «волшебного ингредиента» для успешной демократической консолидации, единого для всех: выбор разных институтов ведет к разным результатам, но не во всех случаях»²⁷¹.

Конечно, институциональные характеристики формы правления имеют определенное значение для судьбы демократии. Вся политическая практика подтверждает основной тезис неоинституционализма: институты важны. Однако влияние формы правления на политический режим должно рассматриваться с учетом дополнительных (вмешивающихся) переменных, так как связь между формой правления и демократией – это не «арифметика»,

²⁶⁵ Linz J. The Perils of Presidentialism // Journal of Democracy. – 1990. – Vol. 1. – № 1. – P. 51–69.

²⁶⁶ Ibid. – P. 52.

²⁶⁷ Подробный обзор этой дискуссии см.: Зазнаев О.И. Преимущества и недостатки президентской, парламентской и полупрезидентской систем // Социально-гуманитарные знания. – 2006. – № 5. – С. 133–144.

²⁶⁸ Lipset S. M. The Centrality of Political Culture // Journal of Democracy. – 1990. – Vol. 1. – № 4. – P. 80–83.

²⁶⁹ Зазнаев О.И. Современная дискуссия о лучшей форме правления. – С. 202.

²⁷⁰ Lipset S. M. The Centrality of Political Culture – P. 80.

²⁷¹ Schmitter P.C. Twenty-five Years, Fifteen Findings // Journal of Democracy. – 2010. – Vol. 21. – № 1. – P. 24.

а «алгебра» политики. Выяснить эту связь политологам еще предстоит²⁷².

Спор о лучшей форме правления порой завершается «победой» одной стороны, которая в качестве аргументов использует распространенные стереотипы общественного сознания. Так, одним из таких стереотипов является тезис о сильной президентской власти: в переходный период должен существовать сильный президент, и наиболее подходящей формой правления для трансформирующихся систем является президентская система. Принято считать, что и России нужна сильная президентская власть, которая способна обеспечить политическую стабильность и управляемость в стране.

Однако решение проблемы эффективности исполнительной власти не сводится к учреждению сильного президентства. Во-первых, сильный премьер-министр может быть не менее эффективен, чем президент в президентской республике, о чем говорит деятельность глав правительств в современных западных парламентских и смешанных системах. Примеры стран Центральной и Восточной Европы доказывают возможность успешной модернизации в условиях существования слабого президента или президента с умеренной силой. Следовательно, неверно рассматривать сильное президентство как панацею от всех бед.

Во-вторых, одной из современных мировых тенденций является так называемая президентциализация – увеличение объема контролируемых главой исполнительной власти ресурсов и повышение его автономии (от парламента и правящей партии)²⁷³. В парламентской системе происходит существенное возвышение роли премьер-министра, который напоминает президента в президентской республике.

²⁷² Зазнаев О.И. Современная дискуссия о лучшей форме правления. – С. 202–203.

²⁷³ Zaznaev O. The Presidentialization of a Semi-Presidential Regime: The Case of Russia // Politics and the Ruling Group in Putin's Russia / ed. by Stephen White. – Houndmills: Palgrave Macmillan, 2008. – P. 27–41.

В-третьих, пример России периода «тангема» демонстрирует, что неважно, где находится центр власти. Как известно, в 2008–2012 годах в стране сложилась ситуация, при которой президент «президентствовал», а премьер-министр – правил²⁷⁴.

«Возвеличивание» «лучшей» формы правления сопровождается резкой критикой других форм, в частности, парламентской системы. Утверждается, что она не годится для стран, в которых отсутствуют необходимые условия – развитая партийная система, высокий уровень конкуренции. Логика противников парламентской системы такова: «сначала партии, затем парламентаризм». Предполагается, что такие страны «не доросли» до парламентаризма. В России и постсоветских странах получило распространение суждение о том, что политическая культура с ориентацией на «вождя» не позволяет сформировать ценности парламентаризма и создать успешно функционирующую парламентскую систему.

Однако, во-первых, постулат о «неготовности» к парламентской системе опровергается успешным опытом государств, избравших для себя парламентскую систему при «неблагоприятных» факторах (страны Центральной и Восточной Европы), и, во-вторых, нельзя научиться плавать, не зайдя в воду: именно парламентская система стимулирует институционализацию современнопартийной системы.

В основе спора о лучшей форме правления лежит убежденность в том, что правильный выбор автоматически ведет к положительным результатам – демократизации, повышению эффективности власти, управляемости, ответственности лидеров и т.д. Этот выбор сводится к тому, чтобы зафиксировать в конституции новую форму и юридически прописать взаимоотношения между ветвями власти. Конституция рассматривается как решающая основа для формирования той или иной формы правления в стране («примем новую конституцию – появится новая форма правления»). Однако такой взгляд вызывает возражения.

²⁷⁴ Зазнаев О.И. Современная дискуссия о лучшей форме правления. – С. 203.

Во-первых, форма правления, как отмечалось выше, – это конструкция не только юридическая, но и фактическая. Взаимоотношения между ветвями власти зависят не только от правовых предписаний, но и от неформальных политических практик. Пример России периода «тандема» показателен: изменения конституции не было, а сложилась ситуация, при которой власть «перетекла» от президента к премьер-министру.

Во-вторых, могут возникнуть серьезные расхождения между конституцией и практикой: полупрезидентская система в постсоветских странах фактически переросла в суперпрезидентскую.

В-третьих, необходимо говорить о процессе политической институционализации той или иной формы правления в стране. Институционализация формы правления – не единовременный акт, а относительно длительный процесс, посредством которого форма правления приобретает ценность и устойчивость. Кстати, этому совершенно не уделяется внимания в литературе.

В-четвертых, следует отметить, что конструкция формы правления *de jure* требует создания механизма ее функционирования на практике. Без такого механизма форма правления работать не будет. Так, Киргизия отказалась от сильного президента в пользу парламента и правительства, однако в механизме функционирования новой формы правления образовались «бреши»: сложность формирования коалиции большинства и правительства, конфликтные отношения между государственными институтами²⁷⁵.

Итак, осознание научным сообществом проблем, которые возникают в процессе поиска лучших форм правления и внедрения их в политическую практику, критическое отношение к распространенным стереотипам о лучших формах правления и стремление их преодолеть будет способствовать глубокому осмыслению политической жизни, что в конечном итоге станет одним из условий конструирования оптимальных, эффективных и демократических систем власти в полиэтнических обществах.

²⁷⁵ Зазнаев О.И. Современная дискуссия о лучшей форме правления. – С. 204.

Глава 5

КРИТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ГИПОТЕЗ О ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ ФОРМАМИ ПРАВЛЕНИЯ И ЭТНИЧЕСКИМИ ПЕРЕМЕННЫМИ

Взаимосвязь между формой правления и другими переменными неоднократно изучалась в политической науке. Наибольшая дискуссия разгорелась по вопросу о том, какая форма правления способствует становлению стабильной демократии и консолидации демократического режима²⁷⁶. Меньше внимания было уделено спорам о взаимосвязях *формы правления* с экономическим развитием, стабильностью политической системы, с публичной политикой и эффективностью политического курса. Общим лейтмотивом этих исследований стал основной тезис, вытекающий из постулатов неоинституционализма: «формы правления важны». Действительно, форма правления – это переменная, которая оказывает влияние на другие переменные институционального и неинституционального порядка. К числу последних можно отнести этничность.

²⁷⁶ Критический обзор дискуссии о взаимосвязи формы правления и демократии см.: Борисов Н.А. Президентство на постсоветском пространстве: процессы генезиса и трансформаций. – М.: РГГУ, 2018. – С. 448–456; Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. – С. 256–289; Зазнаев О.И. Осмысление форм правления в зарубежной политической науке: Новейшие дискуссии. – С. 10–33; Маркаров А.А. Полупрезидентская система: содержание понятия и основные характеристики // Политическая наука. – 2014. – № 1. – С. 34–50; Харитонов О.Г. Постсоветские конституции: Только ли институты имеют значение? // Политическая наука. – 2014. – № 1. – С. 69–93.

Выявление взаимосвязи между формами государственного правления и этническими аспектами общества представляет собой проблему, которая не получила должного освещения в политической науке, хотя отдельные ее стороны рассматривались рядом ученых²⁷⁷. На сегодняшний день в политологии нет четкого и однозначного ответа на целый ряд важных вопросов, в частности, не ясно, во-первых, какое влияние оказывают этнические факторы на форму правления и ее элементы, и, во-вторых, как президентская, парламентская и полупрезидентская системы воздействуют на этнические стороны жизнедеятельности общества.

Как меняется форма правления под влиянием этнического фактора? Почему в полиэтничном обществе выбирается та или иная форма правления? Как этнические интересы способствуют трансформации форм правления? Каково воздействие формы правления на представительство этнических групп, формирование режима с доминирующей этнической группой и этнические конфликты? Как та или иная форма правления воздействует на этнические конфликты? Какая из форм правления способствует предупреждению и урегулированию конфликтов на этнической почве? Эти вопросы редко поднимаются политологами, но требуют своих ответов, которые не могут быть простыми, ибо, как справедливо подчеркивает Д. Горовиц, «постижение этнического конфликта и способов его смягчения является амбициозной задачей»²⁷⁸.

Значимость политических институтов в условиях полиэтничного общества неоспорима, поскольку, как верно отмечается в литературе, тщательное проектирование политических институтов является необходимым (хотя и по общему признанию, не-

²⁷⁷ См. подробнее об этом: Зазнаев О.И. Этнические аспекты форм государственного правления // Этнические аспекты политических институтов и процессов: монография / под ред. О.И. Зазнаева, М.Х. Фарукшина. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. – С. 115–147.

²⁷⁸ Horowitz D. L. *Ethnic Groups in Conflict*. – Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1985. – P. xiii.

достаточным) условием достижения умеренного политического процесса, при котором этнические группы включались бы во власть²⁷⁹.

Прежде всего, рассмотрим, как в научной литературе оценивается **влияние этничности на формы правления**. Оно проявляется в том, что конструируются такие формы организации власти, которые учитывают этнические аспекты. Институциональные «инженеры» исходят из разных подходов к институциональному дизайну в полиэтничном обществе. С. Вольф выделяет три таких подхода: теория либеральной сообщественности (*liberal consociationalism*) или консоциативный подход, теория центростремительности (*centripetalism*) и теория раздела власти (*power-dividing*)²⁸⁰. Сторонники разных подходов по-разному определяют роль этничности в создании и функционировании политических институтов, а именно по-разному решают вопрос о том, нужно ли политизировать этничность или, напротив, стремиться к ее деполитизации, то есть выступая против институционального закрепления этнической фрагментации²⁸¹. По сути дела, водораздел между ними проходит по линии представления о том, нужно ли политизировать этничность или, напротив, стремиться к ее деполитизации, тем самым выступая против институционального закрепления фрагментации политического порядка²⁸².

Рассмотрим эти подходы.

²⁷⁹ Wolff S. Electoral-Systems Design and Power-Sharing Regimes // *Power Sharing. New Challenges for Divided Societies* / ed. by I.O'Flynn and D.Russell. – L., Ann Arbor, MI: Pluto Press, 2005. – P. 73.

²⁸⁰ Wolff S. *Managing Ethno-national Conflict: Towards an Analytical Framework* // *Commonwealth and Comparative Politics*. – 2011. – Vol. 49. – № 2. – P. 166.

²⁸¹ Зазнаев О.И. Этнический конфликт и форма правления: современные дискуссии // *Полис. Политические исследования*. – 2021. – № 1. – С. 27.

²⁸² Панов П.В. Институциональные модели организации власти в полиэтничных обществах: варианты, проблемы и решения // *Российская политическая наука: Идеи, концепции, методы: Научное издание* / под ред. Л.В. Сморгунова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. – С. 291–294.

1. **Консоциативный подход** получил свое обоснование в работах А. Лейпхарта – автора теории общественной (консоциативной) демократии²⁸³. Он выделяет четыре признака общественной демократии: большую коалицию, автономию сегментов (то есть этнических, религиозных или лингвистических групп), пропорциональность и право вето²⁸⁴. К числу главных признаков он относит большую коалицию и автономию сегментов (то есть этнических, религиозных или лингвистических групп), к числу вспомогательных – пропорциональность и право вето²⁸⁵. По А. Лейпхарту, основная идея общности – совместное участие групп во власти (*power-sharing*), соучастие групп в отправлении власти, распределение (долей) власти между группами («паевое» участие во власти), «делёж» власти между разными сегментами общества.

Консоциативный подход подвергается критике за то, что устраняет или значительно ослабляет конкурентность политики, тем самым приводя к снижению эффективности власти. В ответ на эту критику А. Лейпхарт говорит: «принцип полноценного политического участия гораздо важнее, чем принцип правления большинства и наличия сильной политической оппозиции»²⁸⁶. Получается, что в условиях многосоставного общества ценность представляет, прежде всего, не конкуренция элит, а сотрудничество между ними. Таким образом, дискуссия между сторонниками и противниками общественной демократии проходит по линии того, на каких принципах должно строиться разделенное общество. Более серьезная критика общественной демократии связана с тем, что такая система ведет к усилению групповых различий, и поэтому причины этнополитических конфликтов не устраня-

²⁸³ Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / Пер. с англ. под ред. А.М. Салмина, Г.И. Каменской. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 287 с.

²⁸⁴ Там же. – С. 28.

²⁸⁵ Там же.

²⁸⁶ Там же.

ются, но лишь на время приглушаются. Происходит политизация все большего и большего числа этнических групп, которые высказывают свои притязания на власть и на свою «долю» в ней, что не может быть бесконфликтным²⁸⁷.

2. Сторонник **центростремительного подхода** (этот подход в литературе называют также интегративным²⁸⁸) Д. Горовиц полагает, что имеет значение не представительство во власти этнических групп, а преодоление различий между ними, поэтому снижение конфликтности происходит путем создания предвыборных коалиций и внутригруппового, а не межгруппового соперничества. Д. Горовиц считает, что «межгрупповое политическое соглашение» достигается посредством «избирательных систем, которые обеспечивают стимулы для партий формировать коалиции с участием разных групп или иным образом смягчать их этноцентристское политическое поведение»²⁸⁹. По Д. Горовицу, основной упор в разделенном обществе нужно делать на ослабление этнической фрагментации и создании условий для предвыборных политических взаимодействий между этническими группами. Этому способствует не мажоритарная избирательная система, а избирательные системы, которые вынуждают партии и кандидатов опираться на выборах не на одну, а на несколько этнических групп, – альтернативное голосование, система единственного передаваемого голоса и другие преференциальные системы²⁹⁰.

Д. Горовиц выделяет пять механизмов центростремительной модели:

²⁸⁷ Зазнаев О.И. Этнический конфликт и форма правления: современные дискуссии. – С. 28.

²⁸⁸ См., например: Wolff S. Electoral-Systems Design and Power-Sharing Regimes. – P. 59; Sisk T. Power Sharing and International Mediation in Ethnic Conflicts. – P. ix.

²⁸⁹ Horowitz D.L. The Alternative Vote and Interethnic Moderation. A Reply to Fraenkel and Grofman // Public Choice. – 2004. – Vol. 121. – № 3–4. – P. 507–508.

²⁹⁰ Зазнаев О.И. Этнический конфликт и форма правления: современные дискуссии. – С. 28.

1) рассеивание власти, чаще всего территориальное, которое множит «точки власти» и таким образом «охлаждает» напряженность в одном очаговом центре;

2) деволюция власти и создание внутригруппового соперничества на местном уровне;

3) создание стимулов для межэтнического соперничества, в частности, путем принятия избирательных законов, эффективно обеспечивающих создание предвыборных коалиций через «пул голосов» избирателей;

4) реализация политики, направленной на создание альтернативных политических организаций, объединяющих людей по признаку принадлежности к социальному классу или какой-либо территории, с тем, чтобы сгладить этнические расколы политическим путем;

5) сокращение неравенства между группами через управляемое распределение ресурсов²⁹¹.

Д. Горовицу вторит другой сторонник центростремительного подхода – Б. Рейли, который делает акцент на трех составляющих: стимулах во время избирательной кампании для привлечения голосов от нескольких этнических групп, а не от одной единственной; арене торга, где у политических деятелей из разных групп возникает побуждение собраться вместе, чтобы вести переговоры и торговаться в поисках межпартийных и межэтнических соглашений о голосовании; центристских, многосоставных политических партиях или коалициях, которые ищут поддержку множества этнических групп²⁹². Следовательно, защитники центростремительного подхода делают упор на интеграцию этнических групп в политику, а не на их соучастие в оправлении власти (как это имеет место у А. Лейпхарта и сторонников консоциативного подхода).

Инструментом этой интеграции выступают институты избирательной системы. Если общественная демократия достига-

ется после выборов, то система, созданная в соответствии с центростремительным подходом, – до выборов. Консоциативный подход направлен на «обязательные *постэлекторальные* правящие коалиции, включающие всех этнических антагонистов, которые попадают в парламент посредством пропорциональной электоральной системы»²⁹³, а сторонники центростремительного подхода «делают ставку на добровольное создание умеренных межэтнических коалиций *до выборов*»²⁹⁴.

Т. Сиск, который также является сторонником центростремительного подхода, отмечает, что в качестве идеала рассматривается создание предвыборных коалиций между этническими партиями или создание широких мультиэтнических партий на базе интересов, которые сглаживают этнические идентичности, таких как региональные или общие экономические интересы²⁹⁵. «Традиционно плюрализм, – пишет Т. Сиск, – также опирается на силы экономического взаимодействия, чтобы помочь создать социальные расколы, которые подрежут аскриптивную идентичность»²⁹⁶. Если общественная демократия реализуется после выборов, то распределение власти в соответствии с центростремительным подходом – до выборов.

Центростремительный подход имеет «слабые места»: во-первых, на практике мало примеров успешной работы такой системы. во-вторых, маловероятно, что политики, разделенные по этническим линиям, будут стремиться к умеренности, как того хочет система; во-третьих, совершенно не обязательно, что избиратели будут голосовать за партии, которые опираются на иные этнические группы, отличные от той группы, к которой принадлежит избиратель; и, наконец, в-четвертых, предпочтительные

²⁹³ Горовиц Д.Л. Распределение власти в полиэтнических обществах: три большие проблемы // Политическая наука. – 2016. – № 1. – С. 211.

²⁹⁴ Там же.

²⁹⁵ Sisk T.D. Power Sharing and International Mediation in Ethnic Conflicts. – Washington, DC: United States Institute of Peace Press, 1996. – P. 5.

²⁹⁶ Ibid.

²⁹¹ Horowitz D. L. Ethnic Groups in Conflict. – P. 597–600.

²⁹² Reilly B. Democracy in Divided Societies. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – P.11.

избирательные системы, которые предлагается внедрить, являются по существу мажоритарными²⁹⁷.

Осознавая недостатки как консоциативного, так и центристского подходов, некоторые авторы выступают за их смешение. Так, С. Вольф предлагает внедрить в разделенном обществе комбинацию преференциального голосования и элементов общественных институциональных структур. Он полагает, что такой смешанный подход наиболее подходит для достижения устойчивого демократического распределения власти²⁹⁸.

3. Еще одна альтернатива мажоритарной демократии, общественной демократии и центристской теории – это **разделительный подход** (теория раздела власти). Он был раскрыт в трудах Ф. Редера и Д. Ротшильда²⁹⁹. Три принципа являются главными для данного взгляда: гражданские свободы, множество форм большинства, сдержки и противовесы.

По мнению, Ф. Редера и Д. Ротшильда, ключевыми институциональными инструментами, посредством которых необходимо разделить власть, являются, во-первых, обстоятельные законы о правах человека, которые должны закрепить принятие наиболее важных решений частной сферой и гражданским обществом; во-вторых, разделение полномочий между ветвями власти и разделение полномочий между специализированными учреждениями, занимающимися конкретными и четко разграниченными областями политики, при этом принятие решений в каждой из ветви власти и в каждом из таких учреждений происходит по принципу большинства, что тем самым создает вероятность того, что члены этнических меньшинств будут входить в политическое большинство по одним вопросам, при этом члены этничес-

кого большинства будут членами политических меньшинств по другим вопросам; в-третьих, сдержки и противовесы, которые ведут к тому, что «каждый из этих центров принятия решений, представляющий конкретное большинство, не превысил свою власть»³⁰⁰. Таким образом, разделительный подход в отличие от консоциативного подхода не направлен на соучастие во властных структурах этнических групп и не ставит целью создать систему общности.

Разделительный подход в отличие от центристского подхода не преследует задачи ослабить этническую фрагментацию посредством интеграции групп. Разделительный подход есть новая версия мажоритарной демократии, при которой существует несколько центров принятия решений по большинству (и в этих центрах есть возможность «победы» разных этнических групп) и взаимосдерживания этих центров³⁰¹. То есть, по мнению сторонников разделительного подхода, создается институциональная система плюралистического (множество форм большинства) и конкурентного типа (сдержки и противовесы между любыми государственными органами и общественными организациями), и по сути речь идет о реализации принципов не только на уровне законодательной, исполнительной и судебной власти (что свойственно президентской системе), но и на уровне самих органов исполнительной власти, а также в институтах гражданского общества³⁰².

В связи с этим возникает сомнение в том, как на практике реализовать систему, предполагающую разделение власти и принцип сдержек и противовесов внутри разных государственных органов: скажем, каким образом министерство образования будет высту-

²⁹⁷ Sisk T.D. Power Sharing and International Mediation in Ethnic Conflicts. – Washington, DC: United States Institute of Peace Press, 1996. – P. 44.

²⁹⁸ Wolff S. Electoral-Systems Design and Power-Sharing Regimes. – P. 72.

²⁹⁹ Rothchild D., Roeder P. G. Dilemmas of State-Building in Divided Societies // Sustainable Peace: Power and Democracy after Civil Wars / ed. by P. G. Roeder and D. Rothchild. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 2005. – P. 1–25.

³⁰⁰ Rothchild D., Roeder P. G. Dilemmas of State-Building in Divided Societies // Sustainable Peace: Power and Democracy after Civil Wars / ed. by P. G. Roeder and D. Rothchild. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 2005. – P. 15–17.

³⁰¹ Зазнаев О.И. Этнический конфликт и форма правления: современные дискуссии. – С. 29.

³⁰² Там же.

Институты власти	Консоциативный подход	Центро-стремительный подход	Разделительный подход
Соучастие групп в отправлении законодательной власти	Да, гарантированное	Да, но без гарантий	Нет, за исключением переходной фазы после гражданской войны
Избирательная система (для парламента)	Пропорциональная (партийные списки или преференциальная)	Преференциально-мажоритарная	Мажоритарная
Судебная ветвь власти	Независимая и репрезентативная	Независимая	Независимая
Юридическое закрепление	Да	Да	Да

Фрагмент таблицы взят из: Wolff S. Managing Ethno-national Conflict: Towards an Analytical Framework // Commonwealth and Comparative Politics. – 2011. – Vol. 49. – №. 2. – P. 172–173.

По С. Вульффу ключевые вопросы создания формы правления в разделенном обществе касаются того, какова будет природа государственной власти, то есть будет выбрана президентская, парламентская или полупрезидентская система. Важным является вопрос о том, является ли распределение власти между разными этническими группами (*power sharing*) в органах законодательной и / или исполнительной власти обязательным, и какова включенность этих групп во власть. Включенность этнических групп во власть реализуется преимущественно посредством избирательной системы, выбор которой чрезвычайно важен для полиэтнического общества. Принципы соучастия групп во власти и их включение в процесс принятия решений могут также распространяться на судебную власть, прежде всего в отношении назначения судей и прокуроров. Конечной проблемой является система взаимоотношений между тремя ветвями государственной власти, то

пать сдержкой и противовесом в отношении, допустим, министерства рыбного хозяйства? Сдержки и противовесы возможны только в ситуации, когда существует частично совпадающая компетенция, что редко бывает у органов исполнительной власти. К тому же, не ясно, как авторы разделительного подхода планируют принимать решения по принципу большинства в структурах исполнительной власти, отличающихся единоначалием³⁰³.

С. Вольф систематизировал мнения сторонников трех подходов (см. табл. 1). Каждый подход касается трех областей – формы политико-территориального устройства, формы правления и сферы индивидуальных и групповых прав (их соотношения с точки зрения приоритета)³⁰⁴. Поскольку нас интересует форма правления, то упустим первую и третью области и воспроизведем лишь фрагмент таблицы С. Вольфа.

Таблица 1

Основные институциональные механизмы, рекомендованные различными теориями управления конфликтом

Институты власти	Консоциативный подход	Центро-стремительный подход	Разделительный подход
Система власти	Парламентская или президентская система с коллективным / чередующимся президентом	президентская	президентская
Соучастие групп в отправлении исполнительной власти	Да, гарантированное	Да, но без гарантий	Нет, за исключением переходной фазы после гражданской войны

³⁰³ Зазнаев О.И. Этнический конфликт и форма правления: современные дискуссии. – С. 29.

³⁰⁴ Wolff S. Managing Ethno-National Conflict: Towards an Analytical Framework. – P. 164.

есть степень разделения властей между ними, включая проблему независимости судебной власти³⁰⁵.

Институциональная организация власти в условиях разделенного общества видится сторонниками трех описанных выше подходов по-разному. Ключевой вопрос, касающийся проектирования формы правления в условиях разделенного общества, сводятся, прежде всего, к определению того, будет ли выбрана президентская, парламентская или полупрезидентская система. Как видим из *табл. 1*, сторонники консоциативного подхода предлагают выбирать парламентскую систему или президентскую систему с коллективным президентом или чередующимися президентами, а сторонники центростремительного и разделительного подхода «голосуют двумя руками» за президентскую систему. Из чего они исходят?

Автор теории консоциативной демократии А. Лейпхарт полагает, что парламентская система больше подходит для разделенного общества. По его мнению, президентализм не совместим с принципом соучастия групп во власти, поскольку «имеет прямое негативное воздействие на пропорциональность»: «тот факт, – пишет А. Лейпхарт, – что президентские выборы влекут за собой выборы одного человека, означает, что должны использоваться способы избрания президента абсолютным или относительным большинством голосов, и логично, что пропорциональная система исключена»³⁰⁶. Такая система не способствует принятию решений на коллегиальной основе и, следовательно, компромиссам³⁰⁷.

А. Лейпхарт отмечает, что президент представляет собой персону с единственной этнической идентичностью, а это, по его мнению, не дает возможности реализовать принципы обществен-

ности. При этом он подчеркивает, что «президентское правление и мажоритарную систему нельзя считать абсолютно несовместимыми с общественной демократией, но гораздо более предпочтительны для нее парламентское правление с коллегиальным органом во главе исполнительной власти и пропорциональная избирательная система»³⁰⁸. А. Лейпхарт допускает президентскую систему при условии создания в ней «большого» совета или комитета с широким объемом совещательных функций или большой коалиции с участием президента и высших должностных лиц³⁰⁹. Коллегиальное президентство в условиях президентских систем – тоже «выход» для представителей консоциативного подхода.

Напротив, Д. Горовиц ратует за президентскую систему с избираемым населением президентом³¹⁰, который может обеспечить участие групп во власти в отличие от парламентской системы, где одна расовая или этническая группа путем «захвата» большинства в парламенте полностью контролирует ситуацию. По мнению Д. Горовица, президентские выборы создают важную арену для группового примирения и согласия, зависящую во многом от применяемой избирательной формулы³¹¹. Так, в большинстве африканских стран демократия потерпела крах сразу вскоре после того, как одна политическая партия, базирующаяся на одной этнической группе, получала контроль над парламентом, обрекая другие партии оставаться в вечной оппозиции. После этого выборы заменялись насилием, которое применялось самой оппозицией или против нее. Поскольку меньшинство не могло получить даже небольшую долю власти, то оно организовывало военный переворот³¹². В президентской системе группа, исключенная из

³⁰⁸ Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. – С. 29.

³⁰⁹ Там же. – С. 60.

³¹⁰ Horowitz D. A Democratic South Africa? Constitutional Engineering in a Divided Society. – Berkeley, Los Angeles, Oxford: University of California Press, 1991. – P. 205.

³¹¹ Ibid.

³¹² Ibid.

³⁰⁵ Wolff S. Managing Ethno-National Conflict: Towards an Analytical Framework. – P. 165.

³⁰⁶ Lijphart A. The Southern European Examples of Democratization // Government and Opposition. – 1990. – Vol. 25. – № 1. – P. 75–76.

³⁰⁷ Ibid.

власти в парламенте, имеет возможность поиска путей доступа к президенту, причем в президентской системе президентом может быть избран не обязательно представитель большинства в парламенте, он может принадлежать и к этническому меньшинству³¹³. Таким образом, по мнению Д. Горовица, функция президента, который в разделенном обществе является заметной фигурой, стоящей над этническими группами, состоит в содействии включению групп во власть, поскольку без широкого согласия разных этнических групп президент не может быть избран³¹⁴.

Наконец, выбор президентской формы правления вытекает из разделительного подхода, в котором акцент сделан на принципе разделения власти между разными этническими группами и получением ими большинства в разных институтах власти. Такая система годится не для каждого разделенного общества. Если одна этническая группа доминирует численно в стране, то эта группа также будет доминировать во всех институтах власти, и принцип множественного большинства не поможет, а, напротив, будет способствовать узурпации власти со стороны одной этнической группы³¹⁵.

Итак, выбор формы правления в условиях полиэтнического общества определяется концептуальным подходом к решению проблемы «этничность и институты» и совокупностью исходных положений, которыми руководствуются политические «архитекторы». Разные взгляды на роль этнических групп во власти порождают и разные преференции относительно форм правления. Сторонники консоциативного подхода считают, что для полиэтнических обществ наиболее приемлема парламентская система, поскольку именно она создает механизмы коллегиального при-

нятия решений. В президентской системе таких коллегиальных механизмов нет, за исключением случаев, когда создается коллегиальное президентство. Сторонники центростремительного подхода «поют дифирамбы» президентской системе, отмечая в качестве положительной черты стремление президента выступить в качестве института, обеспечивающее групповое согласие и примирение. И, наконец, адвокаты разделительного подхода также «славят» президентскую систему, поскольку она способствует разделению и взаимосдерживанию власти.

Поскольку каждый из трех описанных нами подходов неидеальный и обладает недостатками, то также неидеальным является выбор форм правления в соответствии с концептуальными рамками этих подходов.

³¹³ Зазнаев О.И. Этнический конфликт и форма правления: современные дискуссии. – С. 31.

³¹⁴ Horowitz D. A Democratic South Africa? Constitutional Engineering in a Divided Society. – P. 205–206.

³¹⁵ Зазнаев О.И. Этнический конфликт и форма правления: современные дискуссии. – С. 31.

Глава 6

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОВЕРКА ГИПОТЕЗ О ВЛИЯНИИ ФОРМ ПРАВЛЕНИЯ НА ЭТНИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ

Сегодня в научной литературе идет спор о том, какая форма правления (президентская или парламентская) способствуют урегулированию этнических конфликтов³¹⁶. Одни авторы утверждают, что президентские системы имеют достоинства в этнически разделенных обществах и превосходят парламентские по возможностям минимизации конфликтов³¹⁷. Напротив, другие политологи настаивают на том, что риски конфликтов создает именно президентская система, поскольку она базируется на принципе «победитель получает все»³¹⁸. При этом парламентская форма правления, по мнению этих авторов, наиболее годится для этнически разделенных обществ³¹⁹.

³¹⁶ См. об этом подробнее: Зазнаев О.И. Этнический конфликт и форма правления: современные дискуссии; Зазнаев О.И. Этнические аспекты форм государственного правления.

³¹⁷ Saideman S. M., Lanoue D. J., Campenni M., Stanton S. Democratization, Political Institutions, and Ethnic Conflict: A Pooled Time-Series Analysis, 1985-1998 // Comparative Political Studies. – 2002. – Vol. 35. – № 1. – P. 110–111.

³¹⁸ Theuerkauf U.G. Presidentialism and the Risk of Ethnic Violence // Ethnopolitics. – 2013. – Vol. 12. – № 1. – P. 72

³¹⁹ Lijphart A. Constitutional Choices for New Democracies // Journal of Democracy. – 1991. – Vol. 2. – № 1. – P. 72–84; Linz J.J. The Perils of Presidentialism. – P. 51–60.

В ходе анализа и обобщения доводы разных авторов³²⁰, нами был сделан вывод о большей убедительности позиции тех, кто утверждает, что этнические конфликты менее вероятны в президентских системах и более вероятны в парламентских системах. Мы можем привести теоретические аргументы в пользу тезиса о том, что именно президентская система ведет к уменьшению конфликтов. К преимуществам президентской системы в условиях разделенного общества можно отнести следующие черты.

Во-первых, *сильный президент*³²¹ может принять непопулярные решения, направленные на ослабление этнических конфликтов, преодолеть потенциальные политические конфронтации между представителями разных этнических групп. Так, в 1978 году Шри-Ланка перешла к президентской системе в сочетании с методом альтернативного голосования. В результате удалось преградить экстремистам доступ к власти, содействовать умеренным тенденциям и способствовать достижению компромисса в расколотом обществе³²². Напротив, парламентская система со слабым президентом во время Первой республики в Нигерии стала решающим фактором для начала гражданской войны за Биафры (1967–1970 гг.). Поэтому нигерийцы в 1978 году приняли конституцию с избираемым на прямых выборах президентом, «правильно поняв, что гражданская война за Биафры была вызвана тем, что у одной этнической группы был контроль над парламентом, тем самым были совершенно исключены другие группы из власти»³²³.

³²⁰ Зазнаев О.И., Сидоров В.В. Президентская или парламентская система: что препятствует этническому конфликту? // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 290–308.

³²¹ Об усилении президентской власти и других тенденциях развития института президентства см.: Зазнаев О.И. Институт президентства в условиях политической турбулентности: общемировые тенденции // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2020. – № 2 (43). – С. 19–25.

³²² Horowitz D. L. Comparing Democratic Systems // Journal of Democracy. – 1990. – Vol. 1. – № 4. – P. 77.

³²³ Horowitz D. A Democratic South Africa? Constitutional Engineering in a Divided Society. – P. 210.

Во-вторых, президент, который избирается отдельно от парламента, обладает *эффектом смягчения конфликтов*³²⁴. Не менее значимо то, что сильный президент, который избирается всей нацией от страны, которая представляет собой единый округ, может служить символом национального единства³²⁵. Независимый и избранный на прямых выборах президент позволяет этническим группам получить доступ к исполнительной власти, даже если они не имеют большинства в парламенте³²⁶ и, следовательно, уменьшаются «ставки» по контролю (со стороны этнических групп) за любым институтом или должностью³²⁷. Это возможно, поскольку «президент, понимая необходимость достижения согласия в обществе, может назначить на правительственные и министерские должности представителей разных этнических групп»³²⁸. Конечно, многое зависит от личности президента и его лидерских качеств, но президентская система создает условия для появления таких политиков, делающих упор не на «своей» этничности, а на общенациональных интересах примирения и единения³²⁹.

При этом надо сделать важное замечание. Этническая идентичность политического лидера имеет значение только тогда, когда лидер позиционирует себя как представитель этнической группы и, как верно отмечено в литературе, создает «этническую

³²⁴ Horowitz D. A Democratic South Africa? Constitutional Engineering in a Divided Society. – P. 206.

³²⁵ Suberu R. T., Diamond L. Institutional Design, Ethnic Conflict Management, and Democracy in Nigeria // The Architecture of Democracy: Constitutional Design, Conflict Management, and Democracy / ed. by A. Reynolds. – Oxford: Oxford University Press, 2002.

³²⁶ Horowitz D. A Democratic South Africa? Constitutional Engineering in a Divided Society. – P. 206.

³²⁷ Sisk T.D. Power Sharing and International Mediation in Ethnic Conflicts. – P. 54

³²⁸ Зазнаев О.И., Сидоров В.В. Президентская или парламентская система: что препятствует этническому конфликту? – С. 293.

³²⁹ Зазнаев О.И. Этнический конфликт и форма правления: современные дискуссии. – С. 32.

солидарность»³³⁰ с последователями, которые «идут» за лидером, поскольку он действует в их интересах. Если лидер «не выпячивает» свою этническую идентичность и не претендует на этническое лидерство, то его принадлежность к этнической группе не имеет политического значения, как это имеет место в ряде постсоветских стран, включая Россию.

Т. Сиск справедливо отмечает, что «президенты в Африке временами выступали как социальные объединители, а не разъединители... и это объединительное следствие их деятельности может быть связано с тем, что идентичность – это конструируемое явление, не фиксированное или примордиалистское, и что президенты успешно мобилизовывали и управляли обществом, не считаясь с этническими различиями, и затем, в свою очередь, строили более широкие, всеобъемлющие идентичности или приходили к такой политике и таким результатам государственного строительства, которые ограничивали потенциал насилия»³³¹.

В-третьих, в президентской системе происходит *разделение законодательной и исполнительной власти*, что позволяет политическим партиям в конгрессе выбирать, поддерживать или им политику президента или оппонировать ей. Этот принцип дополняется *системой сдержек и противовесов*, которые предназначены для того, чтобы предотвратить возможность возникновения ситуации, при которой «победитель получает все»³³². Для президентской системы свойственное разделенное правление, при котором партийные (и этнические) принадлежности главы государства и конгресса не совпадают. В ситуации же, когда одна и та же сторона доминирует в обеих ветвях власти, у оппозиции и этнических меньшинств существуют возможности для оппони-

³³⁰ Kaufman S.J. Ethnicity as a Generator of Conflict. – P. 92.

³³¹ Sisk T.D. Presidentialism, Ethnic Violence and the Risk of Overgeneralization // Ethnopolitics. – 2013. – № 1. – P. 87.

³³² Зазнаев О.И., Сидоров В.В. Президентская или парламентская система: что препятствует этническому конфликту? – С. 293.

рования президентской линии³³³. Партия или коалиция партий, представляющие этнические группы, могут вполне контролировать голосование по ключевым вопросам и менять настроения в конгрессе. Тем самым устраняется почва для конфликтов³³⁴. Этнические группы в условиях президентской системы чувствуют себя в большей безопасности, потому что в такой системе у них больше мест для блокирования неблагоприятных действий³³⁵.

Этнические группы «склонны к насильственным действиям, когда они не могут заблокировать политику, которая может нанести им ущерб»³³⁶. Поэтому парламентская система угрожает меньшинствам, так как они оказывают недопредставленными во власти, что воспринимается ими как опасная ситуация тогда, когда правящая партия, представляющая интересы доминирующей группы, контролирует всю повестку дня и самостоятельно принимает политические решения.

Недостатком парламентской системы является то, что здесь выживание исполнительной власти зависит от доверия ассамблеи, а, значит, исполнительная власть не способна эффективно противостоять парламенту. С другой стороны, опасаясь последствий вотума недоверия, законодатели могут поддерживать инициативы правительства, исходя не из их достоинств, а по соображениям выживания правительства и парламента. Если же парламент «давит» на правительство, то это становится источником правительственных кризисов. Таким образом, в условиях парламентской системы невысока эффективность взаимного сдерживания парламента и правительства³³⁷.

³³³ Зазнаев О.И. Этнический конфликт и форма правления: современные дискуссии. – С. 33.

³³⁴ Shugart M. S., Carey J. M. Presidents and Assemblies. Constitutional Design and Electoral Dynamics.

³³⁵ Saideman S. M. et al. Democratization, Political Institutions, and Ethnic Conflict: A Pooled Time-Series Analysis, 1985-1998. – P. 110–111.

³³⁶ Ibid.

³³⁷ Linz J. The Perils of Presidentialism. – P. 48.

Эти выводы говорят о том, что аргументы сторонников парламентской системы о ее первенстве в разделенных обществах и о недостатках президентской системы «преувеличены»³³⁸.

Кроме того, в сочетании с избирательной системой, обеспечивающей широкую базу для избрания президента, президентские системы поощряют предвыборные межэтнические коалиции³³⁹, и таким образом, способствуют внедрению переговорных правил и включению групп во власть³⁴⁰.

Всегда ли положительные свойства президентской системы снижают интенсивность этнического конфликта? Не обязательно. Дело в том, что не все президентские системы основаны на четком разделении властей. Функция президента как символа национального единства зависит от его искусности управления страной. Президентские системы не обязательно являются самыми эффективными среди форм правления, и, как хорошо показал Д. Горовиц, на самом деле политически даже более нестабильны, чем парламентские системы. Если не используется избирательная система, создающая на выборах президента широкую поддержку, то нет гарантий, что обязательно будут созданы предвыборные межэтнические коалиции, и даже если такие коалиции будут созданы, они могут быть кратковременными³⁴¹.

Риски президентской системы связаны также с тем, что неизбежная нулевая сумма, характерная для президентских выборов, усугубляет этнорегиональные тревоги и межэтническую напряженность³⁴². В то время как парламентские системы имеют коллегиальные кабинеты и делают коалиционное строительство

³³⁸ Saideman S. M. et al. Democratization, Political Institutions, and Ethnic Conflict: A Pooled Time-Series Analysis, 1985–1998. – P. 122.

³³⁹ Sisk T.D. Power Sharing and International Mediation in Ethnic Conflicts. – P. 54.

³⁴⁰ Horowitz D. A Democratic South Africa? Constitutional Engineering in a Divided Society. – P.205.

³⁴¹ Suberu R. T., Diamond L. Institutional Design, Ethnic Conflict Management, and Democracy in Nigeria.

³⁴² Ibid.

более вероятными, президентские системы полагаются на одного человека – главу исполнительной власти и делают политические выигрыши и потери абсолютными. Жестко фиксированные сроки нахождения президента у власти, верно отмечает Х. Линц, не позволяют сместить главу государства и его правительство по политическим соображениям, например, в случаях глубокого разочарования в деятельности кабинета, неправильной или неэффективной этнической политики и пр.³⁴³ Выборы по принципу «победитель получает все» слишком высоко поднимают ставки при выборе президента, что неизбежно ведет к обострению отношений в обществе и его дальнейшей поляризации³⁴⁴.

Одна из проблем, связанных с президенциализмом, – это то, что эта система сокращает шансы **политического представительства**³⁴⁵, особенно для этнических меньшинств³⁴⁶, хотя оно необходимо «как воздух для живого существа»³⁴⁷. Политическое представительство важно для этнических групп, и непредставленность во власти порождает обиды, в связи с чем возникают конфликты на этнической почве и возрастает риск этнического насилия. Прежде всего, к политическим институтам, воздействующим на представительство этнических групп, относится избирательная система, порядок формирования парламента и особенно верхней палаты парламента. Вместе с тем, форма правления, на наш взгляд, явля-

³⁴³ Linz J.J. The Perils of Presidentialism. – P. 64.

³⁴⁴ Ibid. – P. 56.

³⁴⁵ См. подробнее о политическом представительстве и политическом участии этнических групп: Закиров А.Р., Фазулов А.Р. Политическое участие этнических групп // Этнические аспекты политических институтов и процессов: монография / под ред. О.И. Зазнаева, М.Х. Фарукшина. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. – С. 195–223.

³⁴⁶ Theuerkauf U. G. Institutional Design and Ethnic Violence: Do Grievances Help to Explain Ethnopolitical Instability? // Civil Wars. – 2010. – Vol. 12. – № 1-2. – P. 117–139.

³⁴⁷ Фарукшин М.Х. Этнополитология: учебник для студентов и аспирантов факультетов и отделений политологии университетов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. – 280 с.

ется одним из факторов этнического представительства. Разные формы правления создают разные возможности для политического представительства.

Президентские системы сокращают шансы политического представительства, особенно для этнических меньшинств³⁴⁸; парламентские системы расширяют представительство этнических групп во власти. Ряд принципов, заложенных в президентской системе, ведет к потере голоса этнических групп в процессе принятия политических решений.

Во-первых, президентская система работает по принципу **«победитель получает все»**: поскольку оспаривается всего одно место, то оно достается единственному победителю. Кроме того, избранный президент самостоятельно формирует правительство, а, значит, ему достается и кабинет, который он и только он контролирует весь срок своих полномочий. Поскольку только один человек становится президентом, «игра с нулевой суммой»³⁴⁹ среди президентских кандидатов неизбежна. У проигравших нет надежд на получение некоторой доли власти. В такой системе шансы на представительство проигравших этнических групп на высшем уровне власти снижаются. В парламентской системе ставки не так высоки, поскольку должность президента символична, и этнические группы могут обеспечить себе представительство в парламенте – центре принятия решений. Парламентская система – это система распределения власти, и она исключает «концентрацию власти только у одного человека, как в случае с американским президентом, чье правительство является только его частным кабинетом»³⁵⁰. Совместное отправление власти в парламентской системе позволяет различным этническим группам получать доступ к законодательной и исполнительной власти.

³⁴⁸ Theuerkauf U.G. Institutional Design and Ethnic Violence: Do Grievances Help to Explain Ethnopolitical Instability? – P. 117–139.

³⁴⁹ Linz J. The Perils of Presidentialism. – P. 55–56.

³⁵⁰ Sartori G. Comparative Constitutional Engineering: An Inquiry into Structures, Incentives and Outcomes. – P. 102–103.

Во-вторых, *неколлегальный характер исполнительной власти* в президентских системах (президент действует по своей инициативе, и кабинет полностью подотчетен президенту) приводит к тому, что один ключевой человек принимает политические решения. Если представители этнических групп представлены в исполнительных органах, то они не могут выступать против президента из-за подчинения исполнительной власти президенту. В парламентской системе исполнительная власть (кабинет) является коллегиальной, давая этническим группам возможность влиять на власть. В то время как парламентские системы обладают коллегиальными кабинетами и делают коалиционное строительство более вероятными, президентские системы полагаются на единоличную исполнительную власть, что ведет к политическим потерям. Эти проигравшие могут быть этническими группами, которые не имеют доступа к исполнительной власти.

«Парламентские режимы чаще ведут к возникновению коллегиальных коалиций (*collegial coalitions*), особенно если в них применяется пропорциональная избирательная система, – пишет Дж. Макгэрри. – Парламентские режимы по всей Европе, в том числе в Испании, Румынии и Словакии, сформировали коалиции, состоящие из политических партий, представляющих разные этнические общины. Такой тип коалиции, в котором избранные представители разных общин имеют разную долю исполнительной (и законодательной) власти, не возникает в обычных президентских режимах, где кабинеты несут ответственность перед президентом, а не перед электоратом. Проблемы, вызванные неколлегиальным характером такого президентизма, видны во всем мире, от Кот-д’Ивуара, Египта, Кении, Киргизии и Шри-Ланки до Зимбабве, если упомянуть только недавние случаи»³⁵¹.

В-третьих, *жесткость президентской системы*, основанная на жестком разделении власти, оставляет меньше возможностей для консенсуса, компромисса и создания коалиций. Речь идет о

³⁵¹ McGarry J. Is Presidentialism Necessarily Noncollegial? // *Ethnopolitics*. – 2013. – Vol. 12. – No. 1. – P. 93.

временной жесткости нахождения президента у власти и невозможности его смещения до истечения конституционного срока полномочий³⁵². «Опасность того, – отмечает Х. Линц, – что президентские выборы превратятся в игру с нулевой суммой, усугубляется жесткостью срока полномочий президента в должности. Победители и проигравшие четко определены на весь период президентского мандата»³⁵³. Президентские выборы могут привести к поляризации общества, которая неблагоприятна для этнического представительства. Парламентская система обеспечивает гибкость политического процесса, что сказывается на политическом представительстве этнических групп.

Следует подчеркнуть, что парламентская система не создает автоматически благоприятных условий для этнического представительства. Многое зависит от контекстуальных условий, в частности, от глубины этнических расколов в обществе³⁵⁴. Так, например, в Северной Ирландии существовал парламентский режим с 1922 по 1971 гг. На протяжении 50 лет единственной правящей партией была Ольстерская юнионистская партия, которая не вступала в коалиции с католиками. Другой пример: парламентский режим Израиля хоть и создавал парламентские коалиции регулярно, тем не менее в эти коалиции никогда не входили палестинские арабы.

Тезис о том, что этнические конфликты возникают в парламентских, а не президентских системах не следует понимать абсолютно. Не нужно преувеличивать значимость формы правления в предотвращении, урегулировании и решении этнических конфликтов. Президентизм не может быть универсальным способом разрешения присущих полиэтническим государствам проблем, сам по себе не гарантирует устранение этнических конфликтов.

³⁵² Зазнаев О.И. Этнический конфликт и форма правления: современные дискуссии. – С. 34.

³⁵³ Linz J. The Perils of Presidentialism. – P. 56.

³⁵⁴ McGarry J. Is Presidentialism Necessarily Noncollegial? – P. 93.

Обеспечение этнического мира достигается, прежде всего, за счет других формальных институтов – *избирательной системы и формы государственно-территориального устройства*³⁵⁵. В литературе даже ранжировали политические институты с точки зрения значимости для преодоления этнических конфликтов. Наиболее значимой считается избирательная система, далее следует форма политико-территориального устройства (федерализм и автономия способствуют смягчению конфликтов) и, наконец, «... формы правления отстают и оказываются на третьем месте, поскольку, несмотря на некоторые важные предположения о влиянии парламентаризма, президентализма и полупрезидентализма на перспективы этнополитической (не)стабильности – они редко рассматриваются как ключевой фактор в конституционной структуре этнически разнообразных обществ»³⁵⁶.

Кроме того, надо учитывать большую роль *неинституциональных факторов* в снижении этнической конфликтности. Скажем, уровень экономического развития страны, история войн и конфликтов, степень демократизации могут ослабить этнические конфликты. К условиям смягчения конфликтов относят так называемый «этнический ландшафт» – «размер» этнических групп и их количество. Многие ученые утверждают, что крайне дробное общество менее склонно к конфликту, поскольку коллективные действия многочисленных групп легче «растворять» и преодолевать. Напротив, если одна этническая группа численно доминирует или два крупных этнических лагеря противостоят друг другу, то эффект «победитель получает все» гораздо вероятнее скажется на конфликте. Влияние институтов сильно зависит от структуры этничности.

Другим важным аспектом является то, каким образом «накладываются» друг на друга, с одной стороны, этнические различия,

а, с другой стороны, социально-экономические и политические расколы. То есть если те или иные этнические группы находятся в ситуации депривации и бедности, то риск конфликтов между ними и другими группами возрастает, поскольку их недовольство распространяется не только на этническую, но и на социальную сферу³⁵⁷. Если же эти группы исключены из власти, то вероятность конфликта еще более возрастает. Поэтому в таких условиях значимость формы правления как фактора, снижающего конфликтность, сводится к минимуму. В странах с высокими доходами президентские выборы теряют свою природу – игру с нулевой суммой, поскольку проигравшие получают доступ к альтернативным источникам дохода. Есть еще много возможных детерминант этнических конфликтов (например, доступность оружия, пересеченная местность, природные ресурсы, международные факторы), и, кроме того, мы также должны учитывать характеристики личности самих лидеров³⁵⁸. Поэтому справедливо замечание Д. Горовица о том, что при изучении этнического конфликта «два аналитика идут к этому постижению разными путями... успешный маршрут для понимания этого феномена лежит в разумной комбинации тщательного кросс-национального сравнения, с одной стороны, и погружением в замысловатости (сложности) парадигмальных случаев, с другой стороны»³⁵⁹.

Т. Сиск добавляет «ложку дегтя» в бочку меда, подчеркивая, что конфликты развиваются в сложном контексте, и мы допускаем неоправданное обобщение, когда пытаемся связать между собой президентскую систему и этническое насилие³⁶⁰. Он ставит под сомнение существование причинной связи между структурой исполнительной власти и риском группового насилия и отмечает,

³⁵⁷ Зазнаев О.И. Этнический конфликт и форма правления: современные дискуссии. – С. 35.

³⁵⁸ Basedau M. A Context-Sensitive Approach to the Study of Presidentialism and Ethnic Violence // *Ethnopolitics*. – 2013. – № 1. – P. 91–92.

³⁵⁹ Horowitz D. L. *Ethnic Groups in Conflict*. – P. xiii.

³⁶⁰ Sisk T.D. *Presidentialism, Ethnic Violence and the Risk of Overgeneralization*. – P. 86.

что анализ институциональных стимулов не является достаточным объяснением природы конфликтности. Поэтому необходимо более тщательно выяснять условия, при которых президентализм повышает риск конфликтов, и условия, при которых он может фактически смягчать конфликты³⁶¹.

В данной главе речь шла о двух разновидностях форм правления – президентской и парламентской. Однако в последние десятилетия в мире наблюдается рост числа так называемых **полупрезидентских систем**³⁶². Распространяются ли преимущества и недостатки президентской системы в условиях полиэтничного общества на полупрезидентскую систему? Этот вопрос практически не поднимается в литературе.

Ряд черт полупрезидентской системы идентичны президентской, и поэтому эффекты полупрезидентализма на этничность одинаковы. Скажем, президент в полупрезидентской системе является сильной фигурой, избираемой на всеобщих выборах, а, значит, такой президент в состоянии преодолеть этнические конфликты. Наличие сдержек и противовесов полупрезидентской системы является фактором снижения этнического недовольства и стимулом для переговоров между разными этническими группами, что переводит конфликты в институциональное русло³⁶³.

Однако полупрезидентская система имеет две черты, которые существенно отличают ее от президентской, – дуализм исполнительной власти (президент и премьер-министр) и ответственность правительства перед парламентом.

Как эти черты сказываются на этнических конфликтах?

Последняя черта может привести к сосуществованию (разные партийные ориентации президента и правительства, поддержи-

ваемого большинством парламента). Сосуществование является альтернативой принципу президентской системы «победитель получает всё», поскольку власть распределяется между главой государства, правительством и законодательным органом. В литературе отмечается, что «институты полупрезидентализма могут быть использованы для облегчения распределения власти между лидерами разных этнических сообществ»³⁶⁴. Переход к полупрезидентской системе был осуществлен в Кении в 2008 году и Зимбабве в 2009 году, однако этот опыт был неуспешным в силу фальсификаций на выборах. Вместе с тем, «этот отрицательный результат не умаляет существенных достоинств обмена должностями между лидерами разных сообществ в разделенном государстве»³⁶⁵.

Следует оговориться, что сосуществование «работает» только тогда, когда выборы проходят на соревновательной основе, не дающей преимуществ каким-то этническим группам. Если же имеют место электоральные манипуляции, то одна этническая группа «захватывает» должность президента и большинство мест в парламенте, а такой мажоритаризм в итоге ведет к созданию режима этнического доминирования³⁶⁶.

Институциональные черты формы правления могут способствовать **доминированию одной этнической группы**, что может в итоге вылиться в создание режима этнической демократии или «авторитарного режима этнического доминирования»³⁶⁷. Так, после получения независимости Нигерия избрала для себя парламентскую систему. Кучка этнических групп Севера обеспечила себе большинство мест в парламенте и закрыла доступ к власти для всех иных групп, что привело в итоге к серьезным конфликтам

³⁶¹ Sisk T.D. Presidentialism, Ethnic Violence and the Risk of Overgeneralization. – P. 88.

³⁶² Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты.

³⁶³ Зазнаев О.И. Этнический конфликт и форма правления: современные дискуссии. – С. 36.

³⁶⁴ McGarry J. Is Presidentialism Necessarily Noncollegial? – P. 95.

³⁶⁵ Ibid.

³⁶⁶ Зазнаев О.И. Этнический конфликт и форма правления: современные дискуссии. – С. 36.

³⁶⁷ Этот термин использует Д. Горовиц; Горовиц Д.Л. Распределение власти в полиэтничных обществах: три большие проблемы. – С. 222.

и военным переворотам³⁶⁸. Для смягчения ситуации страна перешла к президентской системе, обеспечившей разделение власти.

Однако, на наш взгляд, не сама по себе форма правления ведет к этническому доминированию, а мажоритарная черта может стать предпосылкой для такой системы. При этом и президентская, и парламентская системы обладают такой чертой. *Мажоритаризм* любой системы может создать условия для господства одной этнической группы.

В парламентской системе одна партия, опирающаяся на одну этническую группу, может получить абсолютное большинство мест в парламенте, сформировать кабинет и полностью контролировать повестку дня. При этом все иные группы будут отстранены от принятия решений. Тем самым торжество большинства становится предпосылкой для этнократии.

Что касается президентской системы, то несмотря на разделение властей, здесь возможна ситуация, когда одна группа имеет пост президента и большинство в конгрессе, тем самым возникают условия для доминирования во власти одной этнической группы. Ситуация разделенного правления (президент и большинство в конгрессе принадлежат к разным группам) блокирует появление этнократии. Кроме того, система сдержек и противовесов президентциализма является некоторой гарантией против этнического доминирования.

Наконец, необходимо сказать о **влиянии формы правления на проводимую государственную политику** по отношению к этническим группам. В условиях парламентской системы такая политика является более мягкой и склонной к компромиссам по сравнению с президентской системой, в рамках которой формируется и реализуется более жесткая и склонная к принятию непопулярных и решительных мер государственная политика. Парламентские системы применяют более сбалансированную этническую политику с учетом интересов разных этнических групп.

³⁶⁸ Horowitz D. L. Comparing Democratic Systems. – P. 73–79.

Президентские системы проводят менее сбалансированную и менее эффективную этническую политику.

Парламентская система предлагает более *гибкий процесс* принятия решений³⁶⁹. Риск несбалансированной этнической политики выше у президентской системы по сравнению с парламентской системой. Дело в том, что ограниченные временные рамки при желании осуществить свою программу приводят к выдвиганию президентом непродуманных политических инициатив, принятию явно поспешных шагов по осуществлению своей программы, что вызывает неоправданно гневную реакцию на действия президента со стороны этнических групп. «Отчаянно стремясь «отстроить свой *Brasilia*», или осуществить свою программу национализации, или провести земельную реформу до истечения возможного срока своих полномочий, президент склонен к неразумной трате денежных средств и рискованным действиям, вызывающим поляризацию сил в стране, – и все это лишь для того, чтобы добиться поставленной цели, – пишет Х. Линц. – Премьер-министр, надеющийся вместе со своей партией или правящей коалицией победить на следующих выборах, вряд ли будет действовать, очертя голову»³⁷⁰. Это применимо и к этнической политике президента, которая может носить поспешный и непродуманный характер.

Парламентаризм предлагает несколько лучшие инструменты для сбалансированной и эффективной этнической политики, потому что он «объединяет многообразие взглядов, обеспечивая при этом дополнительные стимулы для достижения согласия участников»³⁷¹. В рамках парламентаризма «дебаты происходят в высоко институционализированной форме – внутри партий, внутри комитетов, в группах лидеров, между партиями, в кабинете министров и между министрами на уровне кабинета

³⁶⁹ Более подробно об этом см.: Зазнаев О.И. Этнические аспекты форм государственного правления. – С. 143–144.

³⁷⁰ Linz J.J. The Perils of Presidentialism. – P. 66.

³⁷¹ Gerring J., Thacker S. C., Moreno C. Are Parliamentary System Better? // Comparative Political Studies. – 2009. – Vol. 42. – № 3. – P. 354.

министров и между высокопоставленными чиновниками государственной службы. Напротив, в президентских системах большинство составляющих политической системы имеет большую независимость, а те, кто независимость не имеет, например, кабинет, обладают небольшой властью. Ключевые игроки обладают способностью, а зачастую и стимулом, сказать «нет» кому-либо или настаивать на некоторых действиях кого-либо в обмен на поддержку»³⁷². То есть государственные органы могут отказывать этническим группам в удовлетворении их требований либо вести с ними торг, что делает политику в отношении этнических групп в президентской системе, менее сбалансированной и зачастую менее эффективной по сравнению с парламентской системой, при которой у этнических групп есть возможность влиять на выработку и корректировку государственной политики.

Итак, сегодня в политологии доминирует мнение о том, что для этнически разнородных обществ лучше подходит парламентская, а не президентская система³⁷³. Однако, на наш взгляд, влияние формы правления на этнические стороны социума является *разноплановым и неоднозначным*. Так, мы установили, что президентская система снижает риск этнических конфликтов, но при этом сокращает возможности для представительства этнических групп. Напротив, парламентская система создает больше возможностей для этнического представительства, но при такой форме правления возрастают риски этнических конфликтов³⁷⁴. При этом к системе этнической демократии и этнократии могут привести как президентская, так и парламентская система.

³⁷² Gerring J., Thacker S. C., Moreno C. Are Parliamentary System Better? // *Comparative Political Studies*. – 2009. – Vol. 42. – № 3. – P. 354.

³⁷³ См., например: Stepan A., Skach C. *Constitutional Frameworks and Democratic Consolidation: Parliamentarism versus Presidentialism*. – P. 257–275; Lijphart A. *Thinking about Democracy: Power Sharing and Majority Rule in Theory and Practice*. – NY: Routledge, 2008; Theuerkauf U.G. *Presidentialism and the Risk of Ethnic Violence*.

³⁷⁴ Зазнаев О.И. Этнический конфликт и форма правления: современные дискуссии. – С. 37.

В связи с этим осложняется задача определения того, какая форма правления идеальна для многонационального общества. Наше исследование показало, что у президентской системы есть свои преимущества в условиях полиэтничного общества, но очевидны и некоторые ее недостатки. Парламентская система также имеет свои плюсы и минусы. Кажущаяся некоторым авторам совершенной полупрезидентская система в полиэтничном обществе не всегда себя оправдывает. Кроме того, абстрактный разговор о позитивном и негативном влиянии той или иной формы правления на этнические аспекты социума не имеет большого смысла, поскольку плюсы и минусы конкретных форм правления могут «усилиться» под воздействием традиций, норм и практик, сложившихся в разных странах, а также роли политических лидеров.

Если использовать образное сравнение, то можно сказать, что у этнических проблем общества (этнических конфликтов, слабого этнического представительства, этнократии, несбалансированной этнической политики и др.) много «родителей» (исторические, социальные и культурные факторы), но к ним маловероятно отнести форму правления, которая, скорее всего, их «дальний родственник». Взаимосвязь между этничностью и формой правления является сложной и не ярко выраженной в условиях сильного воздействия иных, более значимых причин и факторов.

Глава 7

ЭМПИРИЧЕСКАЯ ПРОВЕРКА ГИПОТЕЗ О ВЛИЯНИИ ФОРМ ПРАВЛЕНИЯ НА ЭТНИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ

В зарубежной науке был проведен ряд **эмпирических исследований** для установления связи между формой правления и этническими конфликтами³⁷⁵. По результатам исследования С. Сайдемана и его коллег³⁷⁶ стало понятно, что форма правления является важной объясняющей переменной, но, например, избирательная система оказывает более сильное влияние на степень вероятности возникновения этнических конфликтов. Основой для анализа стала база данных по этническим группам «Меньшинства в ситуации риска» за 1985–1998 гг. Статистическому анализу подверглись 275 этнических групп в 116 странах. Многофакторный характер причин возникновения этнических конфликтов

³⁷⁵ Подробнее об этом см.: Зазнаев О.И., Сидоров В.В. Этнические конфликты и формы правления: критический обзор теоретических и эмпирических исследований // Евразия и глобальные социально-экономические изменения: VII Международный конгресс социологов тюркского мира: сборник научных трудов (Казань, 12–13 марта 2020 г.) = Eurasia and the global socio-economic change: VII International congress of Turkish world sociologists: collection of scientific papers (Kazan, March 12–13, 2020). – Казань: Издательство Казанского университета, 2020. – С. 65–70.

³⁷⁶ Saideman S., Lanoue D., Campenni M., Stanton S. Democratization, Political Institutions, and Ethnic Conflict: A Pooled Time-Series Analysis, 1985–1998. – P. 103–129.

сильно затрудняет точный анализ взаимосвязей между ними и институциональным устройством государства³⁷⁷. С. Сайдеман *не обнаружил существенной взаимосвязи* между президентализмом и этническим конфликтом: «парламентские системы явно не превосходят президентские по управлению этническими раздорами». Требуется больше работы – теоретической и эмпирической, чтобы определить, должны ли ученые рекомендовать политикам президентализм, парламентаризм или их комбинацию (если вообще это имеет значение)³⁷⁸.

Д. Бранкати проанализировал 30 демократий с 1985 по 2000 год с помощью базы данных «Меньшинства в ситуации риска»³⁷⁹. По результатам исследования им был сделан вывод о том, что *президентская система уменьшает вероятность этнических конфликтов* кроме конфликтов, связанных с сецессией.

Г. Шнайдер и Н. Вайзхомайер изучали гражданские войны с 1950 по 2000 год. В их фокусе внимания оказалось влияние институционального устройства государств на межэтническое согласие в обществах, разделенных по этническим линиям³⁸⁰. Исследование основывалась на эмпирических данных по вооруженным конфликтам, собранных специалистами Университета Уппсалы³⁸¹. Вывод исследования таков: *президентская система чаще ведет к гражданским войнам*, но эта причинно-следственная связь ниве-

³⁷⁷ Saideman S., Lanoue D., Campenni M., Stanton S. Democratization, Political Institutions, and Ethnic Conflict: A Pooled Time-Series Analysis, 1985–1998. – P. 103–129.

³⁷⁸ Ibid. – P. 124.

³⁷⁹ Brancati D. Decentralization: Fueling the Fire or Dampening the Flames of Ethnic Conflict and Secessionism? // International Organization. – 2006. – Vol. 60. – № 3. – P. 651–685.

³⁸⁰ Schneider G., Wiesehomeier N. Rules that Matter Political Institutions and the Diversity–Conflict Nexus // Journal of Peace Research. – 2008. – Vol. 45, № 2. – P. 183–203.

³⁸¹ The Minorities at Risk (MAR) Project. URL: <http://www.mar.umd.edu/> (дата обращения 28.11.2021).

лируется введением в анализ таких переменных, как этническое доминирование и степень этнических расколов.

У. Тойеркауф также исследовала влияние институтов государства на возникновение гражданских войн³⁸². Хронологические рамки исследования – 1955–2007 гг. У. Тойеркауф опиралась на базу данных «Целевой группы по политической нестабильности» Университета Джорджа Мейсона³⁸³. Она также пришла к выводу, что сочетание многих институциональных факторов (формальных и неформальных) может объяснить усиление этнического насилия. Такими факторами являются высокий уровень коррупции, президентская форма правления, мажоритарная избирательная система и унитарная форма государственного устройства.

У. Тойеркауф отмечает, что ключевым принципом президентизма является «игра с нулевой суммой», что исключает этнические группы из процесса распределения власти³⁸⁴. Полномочия президента определены жесткими фиксированными сроками, характер принятия решений является неколлегиальным, а коалиции не создаются. Здесь «победитель получает все». У. Тойеркауф утверждает, что если абстрагироваться от иных факторов, то президентская система действительно теоретически является более «конфликтогенной». Однако, по мнению автора, это следует считать лишь теоретическим упрощением³⁸⁵. Очевидно, что проблемы, возникающие при измерении переменных и «анализ большего числа случаев N просто не в состоянии должным образом учесть значимость различия между странами и сложность контекстов»³⁸⁶, – отмечает У. Тойеркауф.

³⁸² Theuerkauf U. Presidentialism and the Risk of Ethnic Violence. – P. 72–81.

³⁸³ Political Instability Task Force. URL: <https://scip.gmu.edu/political-instability-task-force/> (дата обращения 28.11.2021).

³⁸⁴ Theuerkauf U. Ethno-Embedded Institutionalism: The Impact of Institutional Repertoires on Ethnic Violence. PhD thesis, The London School of Economics and Political Science (LSE), 2012. – P. 89–90.

³⁸⁵ Theuerkauf U. Presidentialism and the Risk of Ethnic Violence: A Reply to Reilly, Sisk, Basedau and McGarry. – P. 102.

³⁸⁶ Ibid.

Попытка ответить на вопрос о причинах возникновения этнических конфликтов сталкивается с классическими проблемами проведения сравнительного политологического исследования. Очевидно, что исследователи хотят найти те факторы, которые будут применимы к максимальному количеству случаев. Иными словами, чем больше случаев объясняет теория этнических конфликтов, тем более «научной» она становится. Однако политическая практика диктует свои условия. Этнические конфликты столь неоднородны, что стремление объяснить их единым набором факторов крайне проблематично.

Итак, эмпирические исследования, проведенные в рамках изучения влияния форм правления на этнические конфликты, дали неодинаковые результаты. Исследования, проведенные С. Сайдемманом³⁸⁷, П. Редером³⁸⁸ и Д. Бранкати³⁸⁹, не обнаружили значимой связи между президентизмом и этническим конфликтом. Эмпирические данные У. Тойеркауф позволили выявить незначительную корреляцию между президентизмом и риском этнической гражданской войны³⁹⁰. Таким образом, «остается эмпирически неясным, – пишет один из авторов, – в какой степени и при каких обстоятельствах – или, действительно, независимо от того или нет – форма правления имеет значение для (этнического) насилия»³⁹¹. Поэтому нужны новые эмпирические исследования.

Мы провели **статистический анализ**, используя базы данных по формам правления, этническим конфликтам и политическим

³⁸⁷ Saideman S. M., Lanoue D. J., Campenni M., Stanton S. Democratization, Political Institutions, and Ethnic Conflict: A Pooled Time-Series Analysis, 1985.

³⁸⁸ Roeder P. Power Dividing as an Alternative to Ethnic Power Sharing // Sustainable Peace: Power and Democracy after Civil Wars / ed. by P.G. Roeder and D.S. Rothchild. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 2005.

³⁸⁹ Brancati D. Decentralization: Fueling the Fire or Dampening the Flames of Ethnic Conflict and Secessionism? – P. 651–685.

³⁹⁰ Theuerkauf U.G. Presidentialism and the Risk of Ethnic Violence: A Reply to Reilly, Sisk, Basedau and McGarry. – P. 102.

³⁹¹ Basedau M. A Context-sensitive Approach to the Study of Presidentialism and Ethnic Violence. – P. 90.

режимам³⁹². Результаты анализа показали, что в недемократических странах форма правления не оказывает влияния на интенсивность этнических конфликтов. В то же самое время в группе демократических странах можно говорить о слабой корреляции между этими двумя переменными.

Целью нашего исследования было выяснение того, насколько разные формы государственного правления способствуют смягчению интенсивности этнических конфликтов. Форма правления выступает как конфигурация институтов государственной власти, где политические интересы этнических групп обретают непосредственное выражение. Мы исходим из того, что роль формы правления варьируется в зависимости от политического режима. В авторитарных режимах форма правления является совокупностью «имитационных» институтов, которые существуют лишь формально, но на деле не выполняют функций, свойственных таким институтам в демократических государствах. Речь идет в первую очередь о парламентах, партиях и судах. Исходя из этих теоретических положений мы сформулировали основную и рабочие гипотезы.

Основная гипотеза: в условиях демократического и полудемократического режимов парламентская система способствует снижению этнической конфликтности полиэтнического общества, а президентская система повышает риск этнических конфликтов. Президентские черты формы правления ведут к этническим конфликтам. Чем больше президентских элементов имеет форма правления, тем более конфликтным является общество.

³⁹² Результаты нашего исследования опубликованы: Зазнаев О.И., Сидоров В.В. Взаимосвязь форм государственного правления и этнических конфликтов: статистический анализ // Вопросы политологии. – 2020. – Том 10. – № 11 (63). – С.3234–3243; Зазнаев О.И., Сидоров В.В. Урегулирование этнических конфликтов: роль формы правления (сравнительное исследование) // Управление региональными конфликтами в условиях цифровизации современного общества: методология и практики реализации: монография / под ред. Н.А. Шибановой. – Казань: Издательство Казанского университета, 2021. – С. 140–143.

Рабочая гипотеза 1: Уровень президентализма (*УПрез*) имеет положительную корреляцию с уровнем этнических конфликтов (*УЭК*). Иначе говоря, чем больше в форме правления представлены президентские элементы, тем выше интенсивность конфликта. При парламентской системе самый низкий уровень этнических конфликтов; при премьер-президентской *УЭК* выше; при президентско-парламентской *УЭК* выше, чем при премьер-президентской; наконец, самый высокий *УЭК* должен наблюдаться в условиях президентской системы.

Рабочая гипотеза 2: Индекс свободы (*Свобода*), которая является операциональной характеристикой политического режима, имеет положительную корреляцию с уровнем президентализма *УПрез*, то есть чем выше индекс свободы, тем больше президентских элементов в форме правления. Проще говоря, президентские системы склонны к уменьшению свободы (авторитаризму), а парламентские – к увеличению степени свободы (демократии).

Рабочая гипотеза 3: Влияние формы правления на *УЭК* наиболее выражено в условиях свободных и частично свободных стран. В группе свободных и частично свободных стран корреляция между *УПрез* и *УЭК* выше, чем в группе несвободных стран. Это означает, что форма правления значима в условиях демократических и полудемократических режимов и мало значима в недемократических режимах.

Базы данных, операционализация и отбор случаев. В исследовании были использованы три группы баз данных. Первая группа касается зависимой переменной «этнический конфликт», показателем которой является *УЭК*. Вторая группа баз данных относится к независимой переменной – политическому режиму, который измеряется уровнем свободы в стране. Третья группа баз данных имеет отношение к независимой переменной «форма правления», которая операционализируется путем показателя «уровень президентализма».

В монографии «Этнические конфликты» известный финский политолог Т. Ванханен приводит эмпирические данные, касающи-

еся этнических конфликтов³⁹³. Его исследование охватывает 176 независимых государств с населением в 2010 году более 200 000 человек. Прежде всего, нас интересуют данные, относящиеся к уровню этнического конфликта (УЭК). Ванханен оценивает относительную значимость этнических конфликтов в странах, используя шкалы с оценками от 1 до 5 (где 1 – отсутствие этнических конфликтов или их минимальный уровень, 5 – максимальный уровень этнического насилия). Чем выше оценка, тем выше уровень этнических конфликтов. Каждая страна получала оценку значимости этнических конфликтов за период 2003–2011 гг.

Методика определения интенсивности этнического конфликта Ванханена достаточно субъективна, поскольку он выставляет оценки каждой стране на основании имеющихся у него сведений и информации относительно разных форм этнических конфликтов из разных источников (включая Интернет), опираясь на экспертные мнения и собственное видение. Тем не менее, ценность его данных заключается в широком охвате стран. В своем исследовании мы использовали данные УЭК Ванханена без изменений.

Нами был использован хорошо известный и часто используемый в политологии рейтинг политических прав и гражданских свобод «Свобода в мире» американской организации «Дом Свободы» за 2010 год³⁹⁴. Ежегодно составляется глобальный отчет о политических правах и гражданских свободах, состоящий из числовых рейтингов для каждой страны и территории. До 2020 года каждой стране и территории присваивалось два рейтинга – один по политическим правам, а второй – по гражданским свободам на основе вопросов, на которые отвечали эксперты. Диапазон оценок был от 1 до 7, где 1 – наибольшая степень свободы, 7 – на-

³⁹³ Ванханен Т. Этнические конфликты: их биологические корни в этническом фаворитизме. – М.: Кучково поле, 2014. – 420 с.

³⁹⁴ Country and Territory Ratings and Statuses, 1973-2020. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/2021-02/Country_and_Territory_Ratings_and_Statuses_FIW1973-2021.xlsx (дата обращения 28.11.2021).

именшая. Все страны были разделены на три группы – свободные (индекс свободы 1,0–2,5), частично свободные (индекс свободы 3,0–5,0) и несвободные (5,5–7,0). Осознавая политическую ангажированность рейтингов «Дома свободы», все же в качестве плюсов этих рейтингов отмечаем полноту охвата всех стран за довольно большой период времени.

Для нашего исследования ценность представляли обширные базы данных по всем формам правления всех государств за разные исторические периоды их существования. Эту базу сформировал крупный специалист в области полупрезидентской системы, ирландский политолог Р. Элджи. Прежде всего, для нас была важна база данных по странам «Полупрезидентализм, премьер-президентализм и президент-парламентаризм», в которой содержатся данные об этих формах правления с 1900 года³⁹⁵. Кроме того, справочно мы использовали данные Элджи о президентских, парламентских и прочих странах. При этом надо иметь в виду, что страны классифицируются Р. Элджи исходя из конституционных правил без учета политической практики. Во внимание не принимается, является ли страна демократической или авторитарной.

Идя вслед за М.С. Шугартом и Дж. Кэри, Р. Элджи выделяет четыре типа форм правления, исходя из двух критериев – способа формирования главы государства и ответственности кабинета перед легислатурой. Президентской является система, в которой президент избирается всенародно, а кабинет не несет ответственности перед легислатурой. Парламентская система (парламентская монархия и парламентская республика) характеризуется неизбираемостью главы государства (монарха или президента) на всенародных выборах и политической ответственностью кабинета перед легислатурой. Наконец, полупрезидентская систе-

³⁹⁵ Semi-presidentialism, Premier-presidentialism and President-parliamentarism – A New Country-years Dataset. URL: <http://www.semipresidentialism.com/semi-presidentialism-premier-presidentialism-and-president-parliamentarism-a-new-country-years-dataset/> (дата обращения 28.11.2021).

ма, для которой свойственно всенародное избрание президента и парламентская ответственность кабинета, делится на два подтипа – премьер-президентскую и президентско-парламентскую системы. М.С. Шугарт и Дж. Кэри так разграничивают эти два подтипа: премьер-президентская система не обеспечивает президенту контроль над правительством или ассамблеей, и если у президента появляется право единолично смещать министров, то такой режим становится президентско-парламентским³⁹⁶. Для президентско-парламентской системы свойственна ведущая роль президента в сочетании с зависимостью кабинета от парламента: в президентско-парламентской системе президент может самостоятельно отправлять правительство в отставку, а в премьер-президентской системе он не обладает таким правом.

Таким образом, четыре типа форм правления различаются по силе власти главы государства и его роли в треугольнике «глава государства – кабинет – легислатура». Наименьшая власть главы государства в парламентской системе, далее следует премьер-президентская система, потом президентско-парламентская и, наконец, президентская. То есть мы можем разместить все четыре формы правления на шкале с двумя полюсами – парламентаризмом и президентализмом. Отсюда, на наш взгляд, можно следующим образом кодировать формы правления: 1 – парламентская система, 2 – премьер-президентская система, 3 – президентско-парламентская, 4 – президентская система. Таким образом, форму правления мы операционализировали путем установления уровня президентализма – *УПрез* (от 1 до 4).

При каждом переходе на одну единицу увеличиваются число президентских элементов. Если в парламентской их практически нет, то в премьер-президентской президент избирается всенародно, приобретает существенные полномочия и возможность формировать кабинет. В президентско-парламентской системе

³⁹⁶ Shugart M.S., Carey J.M. Presidents and Assemblies. Constitutional Design and Electoral Dynamics. – P. 24.

к этим полномочиям добавляется право отставки кабинета. В президентской системе президентские элементы представлены максимально: это и избрание президента народом, и полная свобода в формировании кабинета, невзирая на конгресс, и полная свобода отставки кабинета и министров, и полный контроль над кабинетом.

Используя три группы баз данных, мы составили сводную таблицу (см. *табл. 2*). Напомним, в базе данных Ванханена 176 стран. Мы исключили абсолютные и дуалистические монархии (Бруней, Катар, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия), государства с нетипичными формами правления, которые проблематично отнести к одному из четырех описанных выше типов (Босния и Герцеговина, Иран, Китай, КНДР, Ливия и Мьянма). Таким образом, общее число случаев, проанализированных нами, составило 165. Все данные представлены за один год – 2010. Фрагмент нашей таблицы можно видеть ниже (см. *табл. 2*). *УПрез* и *Свобода* были нами нормализованы для того, чтобы на регрессионном графике иметь возможность сравнить распределение данных и провести линию регрессии.

Таблица 2

Фрагмент таблицы данных

	<i>УПрез</i>	<i>УПрез</i> нормализованный	<i>Свобода</i>	<i>Свобода</i> нормализованный	УЭК
Аргентина	4	1	2	0,16666667	1
Бельгия	1	0,33333333	1	0	3
Египет	3	0,66666667	5,5	0,75	2
Израиль	1	0	1,5	0,08333333	4
Индия	1	0	2,5	0,25	4
Колумбия	4	1	3,5	0,41666667	2
Кыргызстан	2	0,33333333	5,5	0,75	3
Португалия	2	0,33333333	1	0	1
Судан	4	1	7	1	5

Методы исследования. Гипотеза о влиянии переменной «форма правления» на уровень этнических конфликтов проверялась нами с помощью статистических методов, а именно путем корреляционного и регрессионного анализа. Корреляционный и регрессионный анализ необходимы были для того, чтобы определить, насколько форма правления, которая может быть парламентской, премьер-президентской, президентско-парламентской или президентской, объясняет уровень этнических конфликтов в большом массиве стран мира (165 случаев) в 2010 году.

Перед нами стояли следующие задачи:

а) установление самого факта наличия или отсутствия статистически значимых связей между переменными (предикторы: свобода и форма правления; отклик: этнические конфликты);

б) оценка удельного веса влияния каждой независимой переменной (свобода; форма правления) на зависимую переменную (этнические конфликты), определение направления связи переменных.

Для проведения расчетов использовалась программа Microsoft Excel.

Анализ и результаты. Проверка рабочей гипотезы 1 о связи между *УПрез* и *УЭК* выявила довольно слабую положительную корреляцию 0,12, что не позволяет однозначно утверждать о том, что чем более президентализированной является форма правления, тем выше риски возникновения этнических конфликтов. Анализ наших данных показал, что президентские системы лишь в очень малой степени более опасны с точки зрения этнической конфликтности по сравнению с парламентскими формами. Прийти к выводу о том, что при премьер-президентской *УЭК* выше, чем при парламентской системе, а при президентско-парламентской системе *УЭК* выше, чем при премьер-президентской системе, полученные нами результаты не позволяют.

Несколько лучше выглядят итоги проверки рабочей гипотезы 2. Как и предполагалось, *Свобода* имеет положительную корреляцию с *УПрез* 0,21, а именно: чем выше индекс свободы, тем выше

УПрез. В методике «Дома свободы» наибольшее значение индекса свободы (7) означает ее отсутствие, а наименьшее значение (1) – максимальную свободу, поэтому корреляция положительная. Частично подтверждается тезис о том, что президентские системы склонны к уменьшению свободы (авторитаризму), а парламентские – к увеличению свободы (демократии). Таким образом, эмпирически частично подтверждается гипотеза Х. Линца³⁹⁷ об опасности президентской формы правления для демократии³⁹⁸.

Что касается рабочей гипотезы 3, то для ее проверки 165 стран мира были разделены согласно индексу свободы на две группы. В первую группу попали 128 свободных и частично свободных стран с индексом свободы от 1,0 до 5,0, а во вторую группу – несвободные страны с индексом свободы 5,5–7,0 (37 стран). В рамках каждой группы была проведена корреляция между *УПрез* и *УЭК*. Были получены следующие результаты: для группы свободных и частично свободных стран корреляция составила 0,13 (положительное значение), а для группы несвободных стран – 0,04 (положительное значение). Прекрасно осознавая крайне слабую корреляцию между *УПрез* и *УЭК* в группе свободных и частично свободных стран и практически отсутствие какой-либо связи между *УПрез* и *УЭК* в группе несвободных стран, все же хотели бы заметить, что в условиях недемократических режимах форма правления не значима как фактор этнической конфликтности. То есть наша рабочая гипотеза 3 частично подтвердилась.

Кроме того, нами был проведен регрессионный анализ (предикторы: свобода и форма правления; отклик: этнические конфликты). Полученные данные были нормализованы, поскольку используемые шкалы для *Свободы* (от 1,0 до 7,0) и *УПрез* (от 1 до 4) различаются. Для удобства сравнения и более точного и визуаль-

³⁹⁷ Linz J. The Perils of Presidentialism.

³⁹⁸ См. подробнее: Зазнаев О.И., Сидоров В.В. Президентские системы на постсоветском пространстве: верна ли гипотеза Хуана Линца? // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». – 2018. – № 4 (14). – С. 24–35.

ного определения линии регрессии шкалы *Свободы* и *УПрез* были трансформированы в одну шкалу от 0 до 1,0. Проведена линия регрессии для связи *Свободы* и *УЭК*, а также линия регрессии для связи *УПрез* и *УЭК*. На *рис. 1* видно, что первая линия является более выраженной, чем вторая. При этом бросается в глаза большой «разброс» случаев и большие остатки у значительного числа случаев. Именно это обстоятельство не позволило нам сделать однозначный вывод о связи между *УПрез* и *УЭК*.

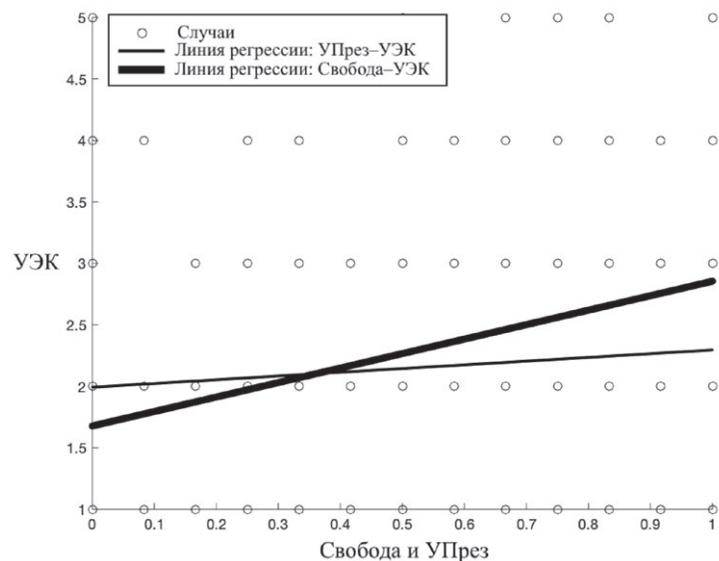

Рис. 1. Взаимосвязь между Свободой, УПрез и УЭК

Проведенный нами анализ показал, что исследование этнических конфликтов статистическими методами имеет свои недостатки. В первую очередь, мы столкнулись с проблемой «мало случаев – много переменных». Несмотря на распространенность этнических конфликтов в современном мире, довольно сложно отобрать достаточное для статистического анализа количество случаев, используя короткие хронологические рамки исследова-

ния. Очевидно, что причиной этнических конфликтов является совокупность факторов, что влияет на ослабление статистической связи между формой правления и этническими конфликтами. Во-вторых, сами существующие базы данных по формам правления и этническим конфликтам не лишены недостатков. Часто информация по некоторым годам и государствам отсутствует или является неточной. В современной науке неудовлетворительно решена проблема операционализации переменных для измерения этнических конфликтов. В-третьих, статистический анализ ограничен в возможностях оценки динамики этнических конфликтов.

Преодоление указанных недостатков может быть достигнуто с помощью перенесения исследовательского фокуса с переменных на изучаемые случаи. Этнические конфликты объясняются большой совокупностью факторов. Анализ этих факторов должен быть привязан к изучаемым случаям, поскольку набор и значение факторов уникальны для каждого случая. Однако, это не означает, что мы должны полностью отказаться от попыток получения обобщающих теоретических выводов. Возможно, что изучение конкретных случаев даст дополнительные идеи для новых гипотез, а статистический анализ даст результаты при сравнении этнических конфликтов на региональном уровне исследования.

Глава 8

ЭТНИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ КАК ВМЕШИВАЮЩАЯСЯ ПЕРЕМЕННАЯ ВО ВЛИЯНИИ ФОРМ ПРАВЛЕНИЯ НА ЭТНИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ

Процессы политизации этничности находят свое отражение, в частности, в возникновении этнических партий³⁹⁹. В обществах, где этнополитические размежевания сильны, а этнополитические процессы по своей значимости превосходят другие социальные и экономические процессы, возникновение этнических партий является объективным явлением. Такие партии являются отражением существующих в обществе этнических размежеваний и противоречий.

Однако во многих государствах мира этнические партии запрещены. Это связано с тем, что этнические партии могут усиливать межэтнические противоречия, в нивелировании которых эти партии не заинтересованы. Такие партии стараются привлечь на свою сторону всех избирателей, принадлежащих к определенной этнической группе, убеждая их в приоритетности этнических интересов над интересами других социальных групп, к которым принадлежат избиратели. В государствах, где этнические партии

разрешены, возобладала иная точка зрения: этнические партии рассматриваются как демократические институты, дающие возможность транслировать интересы этнических групп в политическую систему.

Рассматривая проблему влияния форм правления на этнические конфликты, необходимо учитывать влияние этнических партий как вмешивающейся переменной. В зависимости от того, существуют ли в стране этнические партии или они запрещены, формы правления по-разному воздействуют на межэтнические взаимодействия и конфликты. В президентских системах сама логика формы правления предполагает интеграцию всех этнических групп в единую надэтническую общность с единой гражданской идентичностью. Связано это с тем, что президент как глава государства представляет интересы всех граждан, вне зависимости от их этнической принадлежности. Таким образом, этнические партии в президентских государствах обычно не могут стать полноценным институтом для обеспечения доступа этнических групп к постам в исполнительной власти. Сама логика функционирования президентской системы подталкивает государство к запрету этнических партий. Данная модель соответствует центристской теории, предложенной Д. Горовицем.

Иначе обстоит дело в парламентских системах, где правительство чаще формируется в результате коалиционных взаимодействий партий, а должности в правительстве распределяются исходя из «веса» партий в коалиции. Этнические партии в случае хороших результатов на выборах получают возможность претендовать на «кусочек» исполнительной власти в виде министерских должностей. Такая логика функционирования парламентской системы соответствует модели общественной демократии А. Лейпхарта.

Однако мы можем вообразить президентскую систему с этническими партиями, и парламентскую систему с запретом на этнические партии. Тогда парламентская система будет ближе к центристской модели Д. Горовица, а президентская сис-

³⁹⁹ См. подробнее об этнических партиях: Сидоров В.В. Этнические партии: демократический институт или причина этнических конфликтов? // Этнические аспекты политических институтов и процессов: монография/ под ред. О.И. Зазнаева, М.Х. Фарукшина. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. – С. 170–194.

тема будет нуждаться в элементах общественной демократии А. Лейпхарта. Модель общественной демократии соответствует «набору» институтов, где парламентская республика соединяется с пропорциональной избирательной системой и федеративным государственным устройством. Все примеры, которые в своей книге приводит А. Лейпхарт, соответствуют такому институциональному дизайну – Бельгия, Швейцария и Австрия (короткий период). Однако это не означает, что элементы общности (например, «большая коалиция») не могут быть применены в полиэтнических государствах с президентской системой правления.

Таким образом парламентская система с запрещенными этническими партиями может функционировать как интегрирующая центростремительная политическая система, во многом повторяя логику президентских систем. Этот тезис приобретает особое значение в связи с тенденцией президенциализации парламентских систем.

Для полноценного определения роли этнических партий как катализаторов этнических конфликтов необходимо четкое понимание *признаков этнических партий*. В политической науке были определены признаки для идентификации партий в качестве этнических. Такими индикаторами являются специфическое этническое название партии, обращение к этническим группам, этническое голосование за партию, особый стиль лидерства и сферы партийной борьбы. Данные признаки выступают важным инструментом для сравнительного анализа и помогают исследователям формулировать переменные. Зная количество этнических партий, мы можем узнать сколько процентов голосов за них отдано, сколько мест этнические партии получают в парламенте, можно вычислить эффективное число этнических партий, изучить включенность этнических партий в работу правительства, длительность функционирования этнических партий и т.д.⁴⁰⁰.

⁴⁰⁰ Chandra K. What is an Ethnic Party? // Party Politics. – 2011. – Vol. 17. – № 2. – P. 159.

Если наименование этнической группы используется в названии партии, то это указывает на этнический характер партии. Название партии передает информацию о том, связывает ли партия свои интересы с какой-то конкретной социальной группой. Если в название партии включено название этнической группы, мы рассматриваем это как признак того, что партия представляет интересы этнической группы и является этнической партией. Принципиальным вопросом является то, как определить, есть ли в названии этническая составляющая. В самом широком понимании этничность в названии должна отражать принадлежность достаточно большой группы людей, объединенных совокупностью оснований на их происхождении признаков. Примером является Шотландская национальная партия, существующая в Великобритании⁴⁰¹.

Следующим признаком является наличие открытого обращения к этнической группе в избирательной платформе партии. Обращение к этнической группе должно быть центральным для партии и содержать ясное намерение защиты интересов этнической группы. Среди всех проблемных измерений, о которых упоминает этническая партия в своей программе, именно особое выделение интересов этнической группы должно встречаться чаще, чем любые иные обращения к социальным группам и их интересам. Партия также может полностью посвятить свою программу исключительно выражению интересов этнической группы. Кроме партийного манифеста, формой обращения партии к этнической группе являются выступления партийных лидеров. Их заявления в течение избирательной кампании, в которых открыто высказывается обращение к этнической группе, служат важным индикатором, позволяющим судить об этническом характере партии⁴⁰².

⁴⁰¹ Сидоров В.В. Этнические партии: демократический институт или причина этнических конфликтов? – С. 173.

⁴⁰² Там же.

В названиях партий, в партийных программах и в обращениях лидеров могут встречаться различные варианты обращений к этнической группе. Предположим, что в государстве есть только две этнические группы – А и Б. Варианты обращений этнических партий к этническим группам могут быть следующими:

- 1) за А;
- 2) против Б;
- 3) за А против Б;
- 4) А и Б должны оставить их разногласия и жить в мире;
- 5) за А и за Б.

Варианты 1, 2 и 3 носят этнически исключительный характер и характерны для этнических партий, в то время как включающая стилистика обращений в примерах 4 и 5 характерна для мультиэтнических партий и партий-конгресса⁴⁰³.

Обращение к этнической группе основывается на четком апеллировании к групповой этнической идентичности. Однако партии могут указывать в своих программах меры, которые хоть и выделяют «победителей» и «проигравших» среди этнических групп, но основывается на общих неэтнических принципах или идеологии. Оппозиция билингвизму в Канаде может обосновываться идеями практичности и снижения издержек. Но таким образом ущемляются интересы франкофонов и, наоборот, приоритетно выделяются интересы англофонов. Или, например, всегда сложно сказать, насколько пункты программы партий, связанные с распределением бюджетных ассигнований регионам или образованием, являются «этнически окрашенными». Необходимо тщательнее анализировать партийные программы. Исследователи партийных идеологий часто прибегают к методам экспертного опроса. В таком случае несколько экспертов независимо друг от друга должны будут определить, насколько то или иное положение партии является этнически мотивированным. Такой подход

⁴⁰³ Сидоров В.В. Этнические партии: демократический институт или причина этнических конфликтов? – С. 173–174.

безусловно страдает серьезным недостатком – субъективностью экспертных суждений.

Другой подход заключается в анализе включенности определенных этнических групп в распределение общественных благ и ресурсов. Другими словами, исследователь анализирует программы на наличие положений, защищающих интересы какой-либо этнической группы и исключают из этой защиты другие группы. Сложность заключается в том, что часто не все программы партий доступны для анализа, а сами программы раскрывают лишь часть реальных позиций партий.

Оба подхода получили широкое распространение в политической науке и могут быть использованы при анализе этнических партий⁴⁰⁴.

Кроме открытого обращения к этнической группе в политической практике встречаются скрытые сигналы политических партий, обращенные к избирателям конкретных этнических групп. Партия может открыто не называть этническую группу, к которой она обращается, но с помощью невербальных символов становится ясно, что для определенной этнической группы данная партия является «своей», а для других этнических групп такая партия будет «чужой». Такие сигналы могут включать невербальные символы – национальную одежду и стиль поведения лидеров партии, особенности дизайна партийной символики, специфику рекламной продукции. Представители украинских этнонационалистических партий во время публичных выступлений традиционно одеты в украинские национальные рубашки-вышиванки, украшенные украинским национальным орнаментом. Эта одежда выступает сигналом для избирателей.

Важным сигналом для избирателей является этническая принадлежность лидеров и кандидатов политических партий. Роль лидеров в современной партийной политике чрезвычайно воз-

⁴⁰⁴ Сидоров В.В. Этнические партии: демократический институт или причина этнических конфликтов? – С. 174–175.

растает, происходит персонализация избирательных кампаний и падение значения партийных брендов. Это означает, что личность партийных лидеров и кандидатов выходит на первое место. Этническая принадлежность лидеров и кандидатов становится ключевой особенностью этнических партий, особенно если речь идет о представительстве этнических меньшинств. В условиях моноэтнического государства этническая принадлежность лидеров не имеет значения, в то время как в многоэтнических государствах этническая принадлежность партийных лидеров и кандидатов может стать важным фактором этнизации партии. Партийный лидер может самостоятельно обозначить свою этническую принадлежность как важный сигнал для своих избирателей. В ином случае избиратели определяют лидера как представителя определённого этноса, что влияет на структуру поддержки лидера и партии, хотя в избирательной кампании не было этнически окрашенных тезисов. Если сам лидер не заявил об этнической принадлежности и не «активировал» этнический дискурс для мобилизации поддержки, то понять, в каком случае этничность партийных лидеров и кандидатов является невербальным сигналом для этнической группы, крайне сложно. Для этого нужно досконально знать специфику изучаемого случая, поэтому для определения подобного рода ситуаций используется метод экспертного опроса⁴⁰⁵.

В большинстве случаев этнические группы имеют в стране концентрированную географическую локализацию. Если политические партии ограничивают свою деятельность определенным географическим регионом, то это повышает вероятность превращения партии в этническую. Наряду с этнорегиональными партиями существуют и региональные неэтнические партии, выражающие региональные, а не этнические интересы. Так, Шотландская национальная партия в Великобритании является примером этнорегиональной партии, выдвигающей кандидатов только на тер-

⁴⁰⁵ Сидоров В.В. Этнические партии: демократический институт или причина этнических конфликтов? – С. 175–176.

ритории Шотландии и борющейся за интересы шотландцев как этнической группы. Напротив, Христианский социальный союз действуют только на территории Баварии в Германии, но не защищает никаких этнических интересов – это пример региональной партии. Логика выдвижения кандидатов может служить характеристикой этнической партии, даже если название партии не содержит названия этнической группы.

Важным признаком этнической партии является структура ее электоральной поддержки. Партия является этнической, если большинство голосов партия получает от этнической группы при наличии других этнических групп, которые не голосуют за эту партию, исходя из соображений этнической принадлежности. Это положение также справедливо и для мультиэтнических партий: за них голосуют несколько этнических групп при условии наличия этнической группы или групп, которые за нее не голосуют. Данный феномен получил название этнического голосования, которое представляет собой голосование на коллективной (солидарной) или индивидуальной основе либо «за» кандидатов или партии, с которыми этнически идентифицирует(–ют) себя избиратель(–и), либо «против» иноэтнических кандидатов или партий⁴⁰⁶.

На процесс этнического голосования можно взглянуть не только со стороны партии и структуры ее поддержки, но и «снизу», изучив структуру распределения голосов группы. Исследователю нужно обратить внимание, как распределяются голоса этнической группы среди разных партий. Если этническая группа в основном отдает свои голоса только одной партии, то это служит сигналом этнического голосования и существования этнической партии.

Признаки этнической партии сводятся так или иначе к выбору партией этнического измерения (размежевания) как «арены» пар-

⁴⁰⁶ Фарукшин М.Х. Проблема этнического голосования в зарубежном дискурсе // Социологические исследования. – 2016. – № 5. – С. 81.

тийной конкуренции за избирателей. Этническая партия становится заинтересованной в политизации («активации») этничности. Индивид по определению имеет этническую принадлежность, к которой обращаются этнические партии, пытаясь ее «активировать», свести политическое поведение к этнической мобилизации, призвать к этническому голосованию⁴⁰⁷.

Этнические партии чаще всего не предлагают универсальной избирательной программы, а стремятся к защите и приобретению материальных, культурных и политических благ и преимуществ для своей этнической группы. Исходя из этого, они, как правило, не имеют глубоко разработанной и последовательной программы, разветвленной партийной организации и не нуждаются в жестко регламентированном партийном членстве. Этнические партии больше напоминают клиентелистские партии, поскольку роль идеологии у них не велика, и круг возможного электората максимально четко обозначен.

Кроме того, в процессе политической мобилизации этническим партиям свойственно использовать мощные символические элементы идентичности, обращаться к проблемам выживания этнической группы, эксплуатировать чувства и эмоции, связанные с этнокультурными паттернами сознания. Сама природа такой политической мобилизации требует от партии выдвижения на передний план харизматичного партийного лидера, способного стать движущей силой партии и добиться мобилизации. Такими лидерами были лидер нигерийского Северного народного конгресса Ахмаду Белло, создатель нигерийской партии народности йоруба «Группа действия» Обафеми Аволово, лидер южноафриканской партии зулу «Партия свободы» Инката Мангосуту Бутелези. Этнические партии, защищающие интересы этнических меньшинств, часто встречаются в несовершенных демократиях, например, партия турецкого меньшинства «Движение за права и

⁴⁰⁷ Сидоров В.В. Этнические партии: демократический институт или причина этнических конфликтов? – С. 177.

свободы» в Болгарии, «Демократический союз венгров» в Румынии, «Акали Дал» (партия сикхов) в индийском Пенджабе и т.д.⁴⁰⁸.

Этнические партии, в первую очередь, отличаются тем, что они представляют этническую группу. Если партия выносит вопрос об этнической принадлежности своего электората на периферию партийного дискурса, то такую партию нельзя считать этнической. По мнению К. Чандры, этнические партии, в первую очередь, отличаются открытым и явным обращением к определенной этнической группе⁴⁰⁹. Это означает, что в анализе этнических партий ударение необходимо делать на изучении информации, посланий и установок, которые партия пытается донести до этнической группы. К. Чандра указывала, что несмотря на то, что открытый призыв к этнической группе голосовать за партию и является важным показателем, все же именно ударение на представительстве этнических интересов является первичным и важнейшим показателем этнических партий⁴¹⁰.

Д. Горовиц предложил определять этническую партию по распределению поддержки⁴¹¹. Этническая партия не обладает абсолютной монополией на поддержку какой-то этнической группы. Члены этнической группы могут проголосовать за другие партии неэтнического характера. Однако этническая партия исключает возможность для других этнических групп оказать ей поддержку. Например, Партия свободы, Объединенная национальная партия и Народно-освободительный фронт Шри-Ланки – это партии, которые выступают против автономии тамилы и являются этнически сингалскими партиями⁴¹². Однако их идеологические позиции нельзя назвать чисто этническими. Партия свободы – это

⁴⁰⁸ Партии и партийные системы: современные тенденции развития / под ред. Б.И. Макаренко. – М.: РОССПЭН, 2015. – С. 42.

⁴⁰⁹ Chandra K. What is an Ethnic Party? – P. 151.

⁴¹⁰ Ibid.

⁴¹¹ Horowitz D. Ethnic groups in conflict. – P. 293.

⁴¹² Ванханен Т. Этнические конфликты: их биологические корни в этническом фаворитизме. – С. 355.

социал-демократическая центристская партия, Объединенная национальная партия – консервативная, а Народно-освободительный фронт считается коммунистической партией⁴¹³. Тамильский национальный альянс является этнической партией и выступает за федерализацию Шри-Ланки. Таким образом, партийная система Шри-Ланки напоминает бельгийскую партийную систему, где пересекаются различные общественные размежевания, а внутри региональной партийной системы, за которые голосует только одна этническая группа, существует разделение по классической шкале «правые–левые»⁴¹⁴.

Еще одной иллюстрацией данного тезиса служит появление этнических партий-движений в колониальных владениях европейских империй. Выступая за независимость, эти движения различались в отношении способов, времени и степени обретения независимости от метрополии. Подобные разделения наблюдались в Индии, Нигерии и Шри-Ланке. Создание партий исключительного (эксклюзивного) характера после обретения государственной независимости свидетельствует о разделенном обществе и проблемах с формированием гражданской нации.

Дж. Ишияма и М. Брэннинг определяют этническую партию как организацию, претендующую на представительство отдельной этнической группы. Такая партия стремится к политической власти и борется за властные позиции других этнических групп⁴¹⁵. Если функция представительства этнической группы является центральной для этнической партии, то функция борьбы за власть является вторичной. В действительности этническая партия не

всегда стремится к обладанию властью, контролю за большинством в парламенте и контролю над исполнительной властью. Этнические партии могут выступать как агенты этнической группы, предпочитая оказывать влияние разной степени на политический процесс, защищая, таким образом, интересы этнической группы.

Некоторые исследователи отдельно выделяли критерий меньшинства как необходимое условия существования этнической партии. Например, Д. Ван Котт определяет этническую партию как организацию, допущенную к участию в выборах, в которой большинство лидеров и членов идентифицируют себя как индивидов, принадлежащих к недоминирующей этнической группе, в которой ядро избирательной платформы включает в себя требования этнического и культурного характера⁴¹⁶.

Логика предвыборных кампаний этнических партий заключается в укреплении и мобилизации социальной базы партии – определенной этнической группы. Партия обращается к такой группе, указывая на возможности и угрозы со стороны иных этнических групп. Этническая партия не привлекает в ряды своих избирателей членов иных социальных групп, ее интересует только этническая группа. Члены этнической группы состоят из людей, различающихся по доходу, профессии, возрасту и т.д. Этнические партии игнорируют все социально-политические размежевания в обществе, кроме этнических, что ведет к размытости их идеологических позиций по многим социально-политическим вопросам.

Этнические партии не могут рассчитывать на поддержку вне определенной этнической группы, и поэтому получить всю полноту политической власти в условиях демократии возможно лишь в случае численного превосходства этнической группы над остальными. Завоевать политическую власть также возможно в результате применения недемократических инструментов – вооруженного переворота, мошенничества на выборах и др., что

⁴¹³ Charles C., Siebert H. Sri Lanka: When Negotiations Fail – Talks for the Sake of Talks; War for the Sake of Peace // Across the Lines of Conflict: Facilitating Cooperation to Build Peace / ed. by M. Lund and S. McDonald. – NY: Columbia University Press, 2015. – P. 197–198.

⁴¹⁴ Сидоров В.В. Этнические партии: демократический институт или причина этнических конфликтов? – С. 179–180.

⁴¹⁵ Ishiyama J., Breunning M. Ethnopolitics in the New Europe. – NY: Lynne Rienner Publishers, 1998. – P. 4.

⁴¹⁶ Van Cott D. From Movements to Parties in Latin America: The Evolution of Ethnic Politics. – NY: Cambridge University Press, 2005. – P. 3.

крайне опасно и ведет к конфликтам и насилию. Этот тезис прекрасно иллюстрируется случаем Нигерии, где этно-региональное доминирование партии Северный народный конгресс, опиравшейся на недемократические механизмы, привело к краху Первой республики и началу кровопролитной гражданской войны.

Стоит отметить, что принцип невключения в этническую партию иных этнических групп – это теоретическое упрощение. Существуют мульти-этнические партии и партии-конгресса, предполагающие возможность кооперации на основе этнической идентификации⁴¹⁷.

Сложность этнополитических процессов и этногенеза ведет к тому, что этнические партии апеллируют к поддержке нескольких этнических групп, поскольку «одна» этническая группа является «смесью» нескольких этнических групп. Разница между этнической партией и мультиэтнической партией заключается не в количестве этнических групп, которые партия стремится *включить* в сеть своей поддержки, а в желании *исключить* некоторые этнические группы. Этническая партия всегда обращается к конкретным интересам группы или групп, имплицитно предполагая определенные группы, интересы которых исключаются из программы. Мульти-этническая партия не исключает ни одну из этнических групп из своей целевой группы, акцентируя свое обращение к избирателям через призму их этнической идентичности.

Близкой к мультиэтнической партии является *партия-конгресс*. Стоит отметить, что не все партии, основанные на этнической базе, стремятся к доминированию. По мнению Л. Даймонда и Р. Гантера, от концепта этнической партии следует отделять понятие «партия-конгресс». Такая партия представляет собой коалицию или федерацию этнических партий, хотя это объединение может принимать форму единой партии с одним названием. На местном уровне партия-конгресс может действовать в духе эт-

нической партии, задействуя патрон-клиентелистские отношения между партийной элитой и этнической группой, однако на общенациональном уровне партия-конгресс функционирует иначе.

В своих обращениях к электорату партия-конгресс призывает к национальному единству и интеграции, а не к отделению, выступает за сосуществование этнических групп, распределение ресурсов между этносами, а не за доминирование. Если в общественных (консоциальных) демократических системах распределение ресурсов, государственных должностей, обеспечение взаимной безопасности этногрупп происходит путем формирования коалиционного правительства после выборов, то партия-конгресс создает такую коалицию и формулирует соответствующие гарантии заранее, используя свою партийную организацию. Если партия-конгресс успешно создает широкую коалицию, то она становится доминирующей партией, как это произошло в случае Индийского народного конгресса. В несовершенных демократиях также встречаются партии-конгресс: это «Африканский национальный союз» в Кении под руководством Джомо Кениаты и «Барисан Насионал» в Малайзии⁴¹⁸. Если партия-конгресс не в состоянии создать достаточную межэтническую коалицию, то она становится «первой среди равных», как это произошло с Национальной партией Нигерии в период Второй республики (1979–1983 гг.).

Партия-конгресс распределяет правительственные и партийные должности по пропорциональному принципу или по принципу, сформулированному в коалиционных соглашениях. Социальная база партии-конгресса является широкой и гетерогенной, а политику партии можно охарактеризовать как инклюзивную. Но очевиден и недостаток подобных партий: широта социальной базы делает партию-конгресс уязвимой из-за этнических или региональных размежеваний.

Распространенность этнических партий в современном мире позволяет отнести их к отдельному устоявшемуся типу партий,

⁴¹⁷ Сидоров В.В. Этнические партии: демократический институт или причина этнических конфликтов? – С. 182.

⁴¹⁸ Сидоров В.В. Этнические партии: демократический институт или причина этнических конфликтов? – С. 183.

который в политической науке называют партийной семьей. Некоторые исследователи партийной политики в Западной Европе предлагают рассматривать этнические партии в привязке с территориальным аспектом деятельности и называть такие партии *этнорегиональными*⁴¹⁹. Для того, чтобы классифицировать совокупность партий как отдельную партийную семью, исследователи партийной политики выделяют следующие критерии: необходимо сходное название партий, общая логика возникновения и происхождения, схожие идеологические позиции и состав электората. Большинство названий этнорегиональных партий включает в себя названия региона или этнической группы. Примерами в западноевропейских партийных системах являются Шотландская национальная партия, Новый фламандский альянс и Левые республиканцы Каталонии.

Пути и причины происхождения этнорегиональных партий являются сходными: большинство партий в той или иной степени возникли в результате размежевания по линии «центр–периферия» в партийной системе. Вопрос заключается лишь в том, насколько этот раскол совпадает с размежеванием по этническим линиям. Эмпирический анализ выборов в Западной Европе показывает, что этнорегиональные партии получают большинство голосов в округах определенного региона, где проживает этническая группа, которую они представляют.

Логика наименования партий и схожесть в происхождении делает этнорегиональную партийную семью похожей на партийную семью социал-демократических европейских партий или христианских демократов. Но если расположить этнорегиональные партии на шкале «левые-правые», то их можно найти в любой части спектра. Исследователи установили, что этнорегиональные партии довольно сильно различаются по всем идеологическим измерениям, кроме одного проблемного измерения – степени

централизации государства. Этнорегиональные партии последовательно выступают за децентрализацию государственной власти в форме передачи полномочий региону.

На наш взгляд, **этническая партия** представляет отдельный тип партии, входящей в партийную семью этнорегиональных партий. Действительно, большинство этнических партий имеют четкую региональную локализацию внутри государств, однако это не всегда так: в Индии существует множество нелокализованных партий, которые эксперты рассматривают как этнические. И наоборот, существуют региональные партии, не представляющие в политике интересы этнической группы. Этнический характер партии говорит о преобладании в ней этнических интересов, региональные партии заинтересованы в защите интересов определенной территории, а на ней могут проживать несколько этнических групп: партия может декларировать защиту интересов людей, для кого региональная идентичность значит больше, чем этническая идентичность. Кроме того, этнические интересы выступают предпосылкой для формирования интересов регионов, а не наоборот. Несомненно, существуют чисто региональные интересы, имеющие исключительно экономический характер, однако их интенсивность значительно уступает интересам этнических групп. Количество партий, выдвигающих на первое место этнические интересы, на порядок выше, чем партий, защищающих интересы региона. Этническая и региональная идентичность тесно взаимосвязаны, но не тождественны⁴²⁰.

Исследуя особенности функционирования этнических партий, политологи, в первую очередь, интересуются последствиями существования такого рода партий. Представляют ли этнические партии угрозу стабильности внутри полиэтнических обществ? Способствует ли деятельность этнических партий развитию опасных этнических конфликтов? Содействуют ли этнические партии

⁴¹⁹ Fagerholm A. Ethnic and Regionalist Parties in Western Europe: A Party Family? // Studies in Ethnicity and Nationalism. – 2016. – Vol. 16. – № 2. – P. 305.

⁴²⁰ Сидоров В.В. Этнические партии: демократический институт или причина этнических конфликтов? – С. 184–186.

распространению насильственных конфликтов с участием этнических меньшинств? Обостряют ли этнические партии конфликты, возникающие по этническим линиям расколов в обществе?

Многие ученые придерживаются мнения, что появление этнических партий неизбежно ведет к *интенсификации этнических конфликтов* и негативно сказывается на демократии. Особенно остро эта проблем стоит для молодых демократий в полиэтнических обществах. Эта точка зрения предполагает, что этнические партии ведут к «этнизации» политики. С другой стороны, некоторые исследователи отмечают, что этнические партии обеспечивают возможность конструктивной артикуляции интересов этнических групп, которые в иной ситуации могут быть исключены из «входов» политической системы. Главный довод сторонников общественной модели политической системы заключается в том, что этнические партии на самом деле уменьшают интенсивность конфликтов с помощью создания легальных каналов для выражения этнических интересов, повышая таким образом лояльность, предотвращая центробежные и конфликтные стратегии этнических групп.

Центральный вопрос о роли этнических партий в разжигании этнических конфликтов – это не просто предмет академических дискуссий. Действительно, многие государства ввели запрет на создание и деятельность этнических партий. Такой запрет основывается на предположении, что такие партии по своей природе являются деструктивными политическими организациями. Подобная аргументация была положена в основу решения запретить этнические партии в Болгарии в 1991 году. Подобные запреты установлены в Афганистане, России, Турции и Ираке. Кроме того, как отмечают А. Бекер и М. Баседау, запрет на деятельность этнических партий законодательно оформлен в 22 стран южнее Сахары и стал одним из самых распространенных способов сдерживания деструктивных эффектов политизации этничности⁴²¹.

⁴²¹ Basedau M., Bogaards M., Hartmann C., Niesen P. Ethnic Party Bans in Africa: A Research Agenda // German Law Journal. – 2007. – Vol. 8. – № 6. – P. 633.

Э. Рабушка и К. Шепсле предложили одно из первых объяснений того, как этнические партии способствуют конфликтам в полиэтнических обществах. По их мнению, ключевая роль в этом принадлежит политическим элитам и организациям, которые они возглавляют. Этнические партии подрывают межэтническое сотрудничество, что неизбежно ведет к конфликтам и недемократическому политическому процессу⁴²². Обращение к этническим группам ведет к доминированию центробежного и разъединяющего взгляда на политику и общество. Это особенно негативно сказывается на новых демократиях, где демократические институты хрупкие и неустойчивые. В таких условиях мирная этническая конкуренция может легко перерасти в серьезный этнический конфликт. Причина этого заключается в том, что соревнование за голоса избирателей предполагает этническую мобилизацию и политизацию этничности. Этнические партии борются за голоса этнической группы, используя конфронтационную риторику, разделяя общество на «мы» и «они».

Кроме того, этнические партии усиливают межэтническую напряженность, соединяя партийную политику с культурными расколами, что ведет к маргинализации этнических меньшинств. Как следствие этнические меньшинства могут прибегать к недемократическим или насильственным средствам для того, чтобы сопротивляться доминирующей этнической группе. К тому же взгляд на политический процесс через призму этнической идентичности акторов существенно поднимает «ставки» в политической игре, доля участников игры на победителей и проигравших. В терминах теории игр такие игры будут называться антагонистическими или «игрой с нулевой суммой». Сама природа антагонизмов делает невозможным поиск компромиссов и усиливает вероятность конфликта, что в итоге угрожает стабильности демократии.

Исходя из аргументов, приведенных выше, можно заключить, что появление этнической партии говорит об усилении межэт-

⁴²² Rabushka A., Shepsle K. Politics in Plural Societies: A Theory of Democratic Instability. – NY: Macmillan Publishing Company, 1972. – P. 150

нической напряженности. Д. Горовиц отмечал, что обращение к электорату с помощью этнической риторики, этнические требования к правительству, поддержка шовинистических настроений внутри этнических групп, простое отражение этнических разделений партиями – все это помогает углублению и расширению этнических конфликтов. Политики и этнические партии создают этнические конфликты⁴²³.

С другой стороны, ряд исследователей выдвигают противоположный тезис о том, что этнические партии способствуют установлению *межэтнического мира и сотрудничества*. Сторонники такого подхода полагают, что появление этнических партий как формы политического представительства этнических групп содействует интеграции этнических субкультур в общенациональный политический процесс, создавая условия для межэтнического сотрудничества. Наличие возможности политического представительства этнических меньшинств и «открытость» политической системы облегчает интеграцию нелояльных групп в политическую систему, что ведет к смягчению требований этнических групп. Ф. Кохен утверждает, что чем шире политическая представленность этнической группы в политической системе, тем более группа чувствует свою «связанность» с существованием в ней: доступность политических институтов для этнического участия и создание более явных этнических размежеваний вовлекает этнические группы в менее интенсивный конфликт с использованием ненасильственных средств для изменения этнополитического статуса-кво⁴²⁴.

Ш. Строскейн утверждает, что этнические партии не являются причиной этнических конфликтов, поскольку они являются их следствием: этнические партии лишь отражают существующие общественные размежевания по этническим линиям⁴²⁵. Тем не

менее, этнические партии могут переводить политические требования этнических групп в более легальные формы политического участия, содействуя мирному, а не насильственному разрешению противоречий.

Иллюстрацией данного тезиса может служить случай Бельгии. Появление этнических партий стало следствием исторического разделения страны на два больших этноязыковых сообщества. Экономические отношения внутри Бельгийской федерации стали катализатором роста популярности этнорегиональных партий Фландрии, выступающих за рост бюджетной автономии их сообщества-региона. Бельгия является уникальным государством, где нет общенациональных партий. Каждая партия является региональной, однако лишь две партии Фландрии («Фламандский интерес» и «Новый фламандский альянс») выступают за автономизацию региона и являются в чистом виде этнорегиональными партиями. Изучая этнические партии на постсоветском пространстве, Дж. Ишияма и М. Бренинг показали, что появление этнических партий помогло включить в политический процесс те этнические группы, которые в ином случае оказались бы отчужденными от политики⁴²⁶.

Последние исследования, проведенные такими авторами как Й. Бирнер, К. Чандра, Д. Фирон и Д. Лейтин, содержат иной подход к анализу связи между этническими размежеваниями и конфликтами⁴²⁷. По их мнению, эта связь не является прямолинейной, существует большое количество вмешивающихся переменных. Следовательно, акцент необходимо сделать на анализе сути интересов этнических групп, их стратегий, особенностей коллективных действий.

⁴²⁶ Ishiyama J., Breuning M. *Ethnopolitics in the New Europe*. – NY: Lynne Rienner Publishers, 1998. – P. 179.

⁴²⁷ Birnir J. *Ethnicity and Electoral Politics*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – P. 210; Chandra K. *Ethnic Parties and Democratic Stability // Perspectives on Politics*. – 2005. – Vol. 3. – № 2. – P. 235–252; Fearon D., Laitin D. *Ethnicity, Insurgency, and Civil War // American Political Science Review*. – 2003. – Vol. 97. – № 1. – P. 89.

К. Чандра последовательно критикует подход, согласно которому этнические партии запускают «цепную реакцию» действий, ведущих к раскручиванию спирали этнического конфликта. Она утверждает, что этнические партии могут помочь поддержать устойчивость демократии, если у них будут институциональные стимулы соревноваться в нескольких идеологических электоральных измерениях, а не сосредотачиваться на этнической шкале⁴²⁸. Этнические партии, высказывающие свои позиции по экономическим, социальным, внешнеполитическим вопросам, касающимся всех граждан, а не только этнической группы, более включены в общенациональную конкурентную политику центростремительного характера и содействуют демократии и стабильности. В целом можно отметить, что такого рода институциональные решения принимаются в модели общественной демократии.

К схожим выводам пришла Й. Бирнер. По ее мнению, политизация этничности не обязательно ведет к насильственному конфликту⁴²⁹. Этническая идентичность сама по себе лишь фактор, определяющий политический выбор индивида. При формировании партий этническая идентичность может оказать стабилизирующее воздействие, помогая институционализировать партии. Этнические конфликты насильственного характера являются результатом институциональных факторов, таких как отчуждение этнических групп от доступа к исполнительной власти. Именно политическое отчуждение, а не политизация этничности ведет к насильственным конфликтам. При прочих равных этнические партии, которые Й. Бирнер называет «этническими аттракторами», предрасположены к использованию мирных средств для получения доступа к политической власти. Причина, по которой одни члены этнических групп выбирают мирную поддержку своих партий через механизмы электоральной политики, а другие вовлекаются в протестные движения и насильственные акции,

⁴²⁸ Chandra K. Ethnic Parties and Democratic Stability. – P. 235.

⁴²⁹ Birner J. Ethnicity and Electoral Politics. – P. 211.

заключается не в политизации этничности, а в запрете участия в распределении власти для некоторых этнических групп.

Количественное сравнительное исследование, проведенное Дж. Ишиямой подтвердило выводы Й. Бирнер. Опираясь на эмпирические данные 82 стран с 1985 по 2003 гг., исследовалась взаимосвязь между этническими партиями и интенсивностью этнического конфликта⁴³⁰. При этом этнический конфликт упрощенно делился на два типа – мирный протест и насильственные действия. Сравнительный анализ показал, что этнические группы, представленные этнической партией, сильнее вовлекаются в протестную деятельность, чем этнические группы, не имеющие соответствующих этнических партий. Этот вывод подтверждает тезис о том, что главная функция этнических партий – мобилизация своих сторонников.

С позиции общественной демократии в этнической мобилизации нет ничего плохого, поскольку это лишь одна из сторон мирной ненасильственной артикуляции интересов этнической группы. Кроме того, демократические режимы имеют более высокий уровень протестной активности. Открытость политической системы предоставляет большее число каналов для политической артикуляции интересов, в том числе через институт этнических партий. Однако было бы большим упрощением сказать, что этнические партии стимулируют и протестную активность, и межэтнические конфликты. Появление этнических партий является результатом существования в обществе размежеваний по этническим линиям. Этническая партия – это следствие этнического конфликта.

Эмпирический анализ, проведенный Дж. Ишиямой, показал, что появление этнической партии усиливает этническую мобилизацию, но не делает этнический конфликт более масштабным. Хотя этнические партии и повышают уровень этнической моби-

⁴³⁰ Ishiyama J. Do Ethnic Parties Promote Minority Ethnic Conflict? // Nationalism and Ethnic Politics. – 2009. – Vol. 15. – № 1. – P. 79.

лизации, не существует неизбежной связи между политизацией этничности и этническим конфликтом. Возможность доступа к исполнительной власти позволяет значительно снизить вероятность вооруженного конфликта. Из всех сторон модели общественной демократии именно создание «большой коалиции» создает самые значимые стимулы для предотвращения конфликтов.

На наш взгляд, этнические партии выступают как инструмент лидеров этнических групп, организационно оформляя политизацию этничности. С точки зрения неинституционального подхода, этнические партии обладают собственными интересами, которые могут и не совпадать с интересами этнической группы. Именно исходя из этой логики, исследователи, подчеркивающие опасность существования этнических партий, высказывают идею о том, что партии заинтересованы в сохранении конфликтности и межэтнической напряженности: чем глубже и интенсивнее размежевания по этническим линиям, тем выше востребованность этнических партий. Однако если рассуждать об этнополитике с точки зрения теории рационального выбора, очевидно, что конфликт – это наименее желательный исход политического процесса с большими издержками. Этнические партии скорее будут искать равновесие со стратегиями других политических акторов и для этого им будет необходим набор институтов, предлагаемых общественной моделью демократии. Насколько такой набор институтов будет приемлем для всех значимых политических акторов – вопрос, который выходит за рамки данной главы⁴³¹.

У непубличного характера принятия политических решений есть краткосрочное преимущество – высокий уровень управляемости общественными процессами и долгосрочный недостаток – накопление нерешенных общественных противоречий. В каком случае этнические партии смогут стать помощником в разрешении этнических противоречий? Позитивная роль этнических пар-

⁴³¹ Сидоров В.В. Этнические партии: демократический институт или причина этнических конфликтов? – С. 191–193.

тий проявляется только в консолидированной общественной демократии, где элиты имеют склонность к поиску консенсуса, а правительство формируется на принципах «большой коалиции», когда властные позиции и ресурсы распределяются между представителями значимых этнических групп. Этнические партии должны быть встроены в институциональный механизм сотрудничества элит и этнических групп, когда стимулы к сотрудничеству превышают стимулы к протесту и насилию. Нахождение подобного институционального равновесия и постоянный поиск компромиссов являются первостепенной задачей демократически ориентированных политиков в обществах, где несколько этнических групп претендуют на власть.

Сравнивая результаты теоретических и эмпирических исследований, в которых выяснялась взаимосвязь этнических партий, формы правления и этнических конфликтов, можно сделать следующие выводы.

Традиционное для политической науки противопоставление двух теоретических моделей *общественной и центристской демократии* не представляется продуктивным. А. Лейпхарт специально указал на ограничение применимости данной модели. Центристская модель, представленная Д. Горовицем подходит для большего числа государств и является более универсальным институциональным дизайном.

Обе модели подчеркивают важность сотрудничества элит. Различия заключаются в том, что в общественной демократии сотрудничество реализуется после выборов при формировании большой коалиции, а в центристской модели сотрудничество элит проявляется в формировании широких предвыборных коалиций. Сторонники центристской модели подчеркивают, что в идеале этнические интересы встраиваются в широкие партийные программы, содержащие проблемные вопросы разных идеологических измерений.

Разрешение или запрет на деятельность этнических партий могут менять логику функционирования форм правления в поли-

этнических государствах с демократическим режимом. И президентская, и парламентская система обеспечивают доступ этнических групп к исполнительной власти, однако разными способами. Теоретические и эмпирические исследования показывают, что именно сотрудничество элит при формировании исполнительных органов власти в любой форме правления ведет к устойчивому межэтническому миру. Эмпирические исследования взаимосвязи этнических партий и этнических конфликтов в целом подтверждают гипотезу о том, что нет прямой зависимости между этими переменными. Наиболее обоснованным является вывод о том, что этнический конфликт ведет к отчуждению этнических групп от доступа к исполнительной власти. Данный тезис имеет весомое подтверждение как с точки зрения теоретических аргументов, так и в свете эмпирической его проверки.

Глава 9

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Значимость политических институтов в условиях полиэтнического общества неоспорима, поскольку, как справедливо отмечается в литературе, тщательное проектирование политических институтов является необходимым условием достижения умеренного политического процесса, при котором этнические группы включались бы во власть⁴³². Такое проектирование форм правления осуществляется разными субъектами – отдельными государственными органами, правящими партиями и их руководством, политическими лидерами и влиятельными политиками.

Главное, чтобы такой субъект обладал возможностями для проектирования и реализации своего проекта на практике, что предполагает владение им властными ресурсами⁴³³. Если у субъекта нет властных ресурсов, то идея создания новой формы правления или внедрения новых институциональных элементов «повисает в воздухе». Так, если общественные деятели или ученые высказываются в пользу той или иной формы организации власти в разделенном обществе, то их предложения не станут ре-

⁴³² Wolff S. Electoral-Systems Design and Power-Sharing Regimes. – P. 73.

⁴³³ Зазнаев О.И. Форма правления как политический проект: от разработки до реализации // Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций. Материалы X Международной научной конференции. Ч. 1. – М.: ЛЕНАНД, 2013. – С. 35.

ализованным проектом до тех пор, пока правящая элита не будет заинтересована в институциональном переустройстве. Главным мотив элиты – стремление добиться смягчения и урегулирования этнических конфликтов может появиться либо в силу внутренних «пружин» (сложность контролировать ситуацию, желание сохранить свою власть в безопасных и комфортных условиях), либо под давлением мирового сообщества, других государств, действовавших в процессе мирного урегулирования конфликтов. Кроме того, «нужна еще политическая воля, чтобы плодотворно использовать создаваемые институциональные условия...»⁴³⁴.

Одной из особенностей современной социальной практики является «*проектное мышление*»⁴³⁵. Проектный подход применяется в разных областях жизни – в технике, бизнесе, менеджменте, социальной сфере, государственном управлении, образовании и др. Общемировая тенденция расширения социального и политического проектирования затронула и такой элемент государственной системы как форма правления. Страны, перед которыми встает задача выбора формы правления, а также страны, недовольные существующей у них формой правления, идут на «эксперименты», разрабатывая и реализуя новые проекты организации государственной власти.

Проектирование формы правления имеет место далеко не везде. Некоторые государства негативно относятся к *нововведениям в формах правления*. Можно выделить три группы стран с разными стратегиями по отношению к инновациям. Первую группу составляют государства, проявляющие безразличие к форме правления. Страны с ярко выраженной бонапартистской традицией, в которых установилась система президентского абсолютизма, заботятся

⁴³⁴ Фарушкин М.Х. Этничность и федерализм. – Казань: Центр инновационных технологий, 2013. – С. 326.

⁴³⁵ См., например: Simon H. The Sciences of the Artificial. – Cambridge: MIT Press, 1969; Штомпф Г. «Проектное мышление» – это не о размышлениях, а о действиях // Проблемы управления в социальных системах. – 2012. – № 6. – С. 68–72.

не о характере взаимоотношений между государственными институтами, а о создании и поддержании персоналистских или военных режимов. Хотя в литературе эти государства часто называют «суперпрезидентскими республиками», на самом деле прямой и грубый диктат со стороны лидера не позволяет утверждать о республиканизме и президентализме подобных систем. Здесь нет места ни каким-либо традициям правления, ни конституционному творчеству, которое лежит в основе проектирования форм правления.

Вторая группа государств придерживается традиций. Эти страны излишне консервативны, ценят существующую у них форму правления и не хотят ничего в ней менять. Как нельзя лучше под эту категорию подпадают традиционные абсолютные монархии. Они не предпринимают никаких шагов по изменению существующей формы правления, и поэтому о проектировании здесь говорить не приходится.

Наконец, в третью группу входят государства, идущие на изменение своих форм правления. Так, на протяжении двух столетий Франция «экспериментировала» практически со всеми известными формами правления: здесь имели место дуалистические монархии (монархия Бурбонов; июльская монархия Луи Филиппа), авторитарные монархии (Первая и Вторая империи), конституционная монархия (1789–1792 гг.), парламентские республики (Первая, Третья и Четвертая Республики), республика, построенная на жестком разделении властей, близкая американскому образцу (Вторая Республика), полупрезидентская республика (Пятая Республика).

Проектирование формы правления может проходить революционно или эволюционно. Революционный способ смены формы правления (от монархии к республике, от республики к монархии, от президентской к парламентской системе, от парламентской к президентской) в отличие от эволюционного в мировой практике встречается не так часто. Дело в том, что страны являются заложниками своего начального выбора: в устойчивых системах, имеющих стабильные институты с длительной историей, изменить

существующую форму правления на новую чрезвычайно сложно. Велика сила инерции, несмотря на то, что действующая форма правления остро критикуется. Так, в ряде европейских стран под огнём критики находится парламентская система за правительственную нестабильность, однако проекты по ее изменению не внедрены в жизнь. Недовольство президентской республикой в Латинской Америке также не привело к смене формы правления: лишь Бразилия пыталась создать у себя парламентскую республику вместо президентской, но безуспешно.

Дело в том, что срабатывает так называемый эффект «клейкости» институтов: чтобы изменить институт, нередко приходится менять институты более высокого порядка, что может оказаться невозможно в данной ситуации⁴³⁶. Резкая смена формы правления сопряжена с конституционными поправками, что требует квалифицированного большинства в парламенте или проведения громоздкой процедуры референдума. Кроме того, сохранение статуса-кво выгодно определенным акторам, и изменение институтов требует больших затрат⁴³⁷.

На проектирование формы правления можно взглянуть под углом зрения разных институциональных подходов – исторического институционализма, теории рационального выбора и социологического институционализма. Основная идея исторического институционализма заключается в том, что первоначальный выбор оказывает глубокое воздействие на все последующие политические решения, и ключевым понятием этого научного течения является «траектория предшествующего развития» (*path dependency*) институтов⁴³⁸. Поэтому проектирование форм прав-

⁴³⁶ Панов П.В. Институционализм рационального выбора: потенциал и пределы возможностей // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С.В. Патрушева. – М.: ИСП РАН, 2006. – С. 58.

⁴³⁷ Там же. – С. 58–59.

⁴³⁸ Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. – С. 35.

ления у исторических институционалистов ограничено институциональным наследием, и акторы не свободны в своем выборе.

В литературе замечено, что влияние истории и культуры на выбор формы правления сводится к следующему: монархические страны, в которых не было революций, медленно передавали власть от короны к парламенту, превратившись в итоге в парламентские монархии; страны, в которых монархия была ликвидирована (Франция, Германия), и колонии (США, Латинская Америка), которые восстали против метрополий-монархий, заменили власть монарха на власть президента; страны, которые получили независимость после Второй мировой войны, обычно воспринимали парламентские системы своих бывших метрополий⁴³⁹.

Теория рационального выбора позволяет прийти к выводу о том, что нет проектирования новых форм правления там, где акторы полагают, что существующие институты дают больше выгод, нежели потеря⁴⁴⁰. С другой стороны, инструментальное использование институтов акторами предоставляет возможность для творческого простора: если новая форма правления дает больше выгод, нежели издержек и решает проблемы политики, то такая форма проектируется и реализуется на практике.

Что касается социологического институционализма, то институты (под которыми понимаются не только нормы и правила, но и культура) выступают решающими посредниками между индивидом и миром, позволяют людям понимать смысл того, что делают они сами и другие. Создание формы правления происходит под влиянием случайных резких изменений из-за новых событий или новых интерпретаций событий, и проектированию формы правления предшествует когнитивный процесс мифологизации этих событий⁴⁴¹.

⁴³⁹ Przeworski A., Alvarez M., Cheibub J.A., Limongi F. What Makes Democracies Endure? // Journal of Democracy. – 1996. – Vol. 7. – № 1. – P. 47.

⁴⁴⁰ Understanding European Union Institutions / ed. by A. Warleigh. – L.; N.Y.: Routledge, 2002. – P. 8–9.

⁴⁴¹ Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. – С. 36–37.

Что же следует понимать под проектом формы правления? Любой социальный проект – это «сконструированное инициатором проекта социальное нововведение»⁴⁴². *Проект формы правления* представляет собой нечто новое во взаимоотношениях государственных институтов. На наш взгляд, возможны два взгляда на нововведения в формах правления – узкий и широкий. *Узкий взгляд* заключается в том, что переход к уже известным в мировой практике системам – «чистой» президентской, «чистой» парламентской, «чистой» полупрезидентской и пр.⁴⁴³ не может быть предметом проектирования. Проектирование форм правления – это создание новых систем, прежде нигде не апробированных. Здесь можно провести аналогию с архитектурой: проект типового здания, строго говоря, не является проектом, так как не содержит ничего нового, а проект оригинального здания вполне претендует на статус проекта, поскольку в нем хорошо просматривается новизна.

Широкий взгляд сводится к тому, что под проектированием формы правления понимается деятельность по созданию институционального «каркаса», который является новым для *данной* страны и *данного* контекста. Например, к такому проекту мог бы быть отнесен гипотетический проект перехода Великобритании или Канады (которые всегда были парламентскими) к президентской системе, «растиражированной» в мире многократно. Импорт формы правления из политической практики стран мира не есть простое «клонирование»⁴⁴⁴, ведь смысл такого заимствования заключается в установлении более эффективных институтов, более оптимальной модели взаимоотношений между ветвями государственной власти. Каждая страна, копирующая ту или иную

⁴⁴² Луков В.А. Социальное проектирование: учеб. пособие. – 7-е изд. – М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та: Флинта, 2007. – С. 36.

⁴⁴³ Ж.-Э. Лейн назвал такое заимствование «конституционным плагиатом». См.: Lane J.-E. Constitutions and Political Theory. – P. 196.

⁴⁴⁴ Панов П.В. Институционализм рационального выбора: потенциал и пределы возможностей. – С. 69.

форму правления, вносит пусть незначительные, но собственные элементы. Следовательно, создание форм правления на базе импортированных образцов в условиях конкретной страны можно считать проектированием.

Целью проекта формы правления является реализация представлений об идеальной системе, опирающейся на политико-правовые ценности. Такой проект положительно воздействует на политическую систему, государство, других политических акторов, общество в целом, имеет пространственно-временные и ресурсные границы.

В основе проектирования формы правления лежат *ценности и идеалы*, выступающие ориентирами проектной политики государства и других политических акторов. Некоторые ценности носят общий характер (монархизм, республиканизм, выборность, сменяемость и др.), другие – вполне конкретны (например, формирование правительства по результатам общенациональных выборов в парламент). Проект новой формы правления обречен на провал, если не согласуется с доминирующими в обществе ценностями. Проект также должен соответствовать *идеальным представлениям* о форме правления. В последние десятилетия дискуссия об идеальной форме правления усилилась в связи необходимостью выбора той или иной модели власти в постсоциалистических и поставторитарных странах⁴⁴⁵.

Кроме ценностей и идеалов, «дизайнеры» формы правления должны учесть специфику доминирующих стереотипов общественного сознания и особенности политической культуры. Например, в большинстве постсоциалистических стран распространены стереотипы о необходимости сильной президентской власти и о том, что наиболее подходящей формой правления для трансформирующихся систем является президентская республика. Принято считать, что России нужна сильная президентская власть, способная обеспечить ей политическую стабильность и

⁴⁴⁵ См. подробнее об этом: Зазнаев О.И. Современная дискуссия о лучшей форме правления.

управляемость, а потому любой проект парламентской формы правления или формы правления с сильными парламентскими чертами в нашей стране не будет реализован.

Предметами проектирования формы правления являются:

а) принципиально новые формы правления, например, проект создания Веймарской республики стал первым проектом полупрезидентской системы, которая позже получила относительно распространение в мире⁴⁴⁶;

б) необычная комбинация известных черт формы правления, которая ведет к появлению смешанных форм правления, причем смешение черт «чистых» форм может носить причудливый характер⁴⁴⁷;

в) новая форма правления, прежде в конкретной стране не имевшая место, или новые черты формы правления, которые в этой стране прежде отсутствовали.

Субъектами проектирования формы правления могут быть государство и его органы, политические партии, отдельные лидеры и политики. У субъекта должны быть возможности для проектирования, а также способности к самостоятельному осуществлению проекта. Этим признакам отвечает государство, а также партия, пришедшая к власти. Если субъект проектирования не обладает необходимыми властными ресурсами, то можно говорить лишь об идее проекта, но не о самом проекте. Скажем, политики, ученые и общественные деятели часто высказываются по поводу необходимости смены формы правления, однако такого рода суждения нельзя считать проектом.

Крупный итальянский и американский политолог Дж. Сартори был убежден в преимуществах полупрезидентской системы⁴⁴⁸

⁴⁴⁶ Сегодня пятая часть государств мира может быть отнесена к полупрезидентской системе.

⁴⁴⁷ См. подробнее об этом: Зазнаев О.И. Смешанные формы правления, или Как масло соединяется с водой // Полис. Политические исследования. – 2005. – № 4. – С. 158–171.

⁴⁴⁸ См.: Sartori G. Comparative Constitutional Engineering. – P. 137.

и предлагал перейти к ней в парламентской Италии. В 1997 году состоялись слушания подкомитета по форме правления парламентского комитета по конституционной реформе, на заседании которого Сартори отстаивал свою точку зрения. Несмотря на авторитет ученого, его идея не была поддержана. К тому же, как пишет К. фон Байме, Италия дискредитирует институциональную инженерию, поскольку такой лидер, как С. Берлускони, несколько раз менял свое мнение по поводу реформы формы правления в стране и всякий раз при этом ссылался на экспертные оценки⁴⁴⁹. Таким образом, проектирование формы правления – это работа не столько ученых-теоретиков, сколько практиков, имеющих ресурсы для этого.

В литературе говорится, что любой социальный проект проходит в своем развитии «жизненный» цикл, состоящий из ряда **фаз**: разработка проекта, оценка его жизнеспособности (диагностика, прогнозирование и экспертиза) и реализация проекта⁴⁵⁰. Поскольку «внедрение» формы правления возможно лишь путем принятия политических решений, то, следуя периодизации процесса принятия государственно-управленческих решений С. Сулакшина⁴⁵¹, «жизнь» такого проекта складывается из четырех стадий: 1) политический выбор цели или ценностное целеполагание; 2) собственно стадия проектирования, которую можно обозначить, на мой взгляд, как стадию разработки проекта; 3) стадия принятия политического решения (народом на референдуме, парламентом, главой государства и др.); 4) стадия реализации политического решения.

«Жизненный» цикл проекта формы правления начинается с идеи введения той или иной формы правления или ее компонен-

⁴⁴⁹ Beyme K. von. Institutional Engineering and Transition to Democracy // Democratic Consolidation in Eastern Europe. Vol. 1. Institutional Engineering / ed. by J. Zielonka. – Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2001. – P. 15.

⁴⁵⁰ Луков В.А. Социальное проектирование. – С. 93–94.

⁴⁵¹ Сулакшин С. Системная методология проектирования государственно-управленческих решений // Власть. – 2006. – № 5. – С. 10.

тов и завершается ликвидацией проекта, когда созданные в результате реализации проекта отношения «живут своей жизнью» и не нуждаются ни в поддержке, ни в контроле над их соответствием идеалу.

Однако «судьба» проектов формы правления не одинакова.

1. Успешная реализация проекта.

Поставив диагноз «болезни» французской Четвертой Республики и опираясь на знания процессов принятия решений в Америке и Швеции⁴⁵², исследователи предложили Шарлю де Голлю необычную для того времени форму правления (получившую впоследствии название «полупрезидентская республика»), выдержавшую испытание временем.

2. Проект «на бумаге».

В середине 1960-х гг. в Нидерландах социал-либеральная партия «Демократы-66» выступила с необычным проектом пересмотра формы правления в стране, предлагая ввести прямые всеобщие выборы премьер-министра и установить более тесные связи между избирателями и членами парламента. По мнению авторов проекта, конфликт между легислатурой и правительством такой системе не грозит, а, значит, доверие парламента не нужно, поскольку «кабинет и парламента, каждый в отдельности, будут иметь свои собственные задачи, которые они чаще всего будут осуществлять, взаимно сотрудничая друг с другом»⁴⁵³. Предусматривалось сохранение монархии, однако, по мнению демократов, глава государства не должен принимать участия в формировании кабинета. Эти идеи выдвигаются партией на протяжении почти 50 лет⁴⁵⁴, но о практическом их воплощении речи не идет.

⁴⁵² Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. – М.: Соц.-полит. журн., 1994. – С. 19.

⁴⁵³ Gruijters J.P.A. The Case for a Directly Elected Prime Minister in the Netherlands // *Parliamentary versus Presidential Government* / ed. by A. Lijphart. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – P. 192.

⁴⁵⁴ D66. URL: <http://www.democrats.nl/> (дата обращения 28.11.2021).

3. Крах проекта на практике или отказ от него как ошибочного.

Как верно отмечает П. Пирсон, «институты могут быть неэффективны, потому что дизайнеры делают ошибки»⁴⁵⁵. Многие страны, нашедшие для себя лучшую форму правления, с течением времени понимают, что их выбор не идеален. В литературе замечено, что процесс институционального поиска проходит три стадии: сначала обнаруживается крайне привлекательная форма правления – некий «сюрприз», затем возникает надежда, но завершается всё разочарованием⁴⁵⁶.

Так, в Израиле в 1992 году был принят Основной закон о правительстве, который содержал революционную новацию о прямом избрании премьер-министра народом. Сторонники этого проекта приводили ряд аргументов в защиту этой затеи⁴⁵⁷. Израиль оказался первым и пока единственным государством, где на практике в течение пяти лет реализовывалась эта идея. Однако, по мнению многих аналитиков, опыт избрания прямым голосованием премьер-министра «оказался в целом негативным, и, как результат, страна вернулась при организации государственной власти к прежней классической системе парламентаского типа»⁴⁵⁸. Вопреки ожиданиям нестандартная система не привела ни к повышению эффективности функционирования органов государственной власти, ни к прекращению непрерывных межпартийных торгов, скандалов и непрерывной парламентаской лихорадки, ни к сокращению зависимости премьер-министра от мелких фракций.

4. Получение результатов проекта, отличных от ожидаемых («гримасы» проекта).

Социальные проекты, которые носят конкретный характер, нетрудно оценить с точки зрения их эффективности и соответ-

⁴⁵⁵ Цит. по: Панов П. Институционализм рационального выбора: потенциал и пределы возможностей. – С. 56.

⁴⁵⁶ Colton T.J., Skach C. The Russian Predicament. – P. 113.

⁴⁵⁷ См. подробнее: Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. – С. 153–161.

⁴⁵⁸ Там же. – С. 236.

твия идеалу: «Если мы собираемся строить здание, то в итоге будет построено здание. Если мы создаем организацию, то проект закончится появлением организации»⁴⁵⁹. В политике реализация проектов форм правления может привести к неожиданным, а порой – противоположным результатам. Если перефразировать слова бывшего Новгородского губернатора М. Пруссака (по поводу партии «Единство») о том, что хотели создать очередную партию, а получилось, как всегда, КПСС, то можно сказать, что во многих постсоветских странах хотели создать полупрезидентскую форму правления, а получилась система с сильными президентскими чертами. Причина тому – господство авторитарной культуры среди политических элит и масс.

Кроме того, один проект может в разных странах привести к разным результатам. Так, в Боливии было создано необычное для президентских республик правило: если на всеобщих президентских выборах ни один из кандидатов не получает абсолютного большинства голосов, то президент и вице-президент (раздельно) избираются обеими палатами конгресса из двух кандидатов (до 1994 года – из трех), лидировавших на всеобщих выборах. Аналитиками подмечено, что в Боливии демократия победила отчасти благодаря тому, что факт избрания президента конгрессом послужил стимулом к формированию дееспособной коалиции большинства, и такая коалиция смогла реализовать программу макроэкономической стабилизации, покончившей с ростом гиперинфляции в Боливии⁴⁶⁰.

Однако то, что для Боливии стало «плюсом», для Чили обернулось «минусом». Президентские выборы 1970 года (в Чили в тот период президент избирался конгрессом, если ни один из кандидатов на общенациональных выборах не набирал абсолютного большинства голосов) привели к образованию коалиции между

христианскими демократами и левыми, лидером которых был социалист С. Альенде. Однако затем христианские демократы перестали поддерживать С. Альенде, но он сохранил свой пост. Правительство стало нежизнеспособным. Выходом из тупиковой ситуации мог бы стать импичмент президента в случае победы оппозиции на выборах в конгресс или проведение правительственной программы через парламент в случае победы пропрезидентских сил. Однако ни того, ни другого не произошло, и конфликт завершился в 1973 году пиночетовским путчем⁴⁶¹.

Проектирование формы правления в условиях полиэтнического общества заключается, прежде всего, в создании **атипичных форм правления и внедрении атипичных элементов типичных форм правления.**

Создание необычных конструкций власти преследует цель отразить основные интересы этнических групп разделенного общества и сформировать механизмы бесконфликтного существования. Как справедливо подчеркивает Д. Горовиц, «общества, раздираемые этническими или религиозными конфликтами, нуждаются в каких-либо специальных институтах, которые помогли бы смягчить их проблемы»⁴⁶².

Выделим атипичные институты президентской и парламентской систем, которые создаются в полиэтнических обществах⁴⁶³.

А) *Коллективное президентство.* Как известно, Швейцария имеет коллективное президентство. Правительство Швейцарии является коллегиальным органом исполнительной власти (коллективным «президентом»), которое, будучи избранным, как и президент в президентской республике, не может быть отпавле-

⁴⁶¹ Valenzuela A. Latin America: Presidentialism in Crisis // Journal of Democracy. – 1993. – Vol. 4. – № 4. – P. 13.

⁴⁶² Horowitz D. Constitutional Processes and Democratic Commitment. – New Haven and L.: Yale University Press, 2021. – P. ix.

⁴⁶³ Более подробно об этом см.: Зазнаев О.И., Сидоров В.В. Президентская или парламентская система: что препятствует этническому конфликту? – С. 290–308.

⁴⁵⁹ Луков В.А. Социальное проектирование. – С. 93.

⁴⁶⁰ Valenzuela A. Latin America: Presidentialism in Crisis // Journal of Democracy. – 1993. – Vol. 4. – № 4. – P. 13.

но в отставку. Принцип коллегиальности правительства зафиксирован конституционно, все члены правительства равны между собой и по очереди каждый из них возглавляет кабинет. Швейцария характеризуется высоким уровнем межэтнического согласия и отсутствием конфликтов⁴⁶⁴.

Другой пример атипичной формы правления, где существует коллективное президентство, – это Босния и Герцеговина. Здесь президентство (Президиум) состоит из трех человек – мусульманина, серба и хорвата, каждый из которых избирается населением на прямых выборах (избиратели Федерации Боснии и Герцеговины выбирают хорвата и мусульманина, а избиратели Республики Сербской – серба). Во главе Президиума стоит Председательствующий, занимающий эту должность лишь восемь месяцев, затем он меняется по ротации⁴⁶⁵. В литературе отмечается, что общественная система Боснии и Герцеговины, включая коллективное президентство, внесла вклад в прекращение насилия и установление долговременного мира в стране⁴⁶⁶.

Можно упомянуть еще два случая коллективного президентства. Один из них – гипотетический предложен для Кипра Организацией Объединенных Наций в плане Кофи Аннана в 2004 году. Другой случай – Северная Ирландия, где с 1999 года исполнительную власть возглавляет Первый министр и заместитель Первого министра, которые формально равны по полномочиям и не могут быть смещены простым большинством голосов легислатуры⁴⁶⁷, что является признаком президентской системы.

⁴⁶⁴ Более подробно об этом см.: Зазнаев О.И., Сидоров В.В. Президентская или парламентская система: что препятствует этническому конфликту? – С. 296.

⁴⁶⁵ Там же.

⁴⁶⁶ Кудряшова И.В. Этнополитическая гомогенизация под международным контролем: Босния и Герцеговина и Косово // Политическая наука: Формирование государства в условиях этнокультурной разнородности. – 2010. – № 1. – С. 100–137.

⁴⁶⁷ McGarry J. Is Presidentialism Necessarily Noncollegial?

Таким образом, как верно отмечается в литературе, такие проблемы президентской системы, как нулевой (*zero-sum*) характер президентских выборов, неколлегиальная природа исполнительной власти и относительно низкая вероятность создания коалиций, «могут быть разрешены путем коллективного (или консенсусного) президентализма или полупрезидентализма»⁴⁶⁸, которые позволяют включать этнические группы во власть в политических ситуациях.

Б) Президентство с независимым и сильным вице-президентом (вице-президентами)⁴⁶⁹. Конституцию Кипра 1960 года можно определить как президентскую, однако наряду с должностью президента, которую занимал грек-киприот, была предусмотрена должность вице-президента, зарезервированная для турка-киприота. Как президент, так и вице-президент могли назначать министров кабинета, и каждый из них обладал правом вето на определенные решения исполнительной власти и на решения легислатуры. В литературе этот режим назвали «вице-президентским»⁴⁷⁰. Необычность кипрской конструкции заключалась в праве каждого из двух политиков блокировать действия другого, что приводило к тупиковым ситуациям. Поэтому эту систему нельзя назвать коллективным президентством, так как решения не принимаются тут коллегиально⁴⁷¹.

Временный административный закон Ирака предусматривал наряду с президентом создание должностей двух вице-президентов, которые обладали правом вето на законы. Но окончательно в Конституции Ирака была создана другая система власти. В рамках всеобъемлющего мирного соглашения 2005 года Судан провел эксперимент с учреждением должностей президента, первого вице-президента и вице-президента, однако он не увенчался успехом.

⁴⁶⁸ McGarry J. Is Presidentialism Necessarily Noncollegial? – P. 96.

⁴⁶⁹ Термин Д. Макгарри: McGarry J. Is Presidentialism Necessarily Noncollegial? – P. 95.

⁴⁷⁰ Ibid.

⁴⁷¹ Зазнаев О.И., Сидоров В.В. Президентская или парламентская система: что препятствует этническому конфликту? – С. 297.

Таким образом, институт президентства с независимым и сильным вице-президентом (вице-президентами) оказался неработающим. Мы установили, что «возможность блокирования решений президента со стороны вице-президентов в условиях эскалации этических конфликтов создает предпосылки для системного кризиса, не формирует стимулов для взаимных уступок и создания атмосферы доверия»⁴⁷².

В) *Сильное президентство в условиях парламентской системы.* В Ливане сформирована система с сильным президентом (эту должность может занимать только христианин-маронит, в то время как премьер-министр должен быть суннитом, а спикер парламента – шиитом), который не избирается народом (как обычно избирается сильный президент), а получает свою должность путем его избрания в парламенте или голосования по продлению полномочий. В связи с этим вряд ли правомерно определять Ливан как «парламентскую демократическую республику», как это делает конституция. В литературе такую форму правления называют президентской системой за исключением того, что президент избирается парламентом, а не избирателями⁴⁷³ и «квазипрезидентской системой»⁴⁷⁴, что также представляется сомнительным. М.С. Шугарт и Дж. Кэри верно полагают, говоря о том, что режим близок парламентскому, но, строго говоря, таковым не является, а представляет собой промежуточный режим⁴⁷⁵. Таким образом, наличие сильного президентства в условиях функционирующего во многом по законам парламентаризма режима создает атипичную систему, одной из причин которой является

⁴⁷² Зазнаев О.И., Сидоров В.В. Президентская или парламентская система: что препятствует этническому конфликту? – С. 298.

⁴⁷³ Lijphart A. Presidentialism and Majoritarian Democracy: Theoretical Observations. – P. 93.

⁴⁷⁴ Цит по: Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. – С. 185.

⁴⁷⁵ Shugart M. S., Carey J. M. Presidents and Assemblies. Constitutional Design and Electoral Dynamics. – P. 80, 163.

стремление отразить во власти интересы разных конфессий и этнических групп⁴⁷⁶.

Итак, атипичные институты в условиях президентской и парламентской системы, в которых представители этнических групп занимают должности, разнообразны и направлены на расширения этнического представительства и сокращения рисков конфликтов на этнической почве. Мы полагаем, что «среди необычных вариантов институционального устройства именно коллективное президентство и сильное президентство в условиях парламентской республики являются предпочтительными вариантами, в то время как иные конструкции, построенные по принципу блокирования решений представителей этнических групп, не прошли проверку временем во время эскалации этнических конфликтов»⁴⁷⁷.

⁴⁷⁶ Зазнаев О.И., Сидоров В.В. Президентская или парламентская система: что препятствует этническому конфликту? – С. 298.

⁴⁷⁷ Там же.

Глава 10

НЕРЕШЕННЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ИЗУЧЕНИИ ВЗАИМОСВЯЗИ ФОРМ ПРАВЛЕНИЯ И ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

При поиске ответа на вопрос о факторах и причинах возникновения этнических конфликтов исследователи сталкиваются с классическими проблемами проведения сравнительного политологического исследования. Чтобы объяснить «пружины» этнических конфликтов, необходимо проанализировать большое число случаев, сравнив их между собой. Только тогда возможно создание теории этнического конфликта, претендующей на всеобщность и универсальность. Однако реальный мир этнической политики диктует исследователям свои правила.

Этнические конфликты разнообразны, и попытка объяснить их единым набором факторов представляет сложную научную задачу. Не просто сравнивать этнические конфликты непосредственно друг с другом, поскольку они столь различны. Например, этнический конфликт в Бельгии характеризуется отсутствием насилия, в то время как в Каталонии мы наблюдали разгон полицией массовых акций протеста, а на Шри-Ланке этнический конфликт перерос даже в гражданскую войну. Существенно различается исторический, географический, социально-экономический, религиозный и культурный контекст, в котором возникают и развиваются этнические конфликты. **Проблема сравнимости** этнических конфликтов связана не только с концептуализацией самого понятия «этнический конфликт», но и с **проблемой измерения**. Пытаясь операционализировать этнические конфликты,

исследователи сталкиваются с нехваткой данных, отсюда возрастает риск субъективных оценок.

Исследователи могут использовать различные стратегии сравнительного исследования этнических конфликтов – стратегию наибольшего сходства или стратегию наибольшего различия, то есть делать акцент либо на общем, либо на особенном и единичном. Наибольшую ценность, на наш взгляд, представляет выявление общего в политике, поскольку это позволяет установить каузальные связи и закономерности политической жизни, опираясь на эмпирический опыт.

Каждому исследователю приходится делать нелегкий выбор между противоположными исследовательскими возможностями и выходить из сложной ситуации, в которую он попадает в связи с использованием сравнительного метода. Возникающие в процессе проведения сравнительного исследования проблемы не имеют простого решения. Здесь уместно вспомнить Дж. Сартори, который разделил всех исследователей («мыслителей») на три группы – несознательные, сознательные и сверхсознательные⁴⁷⁸. Применительно к предмету нашего разговора *несознательный исследователь* – это тот, кто не задумывается над тем, что существуют затруднительные дилеммы, а потому выбор альтернатив делается случайно и необдуманно. Сознательный ученый «осознает» все сложности вариантов (поскольку хорошо подготовлен теоретически и методологически) и останавливается на одном из них, аргументируя свою позицию. Сверхсознательный исследователь осознает проблемы больше, чем нужно: он понимает все плюсы и минусы каждой альтернативы в паре, четко отдавая себе отчет в том, что лучшего решения не существует, и какой бы выбор ни был сделан, это будет выбор плохого из худшего.

При сравнительном исследовании этнических конфликтов и их связи с политическими институтами (в том числе и формой правления) возникают методологические дилеммы, которые необходимо решить исследователю. Рассмотрим их подробнее.

⁴⁷⁸ Сартори Дж. Искажение концептов в сравнительной политологии (I). – С. 67.

1. Исследователи сталкиваются, прежде всего, с дилеммой «**мало случаев – много переменных**», которую компаративисты считают центральной для сравнительных исследований⁴⁷⁹. Для нашего исследования эту проблему можно сформулировать так: мало случаев схожих этнических конфликтов – много факторов (переменных), влияющих на конфликты. Мы ограничены небольшим количеством случаев, которые можно включить в исследование, тогда как число объясняющих переменных значительно больше. Поэтому возникает необходимость увеличения числа случаев для того, чтобы полученные выводы были обоснованы. При этом нужно ограничить количество переменных в исследовании, выявив среди них наиболее значимые. Это непростая задача, поскольку, как мы говорили выше, у этнического конфликта много «родителей» – исторические, культурные, социально-экономические, ментальные, геополитические, институциональные и прочие факторы.

2. Дилемма «**сравнивать – не сравнивать**». Безусловно, сравнительный метод обладает многими достоинствами. Благодаря нему можно глубже познать мир политики, объяснить происходящее с помощью понятий и теорий, сделать смелые предположения, подтвердить или опровергнуть гипотезы, оценить происходящее в своей стране и за рубежом, лучше понять содержание политических институтов и процессов в разных странах, адекватно использовать позитивный иностранный опыт, предостеречь от ошибок в политике и предвидеть будущее. В политологии существуют проблемы, решить которые нельзя, не прибегая к сравнению. Сравнение выступает мощным «орудием» анализа политической действительности⁴⁸⁰.

Однако, несмотря на свои преимущества, сравнительный метод должен применяться адекватно той проблеме, которую на-

мерен решать исследователь. Типичной ошибкой является проведение «сравнения ради сравнения»: молодые исследователи выбирают темы своих работ, исходя не из необходимости решения некоей проблемы, а из соображений удобства случаев (стран) для объекта анализа.

При анализе этнических конфликтов можно отказаться от сравнительного метода и попытаться построить теорию, опираясь на исследование одного случая. Такая стратегия позволит выявить причины этнического конфликта в отдельном случае, а затем применить полученные выводы для построения гипотез при исследовании других случаев. Такой подход в сравнительной политологии называют сравнительно-ориентированным исследованием случая.

3. Дилемма «**теоретическая сторона – эмпирическая сторона исследования**». Если акцент делается на эмпирической стороне (т.е. случаях), то детально описываются политические феномены в одной или нескольких странах, при этом все они подпадают под некую широкую категорию, например, изучаются конкретные этнические конфликты в постсоветских государствах. Если же основное внимание уделяется выяснению взаимосвязи между переменными и объяснению такого взаимодействия, то случаи отходят на задний план, например, выявляется воздействие формы правления на этнические конфликты⁴⁸¹.

Сравнительная политология подобна «двуликому Янусу»: одной стороной она обращена к кейсам, эмпирике, конкретным политическим системам, а другой – к теории, обобщающим моделям, которые создаются в результате сравнения. Если теория довлеет над эмпирикой, то исчезает само сравнение. Если эмпирика довлеет над теорией, то мы не можем объяснить политику, не можем выявить закономерности. Есть даже специальный термин – «ползучий эмпиризм», означающий изучение отдельных фактов и явлений без

⁴⁷⁹ Ильин М.В. Основные методологические проблемы сравнительной политологии // Полис. Политические исследования. – 2001. – № 6. – С. 143.

⁴⁸⁰ Зазнаев О. И. Дилеммы сравнительной политологии // Гуманитарные исследования на Урале и социальная практика: Материалы Всеросс. науч. конф. – Екатеринбург: Изд-во АМБ; ИИиА УрО РАН, 2010. – С. 126–132.

⁴⁸¹ Зазнаев О. И. Дилеммы сравнительной политологии // Гуманитарные исследования на Урале и социальная практика: Материалы Всеросс. науч. конф. – Екатеринбург: Изд-во АМБ; ИИиА УрО РАН, 2010. – С. 126–132.

вскрытия связей между ними, законов их развития и т.п. Поэтому, с одной стороны, создаваемые в сравнительной политологии так называемые теории среднего уровня не должны отрывать от кейсов (стран), а, с другой стороны, «страноведческий» подход должен давать возможность делать универсальные обобщения⁴⁸².

4. Дилемма **«упор на предмет исследования – упор на методы исследования»**. В сравнительной политологии сформировались две научные традиции – субстанционально-эмпирическая и методологическая. Первая традиция делает упор на изучении конкретных случаев без создания обобщающих теорий. Субстанционально-эмпирическое направление заключается в изучении отдельных стран в отрыве друг от друга, выявлении особенностей и отличительных черт разных политических систем. Это находит свое отражение в понимании сравнительной политологии как дисциплины, занимающейся исследованием политики зарубежных стран. Такая интерпретация встречается преимущественно в США и Великобритании, где специалистов по отдельным зарубежным политическим системам «записывают» в разряд компаративистов. В этом случае учебники по сравнительной политологии представляют собой набор глав, посвященных единичным странам, в которых глубоко анализируются отдельные политические системы без какого-либо сравнения друг с другом и концептуального обобщения.

Российские политологи, претендующие на применение сравнительного метода в своих исследованиях, нередко идут по простому пути последовательного описания стран одна за другой, фактически не проводя никакого сопоставления и сравнения. У нас издано немало книг, в которых дано хорошее описание отдельных этнических конфликтов, но без обобщения. Очевидно, что описание случаев «подряд» не может быть приравнено к сравнению их «друг с другом».

Методологическое направление в сравнительной политологии ориентировано на техники и процедуры проведения сравни-

тельных исследований. В научном сообществе нередко считается, что сравнивать явления между собой – простая процедура, не требующая особых знаний и навыков. Однако на самом деле сравнительный анализ должен быть подчинен особым законам, несоблюдение которых приводит к серьезным ошибкам и искажению результатов исследования.

В западной сравнительной политологии существует огромный пул литературы, посвященный тому, как правильно проводить сравнительное исследование. обстоятельно описываются правила сравнения, базирующиеся часто на логике и статистике. Большое внимание уделяется отбору кейсов, методикам измерения, определению индикаторов и другим сторонам исследования. В последние годы в американской сравнительной политологии появилось множество публикаций, в которых применяются сложные и научно-выверенные методы изучения. Результатом такой работы становится некая обобщающая теория, претендующая на универсальность. Однако на самом деле объяснительная сила такой работы не столь высока в силу того, что для исследователей главная цель – не поиск истины, а движение к ней.

В рамках субстанционально-эмпирического подхода имеет место стремление исследователя «не добегать» до предмета, коим является какая-то обобщающая модель, поскольку даже самый глубокий анализ конкретных кейсов не может претендовать на универсализм. Что касается методологического подхода, то исследователь здесь «убегает» от предмета своего изучения, поскольку для него главным является сам «бег». Следовательно, необходим синтез предмета и методов исследования, в том числе при изучении этнических конфликтов.

5. Дилемма **«мало случаев – много случаев»**. По сути, это дилемма между уровнем абстрагирования и диапазоном выбранных стран. Чем большее число стран включается в исследование, тем выше уровень абстрагирования, и, напротив, если упор сделан на одну или несколько стран, то уровень абстрагирования ниже. Например, сравнение множества стран по формам правления позво-

⁴⁸² См.: Ильин М.В. Основные методологические проблемы сравнительной политологии. – С. 143.

ляет использовать такие понятия, как президентская, парламентская и полупрезидентская системы. Сравнение стран Латинской Америки требует остановиться на более конкретном понятии президентской системы, так как страны этого региона являются президентскими. Наконец, возможна дальнейшая детализация понятия президентства с тем, чтобы учесть нюансы отдельной страны, такой, например, как США.

Анализ большого числа случаев с целью выявления общего неизбежно ведет к упрощению и неполноте объяснения. Исследователь попадает на «занзибарскую уловку»⁴⁸³, когда, построив общую модель этнических конфликтов для различных стран, на какой-нибудь конференции он сталкивается с экспертом по одной из этих стран, который утверждает, что на самом деле этнический конфликт там имеет совсем другие причины и все происходит совсем не так. Эксперт по стране обычно предлагает более детальное и в основном идиографическое объяснение⁴⁸⁴.

Описанные выше методологические проблемы со всей очевидностью говорят о том, что исследователям необходимо выбирать исследовательскую стратегию, исходя из фокуса исследования и предполагаемого результата. Мы можем с большой долей уверенности предположить, что глобальное кросс-национальное сравнение этнических конфликтов вряд ли может привести к однозначным выводам и выявлению универсальных объясняющих переменных. Большинство современных исследователей выбирают стратегию сужения исследовательского фокуса и сосредотачиваются на создании теорий среднего уровня. Для этого в первую очередь необходимо оперировать не глобальными кросс-национальными единицами сравнения, а спуститься на уровень региональных исследований.

⁴⁸³ Мэр П. Сравнительная политология: общие проблемы // Политическая наука: новые направления / под ред. Р.Гудина и Х.-Д.Клингеманна. – М.: Вече, 1999. – С. 320.

⁴⁸⁴ Там же.

Примером подобного решения методологических проблем может служить исследование американского исследователя Ф. Ресслера. Он сфокусировался на объяснении гражданских войн и государственных переворотов в государствах Африки к Югу от Сахары в постколониальный период⁴⁸⁵. Его исследование со всей очевидностью показало, что этнические конфликты в исследуемом регионе возникают тогда, когда элита исключает из распределения власти этнические группы, которые несут угрозу удержания власти элиты. Ф. Ресслер прямо не выделяет наименее конфликтную форму правления. По его мнению, хороша та форма правления, которая способствует формированию межэтнических коалиций.

Кроме внутренних факторов возникновения этнических конфликтов существуют и внешние факторы, подчас играющие решающую роль. Американский исследователь Д. Лейтин, отмечал, что региональная специфика и внешние факторы являются определяющими особенностями этнических конфликтов⁴⁸⁶. Например, в государствах Северной Африки и Ближнего Востока этнические конфликты возникают чаще всего. Для этнических конфликтов на постсоветском пространстве внешние факторы являются определяющими. Внешняя поддержка этнических меньшинств дает им ресурсы для проявления сепаратистских настроений и ведет к этническому насилию.

На наш взгляд, при всей ценности сравнительных исследований стоит отметить и ряд ограничений в изучении взаимосвязи формы правления и этнических конфликтов с помощью сравнительного метода.

Во-первых, существует множество причин этнических конфликтов. Невозможно выделить единственный институциональный катализатор этнических конфликтов, речь должна идти о совокупности факторов.

⁴⁸⁵ Roessler F. The Enemy Within: Personal Rule, Coups, and Civil War in Africa // World Politics. – 2011. – Vol. 63. – № 2. – P. 300–346.

⁴⁸⁶ Laitin D. Secessionist Rebellion in the Former Soviet Union // Comparative Political Studies. – 2001. – Vol. 34. – № 8. – P. 839–861.

Во-вторых, у исследователей возникает проблема отбора случаев, поскольку существуют разные ответы на вопрос, что считать этническим конфликтом. Вопрос о признаках этнического конфликта остается предметом научных дискуссий.

В-третьих, в политической науке предложено несколько методик измерения этнических конфликтов. Идентификация и операционализация этнических конфликтов как зависимой переменной является серьезной методологической проблемой этнополитологии.

Наконец, в-четвертых, интерпретация полученных эмпирических данных также не проста. Большое количество независимых и вмешивающихся переменных делает исследование причин этнических конфликтов объемной исследовательской задачей.

Одной из проблем в современной политической науке остается оторванность теоретических абстракций от реальной политической практики. Отчасти это компенсируется ограничением числа случаев, к которому можно применить теорию, как это было сделано А.Лейпхартом в модели общественной демократии. Такая исследовательская стратегия ведет к тому, что данная модель ограничена в анализе этнополитики. Однако было бы ошибкой измерять ценность научной теории исключительно объяснительной силой. Модель общественной демократии стала отправной точкой для исследований институциональных способов предотвращения этнических конфликтов в многосоставных обществах.

Анализ конкретных кейсов позволяет выявить влияние той или иной формы правления на этнические конфликты. Однако это не значит, что следует отказаться от сравнительного анализа большого числа случаев и построения на этой основе обобщающих теоретических выводов. Изучение отдельных кейсов дает идеи для новых гипотез, которые с помощью статистического анализа могут быть проверены на материале одного или нескольких регионов мира и в идеале – на всех странах мира в разные периоды истории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современной политологии существуют противоречия во взглядах на взаимосвязь между формами правления и этническими конфликтами. Большинство исследователей отдает предпочтение *парламентской системе*⁴⁸⁷ в силу ее коллегиального характера как наиболее подходящей для полиэтничного общества, причем теоретическая аргументация сторонников парламентаризма не всегда является убедительной. Следует усомниться в том, что парламентская система – идеальный «инструмент», который годится для решения всех проблем разделенного общества.

Другая часть ученых утверждают, что для этнически разнородных обществ лучше подходит не парламентская, а *президентская система*, указывая в качестве ее преимуществ эффективность института президента в обеспечении группового согласия и примирения. Делая выбор между разными формами правления, «многие авторы не рекомендуют вводить президентскую или полупрезидентскую формы, особенно с большими полномочиями всенародно избранных президентов»⁴⁸⁸. Дебаты о том, какая форма правления больше годится для этнически разделенного общества, остаются незавершенными в политической науке. В российской политологии эти вопросы пока практически не поднимаются.

⁴⁸⁷ Lijphart A. Thinking about Democracy: Power Sharing and Majority Rule in Theory and Practice. – NY: Routledge, 2007; Theuerkauf U.G. Presidentialism and the Risk of Ethnic Violence.

⁴⁸⁸ Харитоновна О.Г. Этнические войны и постконфликтная демократия // Политическая наука. – 2016. – № 1. – С. 54; McGarry J. Is Presidentialism Necessarily Noncollegial? – P. 93–97.

Мы убеждены в том, что институциональные черты форм правления влияют на этнические конфликты, этническое представительство и этническую политику. Форма правления важна для возникновения, развития и протекания этнических конфликтов. Следуя постулату неoinституционализма «институты важны», можно заключить, что форма правления (президентская, парламентская, полупрезидентская) оказывает **воздействие** на появление, протекание и «затухание» этнических конфликтов в разделенных обществах, но при этом является одной из переменных наряду с другими институциональными переменными (формой политико-территориального устройства, избирательной системой, этническими партиями), значимость которых в урегулировании этнических конфликтов еще предстоит установить в последующих исследованиях.

Правильно подобранные и оптимальные институты создают благоприятные условия для урегулирования этнических конфликтов. При этом не следует преувеличивать роль той или иной формы правления в урегулировании этнических конфликтов. Необходимо учитывать, что архитектура политических институтов – это не детерминанта этнических процессов, а лишь одно из условий. Сильное воздействие на этнические переменные оказывают исторические, социальные и культурные факторы. Взаимоотношения между формой правления и этничностью носят сложный характер в силу наличия вмешивающихся переменных, роль которых порой выше, чем роль формы правления.

Проведенный нами анализ теоретических аргументов показал, что с точки зрения этнической конфликтности президентская система имеет как **позитивные** (сильные полномочия президента по формулированию и проведению национальной политики; роль президента в качестве «арбитра» или «рефери»; всенародно избранный президент как «объединитель» полиэтнического общества и выразитель общенациональных интересов; система сдержек и противовесов для противостояния решениям, не отвечающим интересам этнических групп), так и **негативные**

стороны (конкуренция на президентских выборах по принципу игры с «нулевой» суммой, принцип «победитель получает все», жестко фиксированные сроки нахождения президента у власти). Парламентская система в некоторой степени снимает недостатки, свойственные президентской системе, однако она также не является идеальной.

Наше исследование показало, что президентская система имеет преимущества в качестве механизма поддержания межэтнического мира и предотвращения конфликтов. У президента есть значительные полномочия по преодолению конфронтации между этническими группами. Он может выступить в качестве «рефери» для преодоления разногласий между разными группами и обладает возможностью выступить в качестве «объединителя» расколотой на этнические группы нации, поскольку он избирается от всего населения, а не от отдельной группы. Благодаря системе сдержек и противовесов в президентских формах правления этнические группы имеют возможность оппонировать проводимой политике путем использования инструментов конгресса или исполнительной власти.

Одна и та же форма правления оказывает разное воздействие на разные этнические аспекты. Мы полагаем, что президентская система снижает **риск этнических конфликтов** благодаря целому ряду институциональных черт (сильный президент, прямые выборы президента, разделение властей, система сдержек и противовесов и др.), но при этом сокращает возможности для **представительства этнических групп**. Напротив, по нашему мнению, парламентская система создает больше возможностей для этнического представительства, но при такой форме правления возрастают риски этнических конфликтов. Таким образом, одна и та же форма правления оказывает **разное** воздействие на **разные** этнические аспекты. Поэтому выбор формы правления в полиэтнических обществах – сложная задача, поскольку идеальной не является ни президентская, ни парламентская система. И та, и

другая имеют как позитивные, так и негативные стороны, влияющие на этнические процессы в обществе.

В книге мы дали ответ на вопрос о том, распространяются ли преимущества и недостатки президентской системы в условиях полиэтнического общества на **полупрезидентскую систему**. Нами доказано, что свойственное полупрезидентской системе сосуществование является альтернативой принципу президентской системы «*победитель получает все*», поскольку власть распределяется между главой государства, правительством и легислатурой, а, значит, создаются условия для получения доли власти представителями разных этнических групп. При этом мы определили, что сосуществование может дать свои «плоды» в полиэтническом обществе только тогда, когда выборы проходят на честной соревновательной основе, не дающей преимуществ каким-то этническим группам. Если же имеют место электоральные манипуляции, и одна этническая группа «захватывает» должность президента и большинство мест в парламенте, то такой мажоритаризм в итоге ведет к созданию режима этнического доминирования.

Нами установлено, что не форма правления сама по себе ведет к **доминированию одной этнической группы и этнократии**, а реализация **принципа мажоритаризма** в условиях любой формы правления. Так, в парламентской системе одна партия, представляющая интересы одной этнической группы, может получить доступ к кабинету, опираясь на большинство парламента. В президентской и полупрезидентской системе не исключен сценарий, при котором и президент, и большинство в конгрессе принадлежат к одной этнической группе. При этом президентская система «предлагает» вариант разделенного правления (президент и большинство в конгрессе принадлежат к разным группам), а полупрезидентская система – сосуществования, что становится преградой этнократии.

Кроме того, для предотвращения этнических конфликтов необходимо предоставить этническим группам **доступ к исполнительной власти**. Для этого этническое представительство

встраивается в «широкую коалицию», где общенациональные проблемы превалируют над этнорегиональными.

Можно дать общую **рекомендацию** политическим «архитекторам» форм правления в разделенных обществах: они должны осознавать угрозы, которые исходят от той или иной формы правления и пытаться их минимизировать. Конечно, останавливаться приходится на одной форме, но при этом необходимо знать об ее отрицательном воздействии на этническую ситуацию. Кроме того, реализация преимуществ каждой формы правления осложняется целым рядом неинституциональных факторов, а с другой стороны, недостатки той или иной формы правления могут быть сглажены политическими практиками отдельных стран.

Наше исследование показало, что для снижения рисков этнических конфликтов ряд стран отходят от классических президентских и парламентских форм, создавая **нетипичные институциональные конструкции**. Анализ мировой практики продемонстрировал, что коллективное президентство (Швейцария; Босния и Герцеговина) может нивелировать такие проблемы президентской системы как нулевой характер президентских выборов и неколлегиальная природа исполнительной власти, а сильное президентство в условиях парламентской системы (Ливан) позволяет сочетать плюсы президентской (принятие президентом решений, направленных на смягчение конфликтов) и парламентской систем (интересы разных этнических групп и конфессий отражаются в парламенте). Установлено, что принцип взаимного блокирования решений представителями разных этнических групп в условиях президентской республики (Кипр) оказался неработающим институтом в полиэтническом обществе.

Проведенный нами критический обзор **эмпирических исследований**, в которых на основе большого массива данных выявляются взаимосвязи между формами правления и этническими конфликтами, дал противоречивые результаты. Одни авторы не обнаружили существенной взаимосвязи между формой

правления и этническим конфликтом (этническим насилием), другие выявили незначительную корреляцию между президентализмом и риском этнической гражданской войны. Эмпирические исследования показали со всей наглядностью многофакторную детерминацию этнических конфликтов. Изучение подобных взаимосвязей требует дальнейшей эмпирической проверки на кросс-национальной выборке. Дальнейшие усилия научного сообщества в рамках исследования этнических конфликтов будут направлены на изучение конкретных случаев, которые смогут обогатить наши представления об этнических конфликтах и помогут индуцировать новые гипотезы, содержащие комбинации переменных, в числе которых будет и форма правления.

Мы предприняли эмпирическое исследование с использованием **статистических методов**. С этой целью, прежде всего, были собраны и систематизированы три группы **данных**:

а) база данных Т. Ванханена по странам мира, оцениваемых по уровню этнического конфликта (использована без изменений);

б) рейтинг политических прав и гражданских свобод «Свобода в мире» американской организации «Дом Свободы» (использован без изменений);

в) базы данных Р. Элджи по всем формам правления всех государств за разные исторические периоды их существования.

Последняя база данных была скорректирована нами и исправлены ошибки в ней. Была предложена новая система кодирования форм правления путем установления уровня президентализма (число президентских элементов) по шкале от 1 до 4: 1 – парламентская система, 2 – премьер-президентская система, 3 – президентско-парламентская, 4 – президентская система.

Корреляционный и регрессионный анализ был проведен для определения того, насколько форма правления (парламентская, премьер-президентская, президентско-парламентская или президентская), объясняет уровень этнических конфликтов в большом массиве стран мира (165 случаев) в 2010 году. Для проведения расчетов использовалась программа *Microsoft Excel*.

Результаты анализа показали, что в недемократических странах форма правления не оказывает влияния на интенсивность этнических конфликтов. В то же самое время в группе демократических стран можно говорить о *слабой положительной корреляции* между этими двумя переменными: в условиях демократического и полудемократического режимов парламентская система способствует снижению этнической конфликтности полиэтничного общества, а президентская система повышает риск этнических конфликтов.

Нами были сформулированы три рабочие гипотезы: о связи между уровнем президентализма и уровнем этнических конфликтов (не подтвердилась), о связи между свободой и уровнем президентализма (частично подтвердилась), о связи между уровнем президентализма и уровнем этнических конфликтов в группе свободных и частично свободных стран по сравнению с группой несвободных стран (частично подтвердилась). Дальнейшие исследования влияния политических институтов на этнические конфликты должны использовать более широкие временные горизонты анализа и сосредоточиться на анализе сходных случаев этнических конфликтов на региональном уровне для создания релевантной теории.

Анализ данных стран мира за один год не дал нам право утверждать однозначно, что в условиях демократического и полудемократического режимов парламентская система способствует снижению этнической конфликтности полиэтничного общества, а президентская система повышает риски этнических конфликтов. Гипотеза о влиянии формы правления на этнические конфликты и о характере такого влияния требует глубокой и тщательной эмпирической проверки на большом массиве случаев за длительный период времени.

Этнические конфликты объясняются большой **совокупностью факторов**. Анализ этих факторов должен быть привязан к изучаемым случаям, поскольку набор и значение факторов уникальны для каждого случая. Методологические ограничения

применения статистических методов исследования связаны как с отсутствием баз данных, охватывающих достаточные хронологические рамки, так и с уникальностью каждого этнического конфликта. Преодоление данных недостатков возможно, в частности, с помощью использования сравнительно-ориентированного исследования случаев (*case-study*). Однако это не означает, что мы должны полностью отказаться от попыток получения обобщающих теоретических выводов. Изучение конкретных случаев может дать дополнительные идеи для новых гипотез.

Возможное направление дальнейших исследований взаимосвязи формы правления и этнических конфликтов может быть связано с изучением **условий**, при которых форма правления является важнейшим фактором урегулирования этнических конфликтов. Проведенные в политической науке теоретические исследования раскрывают механизмы предотвращения этнических конфликтов. Однако как в президентских, так и в парламентских системах мы можем встретить случаи этнических конфликтов. Можно предположить, что перспективным представляется поиск ответа на вопрос, почему институциональные механизмы разрешения этнических конфликтов *не сработали* в том или ином случае.

Поиск взаимосвязей между политическими институтами и этническими конфликтами является сложной исследовательской задачей. Стоит помнить, что от успеха ее реализации зависит возможность внедрения институциональных решений в политическую практику. В идеале политологи могли бы предложить обществу институциональные решения этнических проблем. Поддержание межэтнического мира с помощью институциональных механизмов является остроактуальной практической задачей, а ее решение во многом зависит от успеха исследований в области институциональных аспектов этнополитики и этнических конфликтов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абдулатипов Р.Г. Этнополитология: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2004. – 315 с.
2. Автономов А.С. Правовая онтология политики: к построению системы категорий. – М.: Инфограф, 1999. – 384 с.
3. Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент: Учеб. пособие. – М.: Дело, 2005. – 472 с.
4. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. – М.: Изд-во Рос. гуманитар. ун-та, 2000. – 368 с.
5. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология: Учеб. пособие для вузов / Ин-т «Открытое о-во». – М.: Аспект-Пресс, 1999. – 271 с.
6. Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий: сборник статей / под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильщикова. – М.: Новое издательство, 2006. – С. 9–48.
7. Благож Й. Формы правления и права человека в буржуазных государствах. – М.: Юрид. лит., 1985. – 222 с.
8. Большаков А.Г. Политический конфликт: возможности управления и исследовательские традиции: Курс лекций. – Казань: Центр инновационных технологий, 2004. – 90 с.
9. Большаков А.Г., Зазнаев О.И. Эффективность миротворческой деятельности России на постсоветском пространстве: опыт и перспективы ОДКБ // Вестник экономики, права и социологии. – 2011. – № 3. – С. 107–111.
10. Борисов Н.А. Президентство на постсоветском пространстве: процессы генезиса и трансформаций. – М.: РГГУ, 2018. – 537 с.

11. Буянова Н.В. Специфика и причины этнополитического конфликта // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2007. – Т. 149, кн. 3. – С. 20–39.

12. Ванханен Т. Этнические конфликты: их биологические корни в этническом фаворитизме. – М.: Кучково поле, 2014. – 420 с.

13. Васильчев И.Н. К вопросу о типологии межнациональных конфликтов // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2010. – Т. 10. – № 1. – С. 41–44.

14. Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005. – 461 с.

15. Горовиц Д.Л. Распределение власти в полиэтнических обществах: три большие проблемы // Политическая наука. – 2016. – № 1. – С. 210–223.

16. Государственное право буржуазных и развивающихся стран: Учебник / А. А. Мишин, Г. В. Барабашев. – М.: Юрид. лит., 1989. – 384 с.

17. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: Эксмо, 2007. – 736 с.

18. Денисова И.А. Этническая идентичность и исследование границ социального целого. Рецензия на книгу «Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2007. – № 3 (21). – С. 124–127.

19. Дербишайр Д.Д., Дербишайр Я. Политические системы мира. В 2 т. – Том 2. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004. – 496 с.

20. Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. – М.: Соц.-полит. журн., 1994. – 272 с.

21. Дробижева Л. Межэтнические отношения в Российской Федерации: пример республик с «особыми правами» // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 2001. – № 2 (35). – С. 81–91.

22. Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. – 376 с.

23. Дэвис И. Вооруженные конфликты и мирные процессы. Краткий обзор // Ежегодник СИПРИ 2018: вооружения, разоружение и международная безопасность: Пер. с англ. – ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН. – М.: ИМЭМО РАН, 1998–2018. – 2019. – С. 29–37.

24. Зазнаев О. И. Дилеммы сравнительной политологии // Гуманитарные исследования на Урале и социальная практика: Материалы Всеросс. науч. конф. – Екатеринбург: Изд-во АМБ; ИИиА УрО РАН, 2010. – С. 126–132.

25. Зазнаев О.И. Институт президентства в условиях политической турбулентности: общемировые тенденции // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2020. – № 2 (43). – С. 19–25.

26. Зазнаев О.И. Осмысление форм правления в зарубежной политической науке: новейшие дискуссии // Политическая наука: Науч. журн. / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Росс. ассоц. полит. науки; Ред. кол.: Е.Ю. Мелешкина (гл. ред.) и др. – М., 2014. – № 1: Формы правления в современном мире / Ред.-сост. номера Зазнаев О.И. – С. 10–33.

27. Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. – Казань: Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина, 2006. – 374 с.

28. Зазнаев О.И. Преимущества и недостатки президентской, парламентской и полупрезидентской систем // Социально-гуманитарные знания. – 2006. – № 5. – С. 133–144.

29. Зазнаев О.И. Смешанные формы правления, или Как масло соединяется с водой // Полис. Политические исследования. – 2005. – № 4. – С. 158–171.

30. Зазнаев О.И. Современная дискуссия о лучшей форме правления // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – Казань, 2013. – Том 155, книга 1. – С. 199–205.

31. Зазнаев О.И. Типология форм правления: работа над ошибками // Полис. Политические исследования. – 2006. – № 1. – С. 92–103.

32. Зазнаев О.И. Форма правления как политический проект: от разработки до реализации // Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций. Материалы X Международной научной конференции. Ч. 1. – М.: ЛЕНАНД, 2013. – С. 30–38.

33. Зазнаев О.И. Этнические аспекты форм государственного правления // Этнические аспекты политических институтов и процессов: монография / под ред. О.И. Зазнаева, М.Х. Фарукшина. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. – С. 115–147.

34. Зазнаев О.И. Этнический конфликт и форма правления: современные дискуссии // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 1. – С. 25–42.

35. Зазнаев О.И., Сидоров В.В. Взаимосвязь форм государственного правления и этнических конфликтов: статистический анализ // Вопросы политологии. – 2020. – Том 10. – № 11 (63). – С. 3234–3243.

36. Зазнаев О.И., Сидоров В.В. Президентская или парламентская система: что препятствует этническому конфликту? // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 290–308.

37. Зазнаев О.И., Сидоров В.В. Президентские системы на постсоветском пространстве: верна ли гипотеза Хуана Линца? // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». – 2018. – № 4 (14). – С. 24–35.

38. Зазнаев О.И., Сидоров В.В. Урегулирование этнических конфликтов: роль формы правления (сравнительное исследование) // Управление региональными конфликтами в условиях цифровизации современного общества: методология и практики реализации: монография / под ред. Н.А. Шибановой. – Казань: Издательство Казанского университета, 2021. – С. 134–145.

39. Зазнаев О.И., Сидоров В.В. Этнические конфликты и формы правления: критический обзор теоретических и эмпирических

исследований // Евразия и глобальные социально-экономические изменения: VII Международный конгресс социологов тюркского мира: сборник научных трудов (Казань, 12–13 марта 2020 г.) = Eurasia and the global socio-economic change: VII International congress of Turkish world sociologists: collection of scientific papers (Kazan, March 12–13, 2020). – Казань: Издательство Казанского университета, 2020. – С. 65–70.

40. Закиров А.Р., Фазулов А.Р. Политическое участие этнических групп // Этнические аспекты политических институтов и процессов: монография / под ред. О.И. Зазнаева, М.Х. Фарукшина. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. – С. 195–223.

41. Ильин И.А. О грядущей России: Избранные статьи. – М., 1991. – 368 с.

42. Ильин М.В. Основные методологические проблемы сравнительной политологии // Полис. Политические исследования. – 2001. – № 6. – С. 140–155.

43. Конфликты в современной России: Проблемы анализа и регулирования / [Е. И. Степанов, Е. И. Васильева, Л. М. Романенко и др.]; Рос. акад. наук. Центр конфликтологии. Ин-т социологии. – 2-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 343 с.

44. Кудряшова И.В. Этнополитическая гомогенизация под международным контролем: Босния и Герцеговина и Косово // Политическая наука: Формирование государства в условиях этнокультурной разнородности. – 2010. – № 1. – С. 100–137.

45. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / пер. с англ. под ред. А.М. Салмина, Г.И. Каменской. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 287 с.

46. Лейпхарт А. Многосоставные общества и демократические режимы // Полис. Политические исследования. – 1992. – № 1. – С. 217–225.

47. Луков В.А. Социальное проектирование: учеб. пособие. – 7-е изд. – М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та: Флинта, 2007. – 240 с.

48. Мансуров Т.З. Этнополитические конфликты // Этнические аспекты политических институтов и процессов: монография / под ред. О.И. Зазнаева, М.Х. Фарукшина. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. – С. 224–270.

49. Маркаров А.А. Полупрезидентская система: содержание понятия и основные характеристики // Политическая наука. – 2014. – № 1. – С. 34–50.

50. Михайлов В.А. Принцип «воронки», или Механизм разветвления межэтнических конфликтов // Социологические исследования. – 1993. – № 3. – С. 57–63.

51. Мэдисон Дж. Федералист № 47 // Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. – М.: Издательство «Весь Мир», 2000. – С. 323–331.

52. Мэдисон Дж. Федералист № 48 // Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. – М.: Издательство «Весь Мир», 2000. – С. 331–337.

53. Мэр П. Сравнительная политология: общие проблемы // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. – М.: Вече, 1999. – С. 309–329.

54. Никитин А.И. Миротворчество ООН: обновление принципов, реформирование практики // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60. – № 3. – С. 16–26;

55. Ожиганов Э.Н. Баланс власти и этнополитические конфликты // Этничность и власть в полиэтничных государствах: материалы межд. конф. / ответ. ред. В.А. Тишков. – М., 1994. – С. 275–298.

56. Остапенко Г.С. Монархия в общественно-политической жизни Великобритании в XX в. // Политика и власть в Западной Европе XX века. – М.: ИВИ РАН, 2000. – С. 53–100.

57. Паин Э.А. Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003. – 164 с.

58. Паин Э.А., Попов А.А. Межнациональные конфликты в СССР (некоторые подходы к изучению и практическому реше-

нию) // Советская этнография. – 1990. – № 1, Январь – Февраль. – С. 3–15.

59. Панов П.В. Институционализм рационального выбора: потенциал и пределы возможностей // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С.В. Патрушева. – М.: ИСП РАН, 2006. – С. 43–92.

60. Панов П.В. Институциональные модели организации власти в полиэтничных обществах: варианты, проблемы и решения // Российская политическая наука: Идеи, концепции, методы: Научное издание / под ред. Л.В. Сморгунова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. – С. 289–306.

61. Паречина С.Г. Институт президентства: история и современность / под общ. ред. Е.В. Матусевича. – Мн.: ИСПИ, 2003. – 163 с.

62. Партии и партийные системы: современные тенденции развития / под ред. Б.И. Макаренко. – М.: РОССПЭН, 2015. – 302 с.

63. Пьер ван ден Берге. Раса и этничность: социобиологическая перспектива // Вопросы национализма. – 2014. – № 4. – С. 89–99.

64. Риггс Ф. Сравнительная оценка президентской формы правления // Сравнительная социология. Избранные переводы. – М.: Academia, 1995. – С. 99–156.

65. Сартори Дж. Искажение концептов в сравнительной политологии (I) // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 3. – С. 67–77.

66. Сартори Дж. Искажение концептов в сравнительной политологии (II) // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 4. – С. 152–160.

67. Сахаров Н.А. Институт президентства в современном мире. – М.: Юрид. лит., 1994. – 176 с.

68. Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы «большой теории» // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 6. – С. 69–94.

69. Семкина Ю.Н. Международное посредничество в урегулировании конфликта в Косово // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2008. – № 4. – С. 71–81.

70. Сергеев С.А. Этнополитология. Конспект лекций; Каз. федер. ун-т. – Казань, 2014. – 128 с.

71. Сидоров В.В. Этнические партии: демократический институт или причина этнических конфликтов? // Этнические аспекты политических институтов и процессов: монография / под ред. О.И. Зазнаева, М.Х. Фарукшина. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. – С. 170–194.

72. Солленберг М., Меландер Э. Вооруженные конфликты и мирные процессы. Динамика организованного насилия, 2007–2016 гг. // Ежегодник СИПРИ 2017: вооружения, разоружение и международная безопасность: Ч. I. Вооруженные конфликты и их урегулирование, 2016. Пер. с англ. ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН. – М.: ИМЭМО РАН, 1998–2017. – 2018. – С. 25–49.

73. Сулакшин С. Системная методология проектирования государственно-управленческих решений // Власть. – 2006. – № 5. – С. 10–19.

74. Тишков В.А. Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / отв. ред.: М.Б. Олкотт, В. Тишков, А. Малашенко. – М.: Московский центр Карнеги, 1997. – 15–43.

75. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 544 с.

76. Фарукшин М.Х. Этнополитология: учебник для студентов и аспирантов факультетов и отделений политологии университетов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. – 280 с.

77. Фарукшин М.Х. Влияние этнического фактора на форму государственного устройства // Этнические аспекты политических институтов и процессов: монография / под ред. О.И. Зазнаева, М.Х. Фарукшина. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. – С. 76–114.

78. Фарукшин М.Х. Проблема этнического голосования в зарубежном дискурсе // Социологические исследования. – 2016. – № 5. – С. 80–86.

79. Фарукшин М.Х. Этничность и федерализм. – Казань: Центр инновационных технологий, 2013. – 348 с.

80. Харитоновна О.Г. Постсоветские конституции: Только ли институты имеют значение? // Политическая наука. – 2014. – № 1. – С. 69–93.

81. Харитоновна О.Г. Этнические войны и постконфликтная демократия // Политическая наука. – 2016. – № 1. – С. 34–59.

82. Чавкин Н.А. Роль духовно-нравственных традиций в процессе формирования этнического самосознания // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». – 2012. – № 5. – С. 128–132.

83. Чиркин В.Е. Конституционные институты формы государства // Сравнительное конституционное право: уч. пособие / отв. ред. В.Е. Чиркин. – М.: Междунар. отношения, 2002. – С. 248–292.

84. Шабо Ж.-Л. Государственная власть: конституционные пределы и порядок осуществления // Полис. Политические исследования. – 1993. – № 3. – С. 155–165.

85. Широкогоров С.М. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. – Шанхай, 1923.

86. Штомпф Г. «Проектное мышление» – это не о размышлениях, а о действиях // Проблемы управления в социальных системах. – 2012. – № 6. – С. 68–72.

87. Шугарт М.С., Кэри Д.М. Президентские системы // Современная сравнительная политология: хрестоматия. – М., 1997. – С. 198–246.

88. Эйдхейм Х. Когда этническая идентичность становится социальным стигматом // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий: сборник статей / под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильщикова. – М.: Новое издательство, 2006. – С. 49–71.

89. Энтин Л.М. Разделение властей: опыт современных государств. – М.: Юрид. лит., 1995. – 176 с.
90. Bagehot W. The English Constitution: The Cabinet // Parliamentary versus Presidential Government / ed. by A. Lijphart. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – P. 66–71.
91. Basedau M. A Context-Sensitive Approach to the Study of Presidentialism and Ethnic Violence // *Ethnopolitics*. – 2013. – № 1. – P. 89–92.
92. Basedau M., Bogaards M., Hartmann C., Niesen P. Ethnic Party Bans in Africa: A Research Agenda // *German Law Journal*. – 2007. – Vol. 8. – № 6. – P. 618–634.
93. Beyme K. von. Institutional Engineering and Transition to Democracy // *Democratic Consolidation in Eastern Europe*. Vol. 1. Institutional Engineering / ed. by J. Zielonka. – Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2001. – P. 3–24.
94. Birnir J. Ethnicity and Electoral Politics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – P. 210.
95. Blondel J. The Presidential Republic. – L.: Palgrave Macmillan, 2015. – 339 p.
96. Brancati D. Decentralization: Fueling the Fire or Dampening the Flames of Ethnic Conflict and Secessionism? // *International Organization*. – 2006. – Vol. 60. – No 3. – P. 651–685.
97. Chandra K. Ethnic Parties and Democratic Stability // *Perspectives on Politics*. – 2005. – Vol. 3. – № 2. – P. 235–252.
98. Chandra K. What is an Ethnic Party? // *Party Politics*. – 2011. – Vol. 17. – № 2. – P. 151–169.
99. Charles C., Siebert H. Sri Lanka: When Negotiations Fail – Talks for the Sake of Talks; War for the Sake of Peace // *Across the Lines of Conflict: Facilitating Cooperation to Build Peace* / ed. by M. Lund and S. McDonald. – NY: Columbia University Press, 2015. – P. 193–230.
100. Cheibub J.A. Reforming Presidential and Semi-presidential Democracies: paper // *Making Presidentialism Work*. IJ, UNAM. – México, 2009. – P. 3–31.
101. Cohen F. Proportional Versus Majoritarian Ethnic Conflict Management in Democracies // *Comparative Political Studies*. – 1997. – Vol. 30. – № 5. – P. 607–630.
102. Colton T.J., Skach C. The Russian Predicament // *Journal of Democracy*. – 2005. – Vol. 16. – № 3. – P. 113–126.
103. Cordell K., Wolff S. The Study of Ethnic Conflict. An Introduction // *The Routledge Handbook of Ethnic Conflict* / ed. by K. Cordell and S. Wolff. – 2nd ed. – N.Y., London: Routledge, 2016. – P. 1–12.
104. Country and Territory Ratings and Statuses, 1973-2020. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/2021-02/Country_and_Territory_Ratings_and_Statuses_FIW1973-2021.xlsx (дата обращения 28.11.2021).
105. D66. URL: <http://www.democrats.nl/> (дата обращения 28.11.2021).
106. Daly S. The Ladder of Abstraction: A Framework for the Systematic Classification of Democratic Regime Types // *Politics*. – 2003. – Vol. 23 (2). – P. 96–108.
107. Duverger M. A New Political System Model: Semi-Presidential Government // *European Journal of Political Research*. – 1980. – Vol. 8. – P. 165–187.
108. Elgie R. Semi-presidentialism: Sub-types and Democratic Performance. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 206 p.
109. Elgie R. The Classification of Democratic Regime Types: Conceptual Ambiguity and Contestable Assumptions // *European Journal of Political Research*. – 1998. – Vol. 33. – № 2. – P. 219–238.
110. Elgie R., McMenamin I. Semi-presidentialism and Democratic Performance // *Japanese Journal of Political Science*. – Cambridge, 2009. – Vol. 9. – № 3. – P. 323–340.
111. Elgie R., Moestrup S. Semi-presidentialism in Central and Eastern Europe. – Manchester: Manchester University Press, 2008. – 282 p.
112. Elgie R., Moestrup S. Semi-presidentialism outside Europe: A Comparative Study. – London: Routledge, 2007. – 266 p.

113. Fabbrini S. Presidents, Parliaments, and Good Government // *Journal of Democracy*. – 1995. – Vol. 6. – № 3. – P. 128–138.
114. Fagerholm A. Ethnic and Regionalist Parties in Western Europe: A Party Family? // *Studies in Ethnicity and Nationalism*. – 2016. – Vol.16. – № 2. – P. 304–339.
115. Fearon D., Laitin D. Ethnicity, Insurgency, and Civil War // *American Political Science Review*. – 2003. – Vol. 97. – № 1. – P. 75–90.
116. Frye T. A Politics of Institutional Choice: Post-Communist Presidencies // *Comparative Political Studies*. – 1997. – Vol. 30. – № 5. – P. 523–552.
117. Galtung J. Peace by Peaceful Means: Peace and Conflict, Development and Civilization. – L.: Sage, 1996. – 280 p.
118. Geddes B. Initiations of New Democratic Institutions in Eastern Europe and Latin America // *Institutional Design in New Democracies: Eastern Europe and Latin America* / ed. by A. Lijphart and C.H. Waisman. – Colorado and Oxford: Westview Press, 1996. – P. 15–41.
119. Gerring J., Thacker S. C., Moreno C. Are Parliamentary System Better? // *Comparative Political Studies*. – 2009. – Vol. 42. – № 3. – P. 327–359.
120. Gruijters J.P.A. The Case for a Directly Elected Prime Minister in the Netherlands // *Parliamentary versus Presidential Government* / ed. by A. Lijphart. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – P. 191–193.
121. Hazan R. Presidential Parliamentarism: Direct Popular Election of the Prime Minister, Israel's New Electoral and Political System // *Electoral Studies*. – 1996. – Vol. 15. – № 1. – P. 21–37.
122. Hermann E.S., Peterson D. The Politics of Genocide. – N.Y.: Monthly Review Press, 2010. – 128 p.
123. Horowitz D. A Democratic South Africa? Constitutional Engineering in a Divided Society. – Berkeley, Los Angeles, Oxford: University of California Press, 1991. – 304 p.
124. Horowitz D. Constitutional Processes and Democratic Commitment. – New Haven and L.: Yale University Press, 2021. – 269 p.
125. Horowitz D. L. Comparing Democratic Systems // *Journal of Democracy*. – 1990. – Vol. 1. – № 4. – P. 73–79.
126. Horowitz D. L. Ethnic Groups in Conflict. – Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1985. – 712 p.
127. Horowitz D.L. The Alternative Vote and Interethnic Moderation. A Reply to Fraenkel and Grofman // *Public Choice*. – 2004. – Vol. 121. – № 3–4. – P. 507–517.
128. Hutchinson J., Smith A.D. Introduction // *Ethnicity* / ed. by J. Hutchinson J. and A.D. Smith. – Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 1996. – P. 3–14.
129. Ishiyama J. Do Ethnic Parties Promote Minority Ethnic Conflict? // *Nationalism and Ethnic Politics*. – 2009. – Vol. 15. – № 1. – P. 56–83.
130. Ishiyama J., Breuning M. Ethnopolitics in the New Europe. – NY: Lynne Rienner Publishers, 1998. – 206 p.
131. Johanssohn K. What is Genocide? // *Genocide Watch* / ed. by H. Fein. – New Haven: Yale University Press, 1992. – P. 17–26.
132. Jones J.O. The Separated Presidency // *The New American Political System* / ed. by A. King. – 2nd ed. – Washington, DC: AEI Press, 1990. – P. 3–31.
133. Kaufman S.J. Ethnicity as a Generator of Conflict // *The Routledge Handbook of Ethnic Conflict* / ed. by K.Cordell and S. Wolff. – 2nd ed. – N.Y., London: Routledge, 2016. – P. 91–101.
134. Kaufmann C. Possible and Impossible Solutions to Ethnic Civil Wars // *International Security*. – 1996. – Vol. 20. – № 4. – P. 136–175.
135. Kesselman M., Krieger J. and Joseph W.A. Introduction to *Comparative Politics: Political Challenges and Changing Agendas*. – 2nd. ed. – Boston, New York: Houghton Mifflin Company, 2000. – 687 p.
136. Laitin D. Secessionist Rebellion in the Former Soviet Union // *Comparative Political Studies*. – 2001. – Vol. 34. – № 8. – P. 839–861.
137. Lane J.-E. *Constitutions and Political Theory*. – Manchester and N.Y.: Manchester University Press, 1996. – 304 p.

138. Laski H. The Parliamentary and Presidential Systems // *Public Administration Review*. – 1944. – Vol. 4. – № 4. – P. 347–363.
139. Lijphart A. Constitutional Choices for New Democracies // *Journal of Democracy*. – 1991. – Vol. 2. – № 1. – P. 72–84.
140. Lijphart A. Nomination: Trichotomy or Dichotomy? // *European Journal of Political Research*. – 1997. – Vol. 31. – P. 125–128.
141. Lijphart A. *Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*. – New Haven; L.: Yale University Press, 1999. – 351 p.
142. Lijphart A. Presidentialism and Majoritarian Democracy: Theoretical Observations // *The Failure of Presidential Democracy. Comparative Perspectives* / ed. by J. J. Linz, A. Valenzuela. – Baltimore; L.: The Johns Hopkins University Press, 1994. – P. 91–105.
143. Lijphart A. The Southern European Examples of Democratization: Six Lessons for Latin America. // *Government and Opposition*. – 1990. – Vol. 25. – № 1. – P. 68–84.
144. Lijphart A. *Thinking about Democracy: Power Sharing and Majority Rule in Theory and Practice*. – NY: Routledge, 2007. – 305 p.
145. Linz J. Presidential or Parliamentary Democracy: Does It Make a Difference? // *The Failure of Presidential Democracy. Comparative Perspectives* / ed. by J. J. Linz, A. Valenzuela. – Baltimore; L.: The Johns Hopkins University Press, 1994. – P. 3–90.
146. Linz J. The Perils of Presidentialism // *Journal of Democracy*. – 1990. – Vol. 1. – № 1. – P. 51–69.
147. Lipset S. M. The Centrality of Political Culture // *Journal of Democracy*. – 1990. – Vol. 1. – № 4. – P. 80–83.
148. Lustick I.S. *Unsettled States, Disputed Lands: Britain and Ireland, France and Algeria, Israel and the West Bank-Gaza*. – Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1993. – 590 p.
149. Mainwaring S. Presidentialism in Latin America // *Latin American Research Review*. – 1990. – Vol. 25. – № 1. – P. 157–179.
150. Mainwaring S. Presidentialism, Multipartyism, and Democracy. The Difficult Combination // *Comparative Political Studies*. – 1993. – Vol. 26. – № 2. – P. 198–228.
151. Martinez R. M. *Semi-Presidentialism: A Comparative Study*: Paper prepared for the ECPR Joint Sessions of Workshops, Mannheim, 26–31 March 1999. – Mannheim, 1999. – 65 p.
152. McGarry J. Is Presidentialism Necessarily Noncollegial? // *Ethnopolitics*. – 2013. – Vol. 12. – No. 1. – P. 93–97.
153. Political Instability Task Force. URL: <https://scip.gmu.edu/political-instability-task-force/> (дата обращения 28.11.2021)
154. Price D.K. The Parliamentary and Presidential Systems // *Public Administration Review*. – 1943. – Vol. 3. – № 4. – P. 317–334.
155. Przeworski A., Alvarez M., Cheibub J.A., Limongi F. What Makes Democracies Endure? // *Journal of Democracy*. – 1996. – Vol. 7. – № 1. – P. 39–55.
156. Rabushka A., Shepsle K. *Politics in Plural Societies: A Theory of Democratic Instability*. – NY: Macmillan Publishing Company, 1972. – 232 p.
157. Reilly B. *Democracy in Divided Societies. Electoral Engineering for Conflict Management*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 232 p.
158. Roeder P. Power Dividing as an Alternative to Ethnic Power Sharing // *Sustainable Peace: Power and Democracy after Civil Wars* / ed. by P.G. Roeder and D.S. Rothchild. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 2005. – P. 51–82.
159. Roessler F. The Enemy Within: Personal Rule, Coups, and Civil War in Africa // *World Politics*. – 2011. – Vol. 63. – No 2. – P. 300–346.
160. Ross M.H. *Cultural Contestation in Ethnic Conflict*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 388 p.
161. Rothchild D., Roeder P. G. Dilemmas of State-Building in Divided Societies // *Sustainable Peace: Power and Democracy after Civil Wars* / ed. by P. G. Roeder and D. Rothchild. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 2005. – P. 1–25.
162. Saideman S. M., Lanoue D. J., Campenni M., Stanton S. *Democratization, Political Institutions, and Ethnic Conflict: A Pooled*

Time-Series Analysis, 1985-1998 // Comparative Political Studies. – 2002. – Vol. 35. – № 1. – P. 103–129.

163. Sartori G. Comparative Constitutional Engineering: An Inquiry into Structures, Incentives and Outcomes. – 2nd edition. – L.: Macmillan Press, 1997. – 217 p.

164. Sartori G. Neither Presidentialism nor Parliamentarism // The Failure of Presidential Democracy. Comparative Perspectives / ed. by J. J. Linz, A. Valenzuela. – Baltimore; L.: The Johns Hopkins University Press, 1994. – P. 106–118.

165. Schmitter P.C. Twenty-five Years, Fifteen Findings // Journal of Democracy. – 2010. – Vol. 21. – № 1. – P. 17–28.

166. Schneider G., Wiesehomeier N. Rules that Matter Political Institutions and the Diversity–Conflict Nexus // Journal of Peace Research. – 2008. – Vol. 45, N 2. – P. 183–203.

167. Sedelius T. The Tug-of-War between Presidents and Prime Ministers: Semi-Presidentialism in Central and Eastern Europe. – Örebro University, 2006. – 318 p.

168. Semi-presidentialism and Democracy / ed. by R. Elgie, S. Moestrup and Yu-Shan Wu. – London: Palgrave Macmillan, 2011. – 296 p.

169. Semi-Presidentialism in Europe / ed. by R. Elgie. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – 320 p.

170. Semi-presidentialism, Premier-presidentialism and President-parliamentarism – A New Country-years Dataset. URL: <http://www.semipresidentialism.com/semi-presidentialism-premier-presidentialism-and-president-parliamentarism-a-new-country-years-dataset/> (дата обращения 28.11.2021).

171. Shugart M.S. Semi-Presidential Systems: Dual Executive and Mixed Authority Patterns // French politics. – 2005. – № 3. – P. 323–351.

172. Shugart M.S., Carey J.M. Presidents and Assemblies. Constitutional Design and Electoral Dynamics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – 316 p.

173. Siaroff A. Comparative Presidencies: The Inadequacy of the Presidential, Semi-Presidential and Parliamentary Distinction // European Journal of Political Research. – 2003. – Vol. 42. – P. 287–312.

174. Siaroff A. Varieties of Parliamentarism in the Advanced Industrial Democracies // International Political Science Review. – 2003. – Vol. 24. – № 4. – P. 445–464.

175. Simon H. The Sciences of the Artificial. – Cambridge: MIT Press, 1969. – 231 p.

176. Sisk T. Power Sharing and International Mediation in Ethnic Conflicts. – Washington, DC: United States Institute of Peace Press, 1996. – 143 p.

177. Sisk T.D. Presidentialism, Ethnic Violence and the Risk of Overgeneralization // Ethnopolitics. – 2013. – № 1. – P. 86–88.

178. Skach C. Borrowing Constitutional Designs: Constitutional Law in Weimar Germany and the French Fifth Republic. – Princeton: Princeton University Press, 2006. – 192 p.

179. Smith A.D. The Ethnic Origins of Nations. – NY: Wiley-Blackwell, 1986. – 312 p.

180. Stavenhagen R. The Ethnic Question: Conflicts, Development, and Human Rights. – Tokyo: United Nations University Press, 1990. – 185 p.

181. Stepan A., Skach C. Constitutional Frameworks and Democratic Consolidation: Parliamentarism versus Presidentialism // World Politics. – 1993. – Vol. 46. – № 1. – P. 1–22.

182. Stroschein S. Measuring Ethnic Party Success in Romania, Slovakia, and Ukraine // Problems of Post-Communism. – 2001. – Vol. 48. – № 4. – P. 59–69.

183. Suberu R. T., Diamond L. Institutional Design, Ethnic Conflict Management, and Democracy in Nigeria // The Architecture of Democracy: Constitutional Design, Conflict Management, and Democracy / ed. by A. Reynolds. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – P. 400–428.

184. The Failure of Presidential Democracy. Comparative Perspectives / ed. by J. J. Linz, A. Valenzuela. – Baltimore; L.: The Johns Hopkins University Press, 1994. – 169 p.

185. The Minorities at Risk (MAR) Project. URL: <http://www.mar.umd.edu/> (дата обращения 28.11.2021)
186. The Oxford Handbook of Political Executives / ed. by R.B. Andeweg, R. Elgie, L. Helms, J. Kaarbo, and F. Müller-Rommel. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – 864 p.
187. The Politics of Ethnic Conflict Regulation: Case Studies of Protracted Ethnic Conflicts / ed. by J.McGarry, B. O’Leary. – L. and N.Y.: Routledge, 1993. – 321 p.
188. Theuerkauf U. Ethno-Embedded Institutionalism: The Impact of Institutional Repertoires on Ethnic Violence: PhD thesis. – London: The London School of Economics and Political Science (LSE), 2012. – 393 p.
189. Theuerkauf U. G. Institutional Design and Ethnic Violence: Do Grievances Help to Explain Ethnopolitical Instability? // Civil Wars. – 2010. – Vol. 12. – № 1-2. – P. 117–139.
190. Theuerkauf U.G. Presidentialism and the Risk of Ethnic Violence // Ethnopolitics. – 2013. – Vol. 12. – № 1. – P. 72–81.
191. Understanding European Union Institutions / ed. by A. Warleigh. – L.; N.Y.: Routledge, 2002. – 202 p.
192. Valenzuela A. Latin America: Presidentialism in Crisis // Journal of Democracy. – 1993. – Vol. 4. – № 4. – P. 3–16.
193. Van Cott D. From Movements to Parties in Latin America: The Evolution of Ethnic Politics. – NY: Cambridge University Press, 2005. – 276 p.
194. Verney D.V. The Analysis of Political Systems. – London: Routledge & Kegan Paul Ltd., 1959. – 239 p.
195. Wolff S. Electoral-Systems Design and Power-Sharing Regimes // Power Sharing. New Challenges for Divided Societies / ed. by I. O’Flynn and D. Russell. – L., Ann Arbor, MI: Pluto Press, 2005. – P. 59–74.
196. Wolff S. Managing Ethno-national Conflict: Towards an Analytical Framework // Commonwealth and Comparative Politics. – 2011. – Vol. 49. – № 2. – P. 162–195.
197. Young C. The Politics of Cultural Pluralism. – Madison: University of Wisconsin Press, 1976. – 560 p.
198. Zaznaev O. Strong President Model // The SAGE Encyclopedia of Political Behavior / ed. by F.M. Moghaddam. – Thousand Oaks: SAGE Publications, 2017. – P. 810-811.
199. Zaznaev O. The Presidentialization of a Semi-Presidential Regime: The Case of Russia // Politics and the Ruling Group in Putin’s Russia / ed. by Stephen White. – Houndmills: Palgrave Macmillan, 2008. – P. 27–41.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ЗАЗНАЕВ Олег Иванович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета, Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Автор более 170 научных и учебно-методических работ. Со-редактор коллективной монографии *Этнические аспекты политических институтов и процессов / под ред. О.И. Зазнаева, М.Х. Фарукишина. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. – 392 с. (диплом 2 степени* в номинации «Коллективная монография» конкурса работ российских ученых Российской ассоциации политической науки 2021 года). Редактор ряда материалов конференций по вопросам этнополитики и монографии по политической идентичности. Редактор номера по формам правления (2014, № 1) и соредактор номера по институту президентства (2019, № 4) журнала «Политическая наука».

Автор статьи «Сильная президентская власть» в *The SAGE Encyclopedia of Political Behavior. Ed. Fathali M. Moghaddam. – Thousand Oaks: SAGE Publications, 2017.*

Руководитель проекта РФФИ о роли формы правления в предотвращении и урегулировании этнических конфликтов (2020–2021 гг.), руководитель и ответ. исполнитель ряда проектов в рамках госзадания Минобрнауки РФ.

Область научных интересов: форма правления; полупрезидентская система; президентская система; президентство; этнополитика; этнополитические процессы в мире; этнополитические конфликты; идентичность; региональный политический процесс.

Для связи с автором: Oleg.Zaznaev@kpfu.ru

СИДОРОВ Виктор Владимирович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Казанского (Приволжского) федерального университета.

Автор более 20 научных и учебно-методических работ. Имеет публикации в журналах «Политическая наука», «Вестник РУДН. Серия: Политология», «Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения».

Один из авторов коллективной монографии *Этнические аспекты политических институтов и процессов / под ред. О.И. Зазнаева, М.Х. Фарукишина. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. – 392 с. (диплом 2 степени* в номинации «Коллективная монография» конкурса работ российских ученых Российской ассоциации политической науки 2021 года).

Руководитель проекта РФФИ о роли языковой политики в формировании гражданской идентичности (2019–2020 гг.), ответ. исполнитель проекта РФФИ о роли формы правления в предотвращении и урегулировании этнических конфликтов (2020–2021 гг.).

Область научных интересов: сравнительная политология; этнополитические процессы в ЕС; этнические партии; президентская система; политические партии; языковая политика; европейская политика.

Для связи с автором: Viktor.Sidorov@kpfu.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Понятие и классификация форм правления.....	11
Глава 2. Президентская, парламентская и полупрезидентская системы как независимые переменные	31
Глава 3. Этнический конфликт как зависимая переменная.....	63
Глава 4. Поиск лучшей формы правления в условиях моно- и полиэтнического общества	93
Глава 5. Критическая оценка гипотез о взаимосвязи между формами правления и этническими переменными	103
Глава 6. Теоретическая проверка гипотез о влиянии форм правления на этнический конфликт	118
Глава 7. Эмпирическая проверка гипотез о влиянии форм правления на этнический конфликт	136
Глава 8. Этническая партия как вмешивающаяся переменная во влиянии форм правления на этнический конфликт	150
Глава 9. Проектирование формы правления в условиях полиэтнического общества.....	175
Глава 10. Нерешенные исследовательские проблемы в изучении взаимосвязи форм правления и этнических конфликтов	192
Заключение	201
Библиография	209
Сведения об авторах	228

*Зазнаев Олег Иванович
Сидоров Виктор Владимирович*

ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ И ЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ

Дизайн обложки
Е. Ашмарина
Компьютерная верстка
В. Калинин

ISBN 978-5-6046880-9-0

Подписано в печать 04.02.2022. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Гарнитура «Minion Pro». Усл. печ. л. 13,49.
Тираж 500 экз. Заказ 12-21/11-2

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а.
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71, 231-04-19.
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru